

Лорел Гамильтон
Список на ликвидацию

Анита Блейк — охотница на вампиров — 20

Лорел Гамильтон «Список на ликвидацию», 2014г.
Издательство: Издательская группа АСТ, Москва, 2014
Оригинальное название: Laurell K. Hamilton «HITLIST», 2011г.
Переводчик: М.Б. Левин
ISBN 978-985-18-2431-7

Аннотация

Новое дело Аниты обещает стать нелегким: в разных городах кто-то убивает тигров-оборотней. Она почти уверена: это дело рук тайной вампирской полиции «Арлекин» —слуг Темной Матери, могущественной прародительницы Неумерших.

Однако всякого, кто хотя бы упомянет имя «Арлекина» вслух, ждет немедленная и страшная расплата, и Анита не может рассказать властям о своих подозрениях, чтоб не подставить невинных под удар.

Действовать придется в одиночку. А главное — необходимо понять: зачем и почему вампиры вдруг вышли на охоту за тиграми?..

Лорел Гамильтон

Список на ликвидацию

ДЭВИД ЮДЖИН ФАВЬЕР
25 сентября 1955 — 6 декабря 2010

Памяти Джина,
который любил Аниту и Эдуарда не меньше, чем люблю их я.
Он всегда готов был отстаивать мою честь в онлайне,
но никогда не забывал при этом, что он — джентльмен.
Его будет не хватать.

Глава 1

Самый большой фрагмент тела лежал на земле — на спине посреди ровного поля травы. В предрассветном сумраке все казалось серым, но на поле кое-где попадались вытопанные места, более светлые. Очевидно, мы стояли на софтбольной площадке. Это «мы» включало Эдуарда — то есть федерального маршала Теда Форрестера — и меня, федерального маршала Аниту Блейк. Эдуард—его настоящее имя, его истинная суть. Форрестер — это его тайное имя, как Кларк Кент для Супермена, но для всех прочих маршалов он — «Старина Тед», когда-то вольный охотник, а ныне федеральный маршал, возведенный в это звание, как и я, «Актом о противоестественных опасностях». Вольным охотником я никогда не была, зато была истребителем вампиров. В общем, как бы там ни было, а вот мы оба тут стоим, с настоящими значками, и в глазах закона мы настоящие копы. Эдуард иногда подражается на работу наемного убийцы, если плата достаточно высокая или цель достаточно интересная. Он специализируется по ликвидации только опасных созданий вроде оборотней и вампиров. Но борьба с преступлениями начинает у него отнимать все больше времени — ничего не поделаешь. Бывает, что работа мешает хобби.

Здесь присутствовали и другие маршалы, беседовавшие сейчас с местной полицией, но среди разбросанных здесь частей тела стояли только мы с Эдуардом. Остальным уже, видимо, на это надоело смотреть, а мы только приехали из аэропорта Такома. Другие копы здесь были раньше, а расчлененные тела очень быстро теряют свою привлекательность.

Мне все время хотелось поплотнее запахнуть ветровку с крупной надписью «Федеральный маршал», и я подавляла это желание. Ну пятьдесят, блин, градусов¹ — это вообще нормальная для

¹ По Фаренгейту, приблизительно 9°C.

августа температура? Дома, в Сент-Луисе, сто² с лишним, а последняя остановка была в Алабаме. После такой жары и влажности пятьдесят — пронзительный холод.

Свет вокруг становился мягче, и фрагменты тела можно было разглядеть лучше. Но нравиться мне они больше не стали.

— Тело лежит на спине или на заднице? —спросила я.

— Ты в том смысле, что оно разорвано примерно посередине, и куски разбросаны футов на десять?

— Ага.

— А это важно? — спросил он и потянулся к ковбойской шляпе, но она осталась в машине, на которой мы приехали из аэропорта. У Теда есть любимая, почти до дыр заношенная ковбойская шляпа, и то, что этот жест стал привычным, показывает, сколько времени проводит Эдуард под маской своего легального альтер эго.

Так что сейчас он ограничился тем, что провел рукой по коротким светлым волосам. Рост у него пять футов восемь дюймов, который при моих пяти и трех кажется высоким.

— Нет, я думаю.

А в голове прокрутилась мысль: «Вот такие проблемы всегда приходят на ум, когда смотришь на расчлененное тело, потому что иначе хочется заорать и убежать подальше, а то и просто сблевать». Чтобы меня вырвало прямо на мертвое тело — такого уже много лет не было, но полиция Сент-Луиса мне этого никогда не забудет.

— Сердце не могут найти. — Голос у него такой же ничего не выражающий, как и лицо.

Света хватало, чтобы видно было: у него глаза не просто светлые, а светло-голубые. Летний загар у него был светло-золотистый, но получше, чем у меня. Это как-то неправильно, что голубоглазый блондин, белый англосакс-протестант, загорает сильнее, чем я — черноволосая и кареглазая, в мать. Во мне ведь половина испанской крови — я же должна загорать лучше, чем совершенно белый мальчик?

— Анита! — сказал он, вставая так, чтобы мне не было видно тела. — Что я сейчас сказал?

Я моргнула с невинным видом:

— Сердца не найдут. Как и в предыдущих трех случаях. Убийца или убийцы забирают сердца как трофей или как доказательство убийства. Как лесник в «Белоснежке» отнес Злой Королеве сердце в ящике. Как-то так.

— Анита, мне надо, чтобы ты была здесь и работала над делом, а не уходила в себя.

— Я здесь, — ответила я, хмурясь.

Эдуард покачал головой:

— Помнится, тебе случалось смотреть и на худшее и быть при этом в лучшей форме.

— Мне могло просто надоест смотреть на такое. А тебе нет?

— Ты не про это дело конкретно сейчас говоришь, — сказал он.

— Не про это.

— Ты спрашиваешь, не достает ли меня смотреть на такие вещи?

— Никогда бы не спросила — противоречит кодексу настоящих мужчин.

От этих слов я сама улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, но скорее рефлекторно — глаза остались холодны и пусты, как зимнее небо. Если бы с нами были другие маршалы, глаза бы у него смеялись, выражали бы какие-то эмоции, но наедине со мной он не считал нужным утруждаться. Слишком хорошо мы друг друга знали, чтобы скрытничать.

— Нет, меня это не достает.

Я пожала плечами и наконец позволила себе плотнее запахнуть тонкую ветровку. Хотя сейчас, когда мой главный пистолет на пояснице, а не в наплечной кобуре, я могла и застегнуться, не

²Приблизительно 34°C.

преграждая путь к пистолету. Резервный пистолет у меня все равно в наплечной кобуре, а большой бандитский нож висит вдоль спины в ножнах, закрепленных на сшитой по мерке плечевой сбруе.

— У меня скорее другое — я бы предпочла быть дома.

— С твоим мужчинами, — сказал Эдуард совершенно нейтральным тоном.

Я кивнула. Моих ребят мне сразу начинало не хватать, стоило только уехать слишком надолго, а сейчас я была на месте преступления уже в четвертом городе. Устала от самолетов, от полицейских, от того, что не дома.

— А мне не хватает Бекки в «Музыкальном человеке». Она всего лишь в хоре, зато самая молодая за всю его историю.

— Наверное, действительно у нее хорошо получается.

— Действительно.

Он кивнул, улыбаясь, и глаза улыбались при мысли о его почти-падчерице. Они с Донной живут помолвленные уже много лет, официально так и не поженились, но дети считают его папой. Бекки было всего шесть, когда у него начался роман с ее матерью. Эдуард, которого вампиры прозвали «Смерть», много лет подряд водит Бекки в танцкласс и сидит в зале ожидания с мамочками. Я даже думать об этом не могла без улыбки.

— Пока у нас не было, к кому возвращаться, гоняться за монстрами было веселее, — сказала я.

Он перестал улыбаться, холодные глаза обратились туда, где лежала на боку голова.

— С этим не поспоришь. Тела меня не очень волнуют, и меня не достает. Но я надеюсь оказаться дома до того, как кончатся представления мюзикла.

— Он сколько вечеров будет идти?

— Две недели.

— Это считая от сегодня?

— Да.

— Мне не хочется еще две недели мотаться не дома.

— Мне тоже, — ответил он, и на этот раз в голосе прозвучала усталость.

Как ни странно, для меня основная проблема в том, что я точно знала, почему выбраны эти жертвы. И даже знала, кто убийцы. Знала, но не могла этого сказать никому, кроме Эдуарда, потому что Расскажи я полиции, киллеры пошли бы по моим следам, по следам каждого полисмена, который от меня это услышал бы, и по следам каждого, кому он успел рассказать. «Арлекин» — у вампиров эта организация была эквивалентом полиции, разведки, судей, присяжных и палачей. В «Арлекине» самые великие воины всех времен и народов. Были среди них вампиры, были оборотни, и вот сейчас они по всей стране убивают тигров-оборотней и расчленивают тела. Тело, лежащее у наших ног, выглядело как человеческое. При жизни этот человек умел перекидываться здоровенным злобным тигром, но это не помогло ему против «Арлекина», как не помогло никому из других. Если сойдутся в бою двое одинаковой силы и быстроты, но один из них лучше обучен драке, то этот лучше обученный победит. Пока что среди оборотней-тигров попадались только обыкновенные люди, которые каким-то образом стали оборотнями.

— Но мы приехали на осмотр места преступления, — продолжал он, — так что это и будем делать.

Я вздохнула, расправила плечи, перестала кутаться в тонкую ветровку.

— Отчасти потому, что мы знаем слишком много того, что другим полицейским тоже надо бы знать.

— Мы это устаканили, Анита. Они... те, кого нельзя назвать... — Он передернулся. — До чего ж противно, что даже вслух нельзя сказать. Как будто мы в книжке про Гарри Поттера. «Тот-кого-нельзя-называть».

— Ты знаешь условие, Эдуард. Если произнести их имя без их приглашения, они откроют на тебя охоту и убьют. Если сказать это имя другим полицейским, все, кто его слышал и говорил, будут найдены и истреблены без пощады. Не знаю, как ты, но эти ребята свое дело знают до жути и вроде бы современную судебную медицину тоже знают.

— Они все в плащах, перчатках и в капюшонах, закрывающих волосы, Анита. Этот наряд, который скрывает их от других... от их собратьев, помогает им не оставлять следов для судебной медицины.

— Тоже верно.

— И те из как-ни-назови, что на твоей стороне, лиц других коллег тоже не знают. Они встречаются в масках, как террористическая ячейка, и могут, если надо, шпионить друг за другом.

— Так что мы не знаем лиц, которые могли бы описать, не знаем имен, кроме кличек, соответствующих маскам на лицах.

— Вряд ли убийцы такого класса ходят в деловом районе Такомы в венецианских масках, так что нам и маски с кличками бесполезны.

— В общем, — сказала я, — мы знаем все — и ничего полезного.

— Если бы я взял контракт на королеву вампиров, она бы сейчас была мертва.

— Или ты, а я бы объясняла Питеру, почему он своего второго отца тоже потерял.

Эдуард посмотрел на меня своим тяжелым холодным взглядом:

— Ты знаешь, насколько я владею своей профессией.

У меня годы тренировки по умению выдерживать этот взгляд. Вот я и выдержала.

— Ты не понимаешь, Эдуард. Она — тьма, сама ночь, ставшая живой.

— Я не ограничился бы тем, что взорвал ее тело и объявил бы работу законченной. Нечто настолько сверхъестественное нельзя убить навсегда, не включив магию.

— И что — ты взял бы с собой колдуна или ведьму?

— Нет. Но обратился бы кому-нибудь из них за амулетами, заговоренным или благословенным оружием, что-то в этом роде. Профессионалы, которых нанял совет вампиров, чтобы ее убить, считали ее ординарной целью, и вот потому-то мы теперь завязли в том, в чем завязли.

С этим не поспоришь—что правда, то правда. «Арлекин» тысячи лет был законом совета вампиров в Европе, но изначально он существовал как стража их темной королевы. Половина его состава порвала с советом вампиров и снова подчиняется приказам Матери Всей Тьмы.

— Они считали, что огонь ее уничтожит, — сказала я.

— Ты бы тоже такое предположила?

Я подумала и ответила:

— Нет.

— А что бы сделала ты?

— Я бы обвешалась освященными предметами, еще больше их накидала на тело, в котором она в тот момент находится, чтобы дух не мог его покинуть, отрезала голову и вырезала сердце, потом бы по отдельности сожгла их в пепел, а потом пепел от тела, от сердца и от головы развеяла над тремя несообщающимися реками.

— А если над одной и той же — ты думаешь, она бы вернулась?

Я пожала плечами:

— Она пережила полное уничтожение тела огнем и смогла выслать свой дух на захват тел других членов совета вампиров. Я бы не исключала никакой возможности.

— Так что если даже мы найдем Морт д'Амура, Любовника Смерти, она просто перепрыгнет в другого хозяина?

— Она умеет выживать в виде духа без тела, Эдуард. Я не уверена, что ее вообще можно убить.

— Все смертно, Анита. Даже вселенная в конце концов умрет.

— То, что случится через пять миллиардов лет, Эдуард, меня не парит. Вселенная пусть сама о себе заботится. А вот как нам прекратить убийства ни в чем не повинных граждан—тигров-оборотней? И вообще — как нам ее остановить?

— Некромант у нас ты, а я всего лишь скромный убийца.

— То есть ты тоже этого не знаешь.

— А почему не знает твой бойфренд? Жан-Клод— Мастер Города Сент-Луиса, и оставшиеся в Европе структуры власти хотят сделать его главой нового совета вампиров в Штатах. Почему все эти вампиры и прочие оборотни, с которыми ты общаешься, не помогут это прекратить?

— Наши... кто бы они ни были, за этими ребятами охотятся. Выезжают, как только услышат о телах, но они отстают от нас, Эдуард. В трех последних городах мы первыми оказывались на месте.

— Для противоестественных созданий, которые считаются лучшими шпионами и убийцами всех времен и народов, они очень мало делают полезного.

— Так и мы немногим лучше.

— Значит, вампиры нам не помогут. Мы копы, так давай будем копами.

— Что это значит?

— Работаем на месте преступления. Здесь совершено убийство. Здесь мы можем узнать об этих сволочах что-то новое. Не легенды, а что они делали несколько часов назад. И это может нам помочь их поймать.

— Ты в это правда веришь?

— Должен верить, да и ты тоже.

Я сделала глубокий вдох — и тут же об этом пожалела. В воздухе стоял едва заметный едкий запах, потому что мы находились возле тела. Смерть не чиста, не аккуратна и не привлекательна. Когда чье-то тело выполняет все свои функции одновременно и в последний раз, пахнет сельским сортиром.

— Ладно, — сказала я и присела возле тела на цыпочках. Заставила себя смотреть на тело, смотреть всерьез. — Тело расчленено малым числом разрезов, очень эффективно и аккуратно.

— Зачем тогда рвать тело на куски?

— Потому что им так хотелось, а силы на это хватает, — ответила я.

— Сама знаешь, что ответ звучит не так. Попробуй еще раз.

Он стоял надо мной, и впервые за долгое время я себя почувствовала неопытным новичком, а он снова стал моим ментором и учил меня, как убивать монстров. Очень немного есть на планете жителей, от которых я готова терпеть такое отношение. Один из них — Эдуард.

— Они хотели, чтобы тела соответствовали прежним, хотя бы с виду. Чтобы полиция решила, что это дело рук тех же убийц.

— А это не так, — ответил Эдуард.

— Первое и третье тело — растерзаны. В буквальном смысле слова разорваны на части. Внутренности повсюду. Как будто работал озверевший киллер и при нем, быть может, организованный партнер, направляющий его или управляющий им. Здесь же все организовано. Он или они выполнили убийства так, как им сказали, под стать первому, но не вложили в него душу.

— Что ты имеешь в виду?

— Это хладнокровное убийство, каким было второе. А в остальных двух случаях убийце оно было в радость.

Он тоже присел на корточки.

— Я убиваю чисто и аккуратно, но мне моя работа тоже в радость.

— Тебя радует, когда удастся твой план, когда ты оказываешься быстрее, сильнее, во всем лучше, чем тот, за кем ты охотишься. Но приносит ли тебе радость сам процесс убийства?

— Да, — ответил он, глядя при этом на тело.

А я рассматривала его профиль и спросила его о том, о чем не спрашивала никогда:

— И что тебе в этом процессе нравится?

Он повернулся, посмотрел светлыми глазами, такими светлыми, что голубизна их оказалась сероватой.

Когда его глаза светлели до холода зимнего неба, это никогда не предвещало хорошего.

— Люблю смотреть, как свет гаснет у них в глазах, — сказал он, и голос был таким же холодным и бесстрастным, как глаза.

Я этот леденящий взгляд выдержала и ответила:

— Потому-то ты и любишь убивать лицом к лицу.

Эдуард кивнул, все еще не отводя ледяных глаз.

Что у меня отражалось на лице, я не знаю. Когда-то, в начале, он был моим учителем, а потом выдал мне комплимент, лучше которого быть не может, — несколько лет назад сказал мне, что ему хотелось бы узнать, кто из нас лучший в профессии. Он уже не был в этом уверен, и ему приходила в голову фантазия, как мы охотимся друг за другом, чтобы решить этот спор раз и навсегда. Когда он это сказал впервые, я была убеждена, что погибла бы при этом я. Сейчас я уже не была так уверена — может, я и победила бы. А потом позвонила бы Донне и детям и сказала бы... что же сказала бы? Что у них больше нет семьи, так как мы с Эдуардом разобрались, кто из нас круче мужик, и это оказалась я?

— Значит, ты думаешь, что этим киллерам нравилась работа? — Я говорила как можно более бесстрастно. Мы, два киллера, оцениваем чужую работу с точки зрения профессионалов.

— Я думаю, что им она могла понравиться. Но невозможно ничего сказать, когда киллер работает под таким контролем.

— И чем это нам поможет их поймать?

Он покачал головой и снова посмотрел на самый большой фрагмент тела:

— Не знаю.

И опять его голос прозвучал устало.

Я посмотрела туда же, куда и он. От груди и живота осталось достаточно, чтобы видно было: мускулистый был мужчина. Торчал в тренажерном зале, и это ничем ему не помогло. Очередной бесклановый тигр, выживший после нападения, а не рожденный в семейной группе. Сейчас арлекины убивают только бесклановых, поскольку ищут некоторых определенных тигров. А именно — золотых. Эта линия считалась уничтоженной в царствование первого императора Китая, но некоторые арлекины сохранили ее, скрыв отдельных представителей. Скрыв от других арлекинов и от Матери Всей Тьмы. Тот факт, что они смогли укрыть от нее тигров в те времена, когда она была на пике своей мощи, показывает, насколько они хорошо это умеют. Такой эффективной программы защиты свидетелей мир не видал ни до, ни после.

Когда золотые тигры вышли из подполья и объявили о своем дебюте всем другим тигриным кланам, мы надеялись, что истребление бесклановых тигров прекратится. Но хотя мы объявили, что у нас в Сент-Луисе есть тигры всех цветов, «Арлекин» все равно продолжал охоту на тигров-оборотней. И это казалось совершенно бессмысленным.

Я встала, ожидая, что больное колено возразит из-за слишком долгого сидения на корточках, но обошлось. То есть мое «больное колено» уже какое-то время не слишком больное. Я — слуга-человек Жан-Клода, я метафизически связана с несколькими оборотнями. У меня заживают раны существенно быстрее, чем у обычных людей, но я не сообразила, что и боль от старых ран тоже ослабевает и уходит. Когда же это началось?

Эдуард стоял рядом со мной, опираясь в основном на одну ногу. У него осталась старая рана от не совсем удачной охоты. Я подумала: «А сколько Эдуарду лет? Он будет стареть, а я нет? Мне связи с миром противоестественного помогут сохранить здоровье?»

Странно было думать, что Эдуард будет стареть быстрее меня.

— Ты о чем-то задумалась? — спросил он.

Я открыла рот, сообразила, что не надо, попыталась придумать, о чем бы можно.

— Почему продолжают убийства тигров? — ответила я вопросом.

— Ты имеешь в виду, теперь, когда вы с Жан-Клодом объявили, что у вас в Сент-Луисе есть свои золотые тигры?

— Да. Считалось, что они убивают бесклановых, чтобы не дать нам установить метафизическую связь с золотыми тиграми. Но ведь поздно, Эдуард, мы ее установили, так зачем продолжать их убивать?

— Не могут они искать какого-то конкретного тигра?

— Может быть, но зачем? И кого — и опять-таки, зачем? Так ничего не выиграть.

— Один выигрыш я могу придумать, — сказал он.

— Хорошо, какой?

— Тебя разделили с Жан-Клодом и прочими, с кем ты метафизически связана. В Сент-Луисе у тебя телохранителей хватило бы на небольшую армию. Здесь только ты и полиция.

— Ты думаешь, они рискнут напасть на меня в окружении копов? У этих ребят главная концепция — никто не знает, что они существуют. На эту огромную мрачную тайну они много сил затратили.

— Если им Темнейшая Мамуля велит тебя убить, рискнут они, что их обнаружит людская полиция?

— Может быть, — ответила я, и тут мне пришла в голову иная мысль. Непонятно, была ли она хуже, но пугала она меня сильнее. — Первая ее мысль была — захватить мое тело. Убить меня она решила, только когда поняла, что я слишком сильна и не впусти ее в себя.

— И здесь, за сотни миль от Жан-Клода, ты так же сильна?

Я подумала об этом — заставила себя подумать как следует.

— Метафизически — нет. Я куда надежнее защищена, когда могу прикоснуться к своему мастеру и зверям своего зова.

— Может, они и убивают тигров, чтобы удержать тебя здесь.

— Ты думаешь, они постараются меня похитить?

— Если ей все еще нужно твое тело — то да.

— А если она просто хочет моей смерти, это тоже проще сделать здесь.

— Проще, — согласился он.

Он смотрел на край поля, осматривал периметр в поисках опасности, готовый увидеть бойцов «Арлекина» в листве дерева или на краю зеленого летнего поля.

— Я никаких оборотней здесь не ощущаю, — сказала я, — а умение ходить днем —неимоверно редкостное. Я только трех вампиров знала, на это способных.

— Но если они такие идеальные шпионы, ты разве могла бы их почувствовать?

— Думаю, что да.

Эдуард посмотрел на меня и снова начал оглядывать местность.

— Чертовски самоуверенно.

— Может быть. Но я бы ощутила, если бы противоестественные существа были близко.

Он сказал, не глядя на меня:

— Только не говори мне, что сейчас ты впервые задумалась, не подстроено ли все это как капкан на тебя.

— Я думала, «Арлекин» не знает, что в Сент-Луисе есть золотые тигры. Как только он об этом узнал, должен был бы прекратить убийства. Это, кстати, одна из причин, почему мы обнародовали.

— Так что-либо это капкан для удержания тебя вдали от Сент-Луиса, либо Темнейшая Мамуля забыла отозвать приказ.

— В смысле?

— Стали бы они истреблять тигров-оборотней, пока она не прикажет им прекратить, даже если бы это не имело смысла?

Я подумала.

— Те, что ей верны, верны фанатично. Так что да, могли бы.

— Так что-либо она забыла им дать приказ, чем-то занятая...

— Либо вот такая она психованная, — закончила я.

Он кивнул:

— Либо вот такая она психованная, либо ждет возможности тебя похитить или убить.

— Твою мать, — сказала я.

— И тебе нужно говорить с Жан-Клодом.

— Я думала, ты его недолюбливаешь.

— Так и ты Донну тоже.

— То есть каждый из нас недолюбливает того, кого любит другой? — пожала я плечами.

— Тебе нужны телохранители, Анита.

— А почему просто не вернуться в Сент-Луис?

— Служба маршалов не одобрит, если бросить дело в разгар расследования, но суть не в этом.

К нам шли другие маршалы. Я придвинулась к Эдуарду и спросила:

— А в чем суть?

— Как ты поедешь домой?

Я нахмурилась, потом ответила:

— Полечу на первом же самолете, на который будут билеты, — и дома.

— Полиция тебя довезет до аэропорта, и дальше ты будешь там одна.

— Что?

— В аэропорту и в самолете ты будешь одна, Анита. Если бы я всерьез взялся тебя убирать, и было бы важно, чтобы меня при этом не увидели, я бы ждал именно этого момента. Чтобы ты оказалась одна, без полиции и без Жан-Клода.

Я наклонилась ближе, спросила тихо:

— Так как мне быть?

— Пусть приедет несколько охранников из Сент-Луиса.

— И как я это объясню копам?

— Что-нибудь придумаем.

Я поняла, что остальные маршалы подошли ближе, потому что лицо Эдуарда расплылось в широкой улыбке, засветилось обаянием, которого у Теда был вообще вагон. Если бы наемным убийцам давали «Эмми», Эдуард бы выиграл с большим отрывом.

Ничего подобного у меня бы не получилось, но обратиться к коллегам-маршалам приветливое и пустое лицо у меня получилось. Они спросили:

— Ну, нашли чего-нибудь, что поможет взять этих гадов?

И мы с Эдуардом ответили в унисон:

— Нет.

Глава 2

Меня пригласили в офис маршала Рейборна — аккуратный квадратный кабинет. Единственным очагом беспорядка в нем был письменный стол, как будто хозяин выровнял по ниточке все ящики с папками, а на столе оставил их грудой, и они за ночь породили невысокие башни бумаг. Рейборн здесь, на месте, был главным. Если бы я была обыкновенным маршалом, он был бы начальником и надо мной, и Эдуардом, но противоестественное отделение быстро становилось самостоятельным, а это значит, что маршал Рейборн был очень не в духе. И в частности, его досада вызвана мной.

— Не первый десяток лет ходят слухи, что в Сиэтле есть свой клан тигров-оборотней, — сказал он.

Я смотрела на него с самым что ни на есть коповским лицом — вежливым, доброжелательным, заинтересованным, но совершенно непроницаемым. Каждая группа оборотней, каждый поцелуй вампиров свои дела ведет чуть-чуть по-своему. Вампиры и клан белых тигров Лас-Вегаса широко оглашают, кто они такие и чем занимаются. Красные тигры Сиэтла не столь сильно жаждут публичности. На самом деле Сиэтл даже не подозревает, что в нем существует клан тигров, — королеве клана такое положение нравилось больше. Оборотни являются гражданами в глазах закона, и потому никогда не было легальным убивать их на месте, как было с вампирами до того, как приняли законы о гражданских правах вампиров, но когда кто-нибудь из них перекидывается в животную форму, окружающие впадают в панику, и не одного оборотня при этом застрелили. Мне случалось пережить нападение оборотня, и я людям сочувствую, но среди моих лучших друзей есть такие, что раз в месяц покрываются шерстью. Так что некоторый конфликт интересов у меня здесь имеется. И маршал Рейборн, похоже, с этим согласен.

Кажется, он ждал каких-то моих слов, и я сказала:

— Я, к сожалению, здесь очень недавно, и слухи еще не успели до меня дойти.

— Тигры здесь есть, Блейк, я это знаю.

Он посмотрел на меня стальным пронизывающим взглядом серых глаз с оттенком оружейного металла. Хорошо выполненный жесткий взгляд. Наверняка злодеи под этим взглядом складываются, как дешевые столики. Но я-то не злодей.

— Очевидно, — сказала я, — что здесь жертва — известное лицо, выжившее после нападения тигра-оборотня.

— Блейк, не надо мне мозги парить, — предложил он голосом столь же твердым, как и его взгляд.

— Извините, это моя природная особенность.

— Что именно? — нахмурился он.

— Кружить головы. Вы же это имели в виду.

— Вы решили со мной позаигрывать?

— Да ничего такого!..

— А тогда зачем эта игра словами?

— А зачем тогда я тут даю сольный концерт в вашем кабинете, Рейборн?

— Потому что вы про этих киллеров знаете больше, чем говорите.

Только годы практики позволили мне не измениться в лице, и только едва заметное движение одного глаза, почти произвольный тик, проявил это желание. Наиболее близкое, что было у меня к «говорящему признаку», как называют это игроки в покер. Я скрыла его улыбкой, отличной улыбкой. Как правило, мужчин она отвлекает, а мне дает выиграть время, пока я думаю, что сказать.

Все еще улыбаясь, я покачала головой, будто он сказал что-то чертовски забавное. А истинная мысль у меня была такая: «Знает он что-нибудь, или пытается выудить наудачу?»

— Вам весело, Блейк?

— Чуть-чуть, — ответила я.

Он открыл лежащую перед ним папку и стал вынимать оттуда фотографии фрагментов тела, как будто карты сдавал. Когда он закончил покрывать стол ужасающими изображениями, я уже не улыбалась, а смотрела на него сердитыми глазами.

— Вы бы лучше лично посмотрели, Рейборн. Куда сильнее действует.

— Я видел последнее место преступления.

— Рада за вас. Так чего вы хотите?

— Правды хочу.

У меня было почти неодолимое желание ответить: «Тебе ее не выдержать!», но эта мысль помогла несколько сбросить гнев. Я посмотрела на него несколько успокоенными глазами:

— Правду — о чем конкретно?

— Есть в Сиэтле тигры-оборотни?

— За то время, что я здесь провела, чашку кофе не успеешь толком выпить. Так что, я думаю, не меня надо спрашивать. У вас тут есть местное противоестественное отделение, там про местных оборотней должны больше моего знать.

— Должны. Но почему-то, куда бы вы ни приезжали, у вас больше знакомых монстров, чем у нас, всех прочих.

Я пожала плечами, не стараясь скрыть, что разговор мне надоедает.

— Может, потому, что я их не считаю монстрами.

Он махнул рукой на фотографии на столе:

— Тот, кто это сотворил, это не человек. Такого человек просто не может сделать.

Я снова пожала плечами:

— Тут не мне судить. Я не судебный медик, и у меня есть друзья среди копов, которые еще не такие жуткие истории рассказывали про людей, накачанных фенциклидином.

— Фенциклидин дает им силы на такое, но еще и приводит в бешенство. Они могут совершать зверские убийства, бывает, но не такое. — Он показал на фотографию. — Точная работа. А фенциклидин точности не дает, он превращает человека в зверя.

Так как это наблюдение мы с Эдуардом включили в свои доклады, я не удивилась, что оно ко мне вернулось.

— Превращает—как превращается оборотень?— спросила я.

— Вы меня поняли.

Я выпрямилась, поскольку пистолет на поясице слегка врезался в кожу — значит, я слишком ссутулилась. Мне последнее время удавалось спать только часа по три в сутки, а тут еще и смена часовых поясов сказывалась.

— Не уверена, что поняла. Но если вы меня сюда позвали вытряхивать, что я знаю про местных оборотней, так я здесь всего четыре часа. Я умею собирать у жителей информацию насчет места противоестественного преступления, но не настолько быстро. А настолько не умеет никто.

— Кто или что убивает тигров-оборотней?

— Не знаю точно.

— Почему их убивают?

— А как выбирает жертвы любой серийный убийца? Кого он намечает себе?

— Значит, вы знаете, что это «он».

Я вздохнула:

— Если обратиться к статистике, то больше девяноста процентов серийных убийц — мужчины. Так что местоимение «он» вероятно оправдано, но вы правы — я не знаю, «он» это или нет. Хотя серийные убийцы женщины более склонны действовать ядом, чем пистолетом, и клинок — тоже оружие убийц мужского пола. Кто бы ни убивал жертв, он уверен в своем умении работать клинком, и у него хватает сил закончить работу до того, как оборотень сможет сопротивляться. Такая уверенность в своих физических силах скорее свойственна мужчинам, чем женщинам.

Он посмотрел на меня, и враждебность на его лице едва заметно уменьшилась.

— Это верно.

— Вас, кажется, удивило, что я это знаю.

Рейборн откинулся на спинку кресла, посмотрел на меня снова, на этот раз оценивающе.

— Мне говорили: единственная причина, по которой у вас на счету больше ликвидаций, чем у прочих сотрудников вашего направления, — это что вы с монстрами трахаетесь, и они с вами разговаривают. Может быть, дело не только в этом.

Я посмотрела на него недружелюбно, а потом мне показалось, что дело не стоит хлопот. Подавшись вперед, я сказала ему:

— Вот что, Рейборн, живи я с группой мужчин, с каждым из которых у меня секс, и будь все они людьми, копам бы все равно это не нравилось, и называли бы они меня шлюхой. Но вышло так, что все мои мальчики — вампиры и оборотни, так что прочим копам еще и не нравится мой выбор бойфрендов. Не нравится так не нравится, их дело, я тут ничем помочь не могу. А вот этих убийц я хочу остановить. Больше таких тел видеть не хочу. Хочу домой к своим мальчикам, и чтобы разрезанные тела больше не снились.

Он потер глаза пальцами.

— Это да. Как начнут они во сне являться, жизни не зарадуешься.

— Так что можете мне поверить, Рейборн, у меня очень серьезные мотивы раскрыть эти преступления.

Тут он посмотрел на меня, не скрывая, что тоже устал.

— Что вы хотите домой, я верю, но как доверять маршалу, который трахается с вампиром — мастером своего города?

— Дискриминировать меня за мой выбор любовников — незаконно.

— Да-да, дискриминация на основе расы, религиозных убеждений или непринадлежности к роду человеческому — что-то такое.

— Я знаю, что говорят другие копы: дескать, я соответствующим органом добываю информацию, предоставляя его монстрам. Не могу это отрицать, но утверждение, что секс — мое единственное умение, это чистая зависть.

— Этот как?

— Почти все в противоестественном подразделении — мужчины. Процент женщин ниже, чем в обычном отделе. Мужчины не любят признавать, что их в работе обставляет какая-то пигалица. Им нужно, чтобы я не превосходила их в умении, а единственный способ, которым они могут объяснить мой личный счет ликвидаций, — это сказать себе, что будь они женщинами да прокладывая себе дорогу наверх тем же способом, тогда бы и речи не было об отставании.

— А вы и есть пигалица. Вид у вас хрупкий, как у моей младшей дочери. Я читал ваши дела, знаю, каких тварей вам случалось убивать. Вас вызывали на дела, где предшественники попадали в больницу или в морг. Вы, маршал Форрестер, маршал Конь-В-Яблоках и маршал Джеффрис — ребята, которых вызывают разгрести.

«Отто Джеффрис» был для Олафа тем же, чем «Тед Форрестер» — для Эдуарда. Олаф был страшнее Эдуарда, потому что в промежутках между заданиями наемника развлекался серийными убийствами. Он пообещал Эдуарду и определенным представителям некоторых правительственных кругов, что на территории Америки этих развлечений не будет. В частности, поэтому он сохранил свою официальную работу инструктора по подготовке в некотором суперсекретном подразделении. Жертвами выбора для него были миниатюрные темноволосые женщины. Сейчас он вроде запал на меня и открытым текстом мне сообщил, что хотел бы заняться со мной нормальным сексом — или хотя бы таким, который не подразумевал мою пытку и убийство. Эдуард хотел бы, чтобы я его поощрила, потому что так близко к нормальным желаниям в отношении женщин Олаф никогда еще не подходил. Но мы оба согласились, что положение подруги серийного убийцы в процессе совместной

ликвидации вампиров слишком легко может запустить его инстинкты серийного убийцы в отношении меня самой. Бернардо Конь-В-Яблоках имеет, как и я, только одно имя, настоящее. Никто из нас никогда не зарабатывал себе на жизнь такими суровыми вещами, как Эдуард или Олаф.

— Делаем что можем, — ответила я.

— У них у всех военная биография, спецподразделения. Все они — здоровые внушительные мужики.

— Тед ростом всего пять и восемь, не так чтобы внушительный.

Рейборн улыбнулся:

— Маршал Форрестер кажется выше.

Я тоже улыбнулась:

— Это он умеет.

— Да и вы иногда тоже.

Я вскинула на него глаза:

— Наверное, я спасибо должна сказать?

— А вампиры действительно называют вас «Истребительница»?

Я пожалала плечами:

— Клички бывают разные.

— Ответьте просто.

— Ну, я больше их убила, чем любой другой охотник. Когда перебьешь много народу, выжившие начинают смотреть с почтением.

— Не может быть, чтобы ваше умение их убивать соответствовало вашей репутации.

— Почему это?

— Потому что тогда вы бы не были человеком.

Рейборн смотрел на меня испытывающим взглядом.

— В личном деле есть анализ крови.

— У вас в крови, по минимальным подсчетам, пять различных видов ликантропии, что, вообще невозможно. Весь смысл ликантропии в том, что если ее подхватишь, больше не заразишься никогда и ничем.

— Да, я — медицинское чудо.

— Как у вас получается — быть носителем активной ликантропии и не перекидываться?

— Ну, что я могу сказать? Повезло.

На самом деле я точно не знала, но начинала подозревать, что все дело в вампирских метках, наложенных на меня как на слугу-человека Жан-Клода. Как будто его власть над собственным телом и неспособность перекидываться стали нашей общей чертой. Мне как-то все равно было, что предохраняет меня от превращения, я просто была рада, что нечто такое есть. Стоит мне перекинуться один раз по-настоящему — и прощай, полицейский значок. Профнепригодность по заболеванию.

— Но это же придает вам силу выше человеческой?

— Такими комплиментами можно девушке голову вскружить.

— Не жеманьтесь, Блейк, я видел ваши протоколы с фитнеса.

— Тогда вы знаете, что я умею поднимать веса, не превосходящие мой собственный. Еще вопросы?

Он посмотрел на меня, постукивая пальцем по краю папки с фотографиями.

— Сейчас — нет.

— Вот и хорошо.

Я встала.

— Противоестественное направление нашей службы становится все более и более самостоятельным. Вы знаете, что идут разговоры о выделении его в полностью автономную службу?

— Слухи доходили, — ответила я, глядя на него сверху вниз.

— Среди маршалов противоестественного направления есть просто киллеры со значком.

— Есть.

— И как вы думаете, почему это власти, от которых зависит, отпускают вас на такой длинный поводок?

Я посмотрела на него — кажется, вопрос настоящий.

— Точно я не знаю, но если строить предположения, то из нас делают легальную группу ликвидации. Чтобы ублажить либеральных левых, нам выдают значки, а закон составляют так, чтобы дать нам свободу убивать монстров согласно пожеланиям весьма нелиберальных правых.

— Так что вы думаете, правительство смотрит сквозь пальцы на то, во что превращается противоестественное направление?

— Нет, маршал Рейборн. Я думаю, правительство готовит себе почву.

— Почву для чего ?

— Для возможности все отрицать.

Мы посмотрели друг на друга.

— Ходят слухи, что законы снова переменятся, и вампиров и оборотней будет легче убивать в рамках закона и по меньшим причинам.

— Слухи всегда ходят, — ответила я.

— Если законы переменятся, на чьей стороне вы будете?

— На той, на которой всегда.

— Какая же это? — спросил он, вглядываясь мне в лицо.

— На своей собственной.

— Вы себя считаете человеком?

Я в этот момент шла к двери, но остановилась, взявшись за ее ручку. Оглянулась на него.

— С точки зрения закона, оборотни и вампиры — люди. Даже сам ваш вопрос не только оскорбителен, но и наверняка нарушает закон.

— Я буду отрицать, что его задал.

— Тогда я получила ответ на свой вопрос.

— На какой?

— Честный вы человек или лживая сволочь.

Он побагровел, поднялся, опираясь на стол.

— Убирайтесь вон!

— С удовольствием.

Я открыла дверь, закрыла ее за собой твердо, но тихо, и пошла мимо столов других маршалов. Они видели наш «разговор» через стеклянные двери кабинета Рейборна, могли прочитать язык жестов и понимали, что кончился разговор не мирно. Мне было все равно. Я себе шла, потому что горло перехватило и глаза жгло. Это меня потянуло плакать, потому что Рейборн меня спросил, считаю ли я себя человеком? Ну, надеюсь, что не поэтому.

Глава 3

Эдуард нашел меня в переулке, где я стояла, прислонившись спиной к относительно чистой стенке, и плакала. Не навзрыд, но все же.

Он ничего не стал говорить — просто встал рядом, чуть подвинув ковбойскую шляпу вперед, чтобы она стену не задевала. Шляпа закрыла верхнюю часть лица, и стал он — ни дать ни взять ковбой «Мальборо».

— Никак не могу привыкнуть, когда ты Теда изображаешь.

Голос у меня не срывался. Если бы слезы не были видны, то никто бы и не заметил, что я плачу.

Он усмехнулся:

— Людям при нем уютнее.

— И когда ты о нем говоришь в третьем лице, а он в этот момент — ты, тоже как-то странно.

Он улыбнулся шире и протянул голосом Теда:

— Ну, юная леди, ты-то знаешь, что Тед не настоящий. Просто имя, которое я себе взял.

— Он — твоя легальная ипостась. Я думала, это твое имя от рождения.

Улыбка чуть потускнела, и мне не нужно было смотреть ему в глаза — я знала, что они холодны и пусты.

— Хочешь спросить — спроси.

— Я когда-то спрашивала, ты не отвечал.

— Тогда — это тогда, а теперь — это теперь.

Очень спокойный был голос, очень Эдуардовский.

Я попыталась прочесть мысли на его лице.

— Ладно. Итак: Тед, точнее, Теодор Форрестер — это твое имя от рождения?

Он сдвинул шляпу так, чтобы посмотреть мне в глаза, и ответил:

— Да.

Я заморгала.

— И вот так вот просто ты мне наконец ответил «да» ?

Он слегка пожал плечами, улыбнулся уголком рта.

— Это потому что я плакала?

— Может быть.

Значит, я наконец получила подтверждение: Эдуард родился как Теодор Форрестер. В каком-то смысле Тед — истинная личность, а Эдуард — его тайная суть.

— Спасибо. — И это было все, что я могла на это сказать.

— За то, что ответил наконец?

Я кивнула и улыбнулась:

— И что тебе было не наплевать, что я плачу.

— Чего хотел Рейборн?

Я ему рассказала и закончила словами:

— Понятно, что причина плакать дурацкая. Казалось бы, я привыкла, что меня монстром называют.

— Месяц всего прошел после самой тяжелой ликвидации за всю твою жизнь, Анита. Дай себе передохнуть.

Эдуард на той ликвидации со мной не был, потому что это не была легальная охота на монстра. Тогда Хэвен, наш местный Рекс, озверел и решил стрелять в Натэниела, моего любимого, леопарда моего зова, одного из самых любимых мужчин моей жизни. Стрелял на поражение, но Ноэль, один из самых слабых наших львов, встал между Натэниелом и пулей. Он пожертвовал жизнью, спасая его, а я с Ноэлем была едва знакома. Хэвена обуревала ревность, он хотел сделать мне как можно больнее, и тот факт, что он как самую сильную для меня боль выбрал смерть Натэниела, я до сих пор как следует не обдумала. И без того мне было достаточно больно, потому что Хэвен был одним из моих любовников. Мне никогда не приходилось убивать никого, кого я прежде любила. И не слишком приятное ощущение. Мерзкое, честно говоря.

— Имеешь в виду, что у меня все еще саднит рана от убийства Хэвена?

— Да.

— Тебе когда-нибудь приходилось убивать любовницу?

— Да.

— Правда?

Я посмотрела на него.

— Правда. Спроси теперь, любил ли я ее.

— Ладно. Ты ее любил?

— Нет.

— А я любила Хэвена, поэтому больнее.

— Наверное, — ответил он.

Мы снова замолчали, теперь уже вместе. Нам с Эдуардом разговаривать не надо — мы можем, но это нам не надо.

— Мы как-то не так охотимся за этими убийцами. Даже если бы мы не знали, кто убивает и примерно почему, все равно как-то задом наперед все делаем.

— Надо соединить ордера на ликвидацию по первым трем событиям и сделать единую охоту, — согласился он.

— Да.

— Но первые три ордера — в руках маршалов, которых учили в школе по книгам. Они копы, но никто не работал по насильственным преступлениям. Не понимаю, почему набрали этих деток.

— Все мы когда-то были детками, Эдуард. А ордера эти нам надо перевести на себя до того, как кто-нибудь из них погибнет. Рейборн сказал, что ты, я, Джеффрис и Конь-В-Яблоках — команда

уборщиков. Мы выполняем ордер после того, как кто-то из других маршалов попадает в больницу или в морг.

— Таков закон, Анита. Ордер принадлежит маршалу до тех пор, пока он не окажется в неспособности его выполнить в связи со смертью или ранением, либо же пока не передадут его другому маршалу по тем или иным причинам.

— Так сделаем так, чтобы передали нам.

— Каким образом?

— Можно просто попросить, — предложила я.

— Двух маршалов я просил. Оба отказались.

— Ты просил мужчин.

— Да.

— Ну, а я попрошу женщину.

— Пощебечешь по-девичьи?

Я посмотрела на него хмуро:

— Щебетать по-девичьи я не умею, но попробую ее уговорить переписать ордер на меня. Если подпишется хотя бы одна, можем открывать охоту на монстров. И оборвать цепочку преступлений, не раскрыв их, а убив преступников.

— Идея мне нравится.

— Ты знаешь, и я знаю, что мы с тобой — законные убийцы, но не копы. Иногда мы раскрываем преступления и ловим преступников, но обычно кончается тем, что мы убиваем.

— Ты так говоришь, будто тебе это неприятно, — сказал он, глядя на меня внимательно.

Я пожала плечами:

— Мне действительно неприятно, а что тебе это все равно, мы уже обсуждали. Очко, блин, в твою пользу, но мне начинает уже действовать на нервы.

— Мне кажется, я придумал способ, как тебя использовать, чтобы их выманить — если это то, чего ты действительно хочешь.

Я всмотрелась в его непроницаемое лицо.

— Но сперва мы должны добиться, чтобы на нас переписали ордер? Так?

— Это было бы невинно, а еще — чтобы тебе прислали из дому телохранителей, а еще хорошо бы сейчас прямо дать знать Бернардо и Олафу, пока все живы, потому что иметь резерв было очень полезно.

— Олаф все еще думает, что я его девушка или что-то вроде.

— Пары, совместно совершающие убийства, как правило, очень прочны.

— Не смешно.

— На самом деле смешно, но прошу прощения. Мы оба знаем, что когда-нибудь тебе или мне придется убить Олафа, потому что он решит убить тебя.

— Если он всерьез задумает меня убивать, то сперва убьет тебя. Он знает, что ты не успокоишься, пока он будет жив.

— Ты для меня сделала бы то же.

— Тоже верно. Так что он будет убивать нас обоих сразу или второго как можно быстрее, чтобы обезопасить себя от мести.

— Вероятно.

— И все-таки ты его вызовешь резервом на это дело.

— Он умелый боец.

— Он психотический сумасшедший убийца, вот он кто.

— Формально у него нет психоза.

— Значит, сумасшедший убийца.

— Это да. — Он улыбнулся, даже глаза потеплели. Это не Тед улыбался, а настоящий Эдуард. Мне нечасто приходилось видеть такое, и потому я это ценила. И не могла не улыбнуться в ответ. Все еще улыбаясь, покачала головой:

— Ладно, попытаюсь у этой другой маршалши добиться ордера, а тогда ты позвонишь Бернардо и Олафу, но телохранителей из дому на помощь я позвать не смогу. Мы — маршалы, а они нет, а право привлекать помощников — не та привилегия, которую служба маршалов предоставляет надолго.

— Ты не в курсе последних событий.

— А именно? — спросила я, сведя брови.

— Месяц назад погиб один маршал, потому что помощь вовремя не прибыла, но рядом оказался один солдат, только что из Ирака. Подобрал оружие маршала и прикончил оборотня.

— Слыхала я про это. Трагедия и героизм, но что из этого?

— Ты и правда служебную почту не проверяешь?

— Наверное, не так часто, как надо бы. Что я пропустила?

Он достал из кармана телефон, прокрутил почтовые сообщения, потом показал мне экран. Я прочла, перечитала еще раз.

— Ты шутишь?

— Официальный документ.

— Мы теперь можем привлекать помощников, не только оказавшись без поддержки, но также в тех случаях, когда считаем, что умения и навыки привлекаемого лица пойдут на пользу выполнению ордера и предотвратят гибель гражданских лиц. Мать Божия, Эдуард! Это же карт-бланш на создание разъяренной толпы!

— Да, здесь заложена возможность злоупотребления.

— Злоупотребления. Здесь заложена возможность вил и факелов!

— Анита, прекрати. Никто сейчас вилами и факелами не пользуется. Будут фонари и ружья.

— Эдуард, не смешно. Проблема гражданских прав вылезет сразу же.

— Я не знал, что тебя это волнует. Или это переменялось с тех пор, как ты помогла принять закон о пощаде маленьким вампирчикам, когда их мастер оказывается бякой?

— Я только сказала, что эта маленькая поправка к закону очень быстро может вырасти в неодолимую проблему.

— Может, и так, но для нас в данном случае эта поправка полезна.

— Хочешь сказать, что мы привлечем в помощники телохранителей из Сент-Луиса?

— Это мысль.

Я открыла рот, закрыла, подумала еще раз и сказала:

— Черт побери. Сейчас для нас действительно полезно, но...

— Бери сейчас, что дают, Анита. А насчет толп, зверствующих в рамках закона, будем волноваться позже.

— Договорились.

Я кивнула.

— Уговори ее переписать ордер на тебя, я позову в дело Олафа и Бернардо, а ты вызовешь из дома телохранителей.

— Ты их сейчас почти всех знаешь. Хочешь помочь в выборе?

— Доверяю твоему мнению.

— Высокая похвала — когда от тебя.

— Заслуженная.

Я попыталась не делать слишком довольный вид, но вряд ли получилось.

— Спасибо, Эдуард.

— Да не за что. Но сперва надо, чтобы она на тебя ордер переписала. Получи ордер, а тогда у меня будет план.

Он не стал мне излагать, что за план, но раз он мне признался в своем «настоящем» имени, то пусть себе держит свой план в секрете. Пока что.

Глава 4

Маршал, с которой мне нужно было мило побеседовать и выманить ордер, была женщиной, и потому у нас с ней был общий номер в отеле. Маршал Лайла Карлтон, пять футов шесть дюймов, плотного сложения. Не в том смысле, что она толстая, а в том, что вся — мускулистая и округлая. В излишней одежде, наверное, могла бы показаться толстой, но когда видишь ее в футболке и в джинсах, тогда понимаешь, что этот весь «объем» — выпуклости да мускулы. Когда она брала свой рюкзак или

снаряжение для охоты на вампиров — а оно наверняка весило те же пятьдесят фунтов, что и мое, — проявлялись бицепсы, и сразу становилось ясно, что она очень сильная.

Впрочем, сама она так на это не смотрела.

— Какая ж ты миниатюрная! Я же эту девичью талию одной рукой могу обхватить, а у тебя еще и сиськи есть, и задница. Подруга, так нечестно.

Она выбрала подход вроде «вот вывернусь наизнанку и скажу тебе комплимент прежде, чем ты мне успеешь». Я делала вид, что этого не замечаю, и либо отвечала какими-то комплиментами, либо соглашалась: да, я хорошо выгляжу, и встречного комплимента не выставяла. Это последнее усиливало ее неприязнь ко мне. Она уже сообщила мне, что так как я меньше на несколько размеров, я ей не нравлюсь. Вот что хорошо в работе с мужиками — такого там и близко не бывает.

Я пыталась, но в этих играх у меня плохо получается.

— Я знаю мужчин, которые твое тело предпочли бы моему.

— Чушь собачья! — ответила она, готовая разозлиться.

— Я общаюсь с кучей древних вампиров — они не любят по-настоящему худых девушек. Им надо, чтобы женщина выглядела женщиной, а не мальчишкой-подростком, которому в последний момент решили налепить буфера.

— Ты так не выглядишь, — ответила она с чуть меньшей злостью, но все еще не дружелюбно.

— И ты тоже. Мы обе миловидные и округлые, какими Господь Бог и предназначил быть взрослым женщинам.

Она подумала, потом усмехнулась, осветившись всем лицом, и я поняла, что мы поладим.

— Что правда, то правда. Но эта задница — не задница белой женщины.

— Мне говорили, что я похожа на мать, только бледнее. Она была испанской крови.

— Тогда понятно. Я так и подумала, что ты слишком круглая, где надо, чтобы быть из белой породы. — Аккуратно разложив одежду на покрывале, она спросила: — А что значит, что тебе «говорили», что ты похожа на мать?

— Ее не стало, когда мне было восемь.

— Извини тогда. — Судя по голосу, она искренне мне сочувствовала.

Наступила неловкая пауза. Каждая из нас разбирала вещи на своей стороне комнаты. Моя койка оказалась ближе к ванной и дальше от двери. Мы этого не обсуждали — просто я вошла первой.

— Да ничего, — ответила я. — Это уже давно было.

— А отец?

— Его родители из Германии, он родился здесь.

— А как ему, что ты маршал и охотник на вампиров? — спросила она, вывалив одежду кучей на кровать и начав ее разбирать.

— Нормально. Вот моя мачеха Джудит от этого не в восторге.

Наверное, я улыбнулась, потому что Лайла засмеялась глубоким горловым смехом. Темным и чувственным, как «Гинесс» в бокале. Хорошим смехом.

— Понимаю, как же. Я для мамы стала наказанием, как только пошла. Отец у меня футбольный тренер, и я всегда хотела быть как папа и братья.

— А сестер нет?

— Одна есть, и она вот — Настоящая Девушка.

— Ага, у меня сводная сестра есть, и она тоже такая. А я на охоту ходила с отцом.

— Братьев нет?

— Есть один, по отцу, но он слишком для охоты нежный. Я у отца единственный мальчишка.

Пальцами я показала в воздухе кавычки над последними словами. Она снова засмеялась.

— А я вечно соревнуюсь с братьями и всегда в проигрыше. Они по шесть с лишним футов, как папа. А я в маму, коротышка.

— Я всегда была в классе самой маленькой.

— Я не самой, но все равно хотелось повыше.

— Так как твой отец к твоей работе относится?

— Он мной гордится.

— Мой тоже, — ответила я. — Но еще и волнуется.

— Ну, это и мой тоже. — Она слегка отвела глаза в сторону. — Нам на учебе о тебе говорили. Анита Блейк, первая женщина — истребитель вампиров. У тебя все еще самый большой список из всех маршалов.

— Я дольше этим занимаюсь.

— В прежние дни вас было только восемь.

— На самом деле больше. — ответила я.

— Они либо рано отходили от дел, как твой друг Мэнни Родригес, или... — Вдруг у нее возник пристальный интерес к укладке вещей в ящик. — Нормально, если я верхний ящик займу?

— Нормально, ты выше.

Она улыбнулась, несколько нервно.

— Карлтон, не переживай, — сказала я. — Я знаю, что моральный дух резко возрос, когда истребители вампиров стали выполнять ордера.

Она уложила вещи в ящик, задвинула его, снова посмотрела на меня как-то искоса.

— А почему так? Во всех учебниках пишут, но не объясняют почему.

Я присела, она отодвинулась, давая мне уложить вещи в нижний ящик. Я подумала, что ей ответить.

— До ордеров охотники на вампиров не очень выбирали способы убийства. Нам не надо было защищаться в суде, так что несколько легче спускали курок. Когда только ввели ордера, некоторые охотники стали сомневаться, удастся ли оправдаться в суде, не повесят ли на тебя криминальное убийство. Вспомни, тогда у нас значков не было. Некоторые попали за решетку, хотя убитый вампир оказывался подтвержденным серийным убийцей. Это вызывало у нас колебания при ликвидации, а колебание ведет к гибели.

— Теперь у нас значки.

— Да, официально мы копы, но не забывай, Карлтон, что на самом деле мы — ликвидаторы. У полисмена основная работа — чтобы никто не пострадал. Большинству из них за двадцать лет службы не приходится ни разу пистолета вытащить, что бы там по телевизору ни показывали. — Я уложила кофточки поверх лифчиков и трусов. — А наша основная работа — убивать. Копы этого не делают.

— Мы же убиваем не людей, а монстров.

Я улыбнулась, но сама знала, что невесело.

— Приятно так думать.

— На что ты намекаешь?

— Тебе сколько лет?

— Двадцать четыре, а что?

Я снова улыбнулась, все еще нерадостно.

— В твои годы я тоже думала, что они все монстры.

— А сколько тебе?

— Тридцать.

— Ты же только на шесть лет меня старше.

— У копов, как у собак, Карлтон. Умножай годы на семь.

— В смысле?

— Я тебя на шесть лет старше хронологически, но в собачьих годах считая — на сорок два.

Она уставилась на меня, недоуменно хмурясь:

— И что это вообще должно значить?

— Вот что: сколько за тобой казненных вампиров?

— Четыре, — ответила она несколько задиристым тоном.

— Ты их настигла на охоте и убила, или это была казнь в морге, когда они лежат на каталке в цепях и без сознания?

— В морге. А что?

— Поговорим, когда убьешь кого-нибудь из них не спящего, кто будет умолять не убивать его.

— Они умоляют? Я думала, они просто нападают.

— Не всегда. Иногда они боятся и молят, как и любой другой.

— Но они же вампиры, они же монстры!

— Согласно закону, которого мы придерживаемся, они не монстры, а граждане нашей страны.

Она всмотрелась мне в лицо. Не знаю, что она там увидела или хотела увидеть, но в конце концов она помрачнела.

— Так ты действительно веришь, что они люди?

Я кивнула.

— Веришь, но все равно их убиваешь.

Я кивнула еще раз.

— Но если ты правда так считаешь, то для меня это было бы как убить прохожего на улице. Как всадить осиновый кол в сердце обычного человека.

— Ага.

Она отвернулась, стала распаковываться дальше.

— Не знаю, могла бы я делать эту работу, если бы считала их людьми.

— Да, конфликт интересов просматривается.

Я стала думать, как разложить оружие, к которому мне нужен быстрый доступ — на всякий случай. Зная, что «Арлекин» может задумать мое похищение или ликвидацию, я очень хотела быть хорошо вооруженной.

— Можно мне задать один вопрос? Только не пойми меня неправильно... — спросила она, садясь на край кровати.

Я остановилась, выложив на свою кровать пистолет и два ножа.

— Наверное, нет, но ты все же задай.

Она снова нахмурилась, между бровями появилась складка. Ей бы надо отучаться от этой привычки, а то морщины появятся слишком рано.

— Мне не хочется никак тебя задевать, — сказала она.

Я вздохнула:

— Понимаешь, Карлтон, всякий раз, как кто-нибудь спросит; «Можно мне задать вопрос, только не пойми меня неправильно», — так наверняка прозвучит что-то оскорбительное. Так что спрашивай, но гарантировать я тебе ничего не могу.

Она подумала — серьезная, как первоклассник в первый школьный день.

— О'кей. Наверное, это глупость, но ответ меня настолько интересует, что согласна быть дурой.

— Так спрашивай.

— К нам приходили с лекциями другие истребители вампиров. Один из них сказал, что ты была лучшей в профессии, пока тебя не соблазнил мастер вашего города. Он сказал, что вампиру легче соблазнить женщину, чем мужчину, и ты — тому доказательство.

— Это был Джеральд Мэллори, охотник на вампиров, прикомандированный к Вашингтону, округ Колумбия?

— Как ты узнала?

— Мэллори считает меня блудницей вавилонской ЗА то, что я сплю с вампирами. Обратной, может быть, он бы мне простил, но вампиров он ненавидит так глубоко и всеохватно, что это даже пугает.

— Пугает? — спросила она, слегка недоверчиво.

— Я видела, как он убивает. Он при этом разряжается. Он расист, получивший разрешение ненавидеть и убивать.

— Ты про расиста — потому что я черная?

— Нет, просто не найду лучшего слова для такого отношения к вампирам. Я сказала, что стала его бояться, увидев, как он протыкает вампиров? Так это я не шутила. Он ненавидит их так, что просто не остается места для проблеска мысли, для малейшего повода, который дал бы возможность ненавидеть их меньше. Эта ненависть его сжигает, а сжигаемые ненавистью — психи. Ненависть ослепляет, не дает видеть правду и заставляет ненавидеть всех, кто с тобой не согласен.

— Еще он говорит, что вампира всегда нужно проткнуть колом. Использование серебряных боеприпасов он не одобряет.

— Да, он приверженец кола и молотка. — Я нагнулась над рюкзаком и вытащила дробовик «Моссберг-500 Бантам». — Вот это мое любимое оружие для расстрела в гробах. Всего-то и надо — уничтожить мозг и сердце. Но нельзя просто пальнуть в голову и в грудь и считать, что работа сделана. Нужно удостовериться, что мозг вытек на пол, или же что голова полностью отделена от тела. А

сквозь дыры в груди должен проходить свет. И чем старше вампир, тем радикальнее надо разрушать голову и тело.

— Он говорил, что достаточно будет проткнуть сердце колом.

— Если сквозь грудную клетку виден свет, если сердце уничтожено полностью, то, вероятно, да. Но если есть время уничтожить еще и мозг, это стоит сделать. И я хочу, чтобы ты знала: так оно надежнее. Я, вынув сердце, потом возвращаюсь и стреляю в голову — в полевой работе.

— В смысле, на охоте?

— Да.

— У меня эта охота первая.

Я про себя подумала: вот блин.

— То есть ты даже не участвовала в охоте?

— Ни разу.

— Ты говорила, что казни выполняла только в морге, но я думала, ты хотя бы как помощник маршала работала. Никогда даже не видела, как убивают вампира в бою?

— Ничего, справлюсь.

Я покачала головой:

— Теперь я должна буду тебя кое о чем попросить, а ты не обижайся.

Она села на край своей кровати.

— Справедливо. Так о чем ты хочешь попросить?

— Это очень тяжелый случай, Карлтон. Охота не для новичка в полевой работе.

— Я знаю, что случай сложный.

— Нет, пока еще не знаешь. — Я села на свою кровать, лицом к ней. — Я тебя прошу переписать на меня ордер. Очень прошу.

Она разозлилась и не пыталась этого скрыть.

— Невозможно. Девушка в этой ситуации — я, и если я сдам назад, другие маршалы больше никогда на меня надеяться не будут.

— Карлтон, не в том дело, кто тут девушка. Дело в том, кто тут без опыта.

— Я сумею прикрыть тебе спину, Блейк.

— Да меня не волнует, что меня убьют из-за твоей неумелости.

Она снова нахмурила брови:

— Так что тебя волнует?

Я глянула в эти темно-карие глаза, в серьезное лицо.

— Волнует, что *тебя* убьют по этой причине.

На этом девичьи разговоры кончились, мы просто готовились ко сну. Я пошла в ванную переодеться. Оружие я паковала сама, а вот одежду — нет. Это сделал Натэниел, один из живущих со мной любовников, леопард-оборотень и леопард моего зова. Он из нас всех самый домовитый, а я могла бы разобраться с джинсами, футболками, сапогами и кроссовками, но с пижамами — нет, это пусть лучше он. Майка и мальчиковые шорты, вот только почему-то кружевные, черные и облегающие, как вторая кожа. Упругости ткани вполне хватало поддерживать мои груди в нужном положении. Обтягивающие штанишки тоже смотрелись классно, хотя и очень не подходили маршалу, но более подходящих Натэниел мне не положил. Ох, я ему все скажу. Давно собираюсь.

Когда я вышла, Карлтон заметила:

— Красивая пижамка. Даже жалко тебя разочаровывать, что ты не с мальчиками будешь спать.

Я не дала себе труда осадить ее взглядом.

— Это мне мой бойфренд уложил, пока я укладывала оружие.

— Ты доверяешь мужчине уложить тебе одежду?

— Обычно он с этим отлично справляется. А пижаму, боюсь, уложил ради того, что хочет видеть.

— Да уж, настоящий мужчина! — фыркнула она.

Я вздохнула:

— Тоже так думаю.

На просторной футболке, которую она надела, пел в микрофон кто-то, кого я не узнала. Я нырнула под одеяло, дешевые хлопчатобумажные простыни были как в каждом отеле или мотеле в

этой командировке. Мне бы сейчас шелковые простыни на кровати Жан-Клода или мягкие дорогие хлопковые, как у меня с Микой и Натэниелом. Избалованна я хорошим постельным бельем.

— Ты всегда спишь с таким количеством оружия?

— Да.

Не совсем правда. Я всегда сплю с пистолетом под рукой, но обычно наручные ножны с тонкими серебряными лезвиями снимаю. Они не слишком удобны, чтобы в них спать, но если ребята из «Арлекина» быстрее обычных вампиров и оборотней, может не остаться времени лезть под подушку за пистолетом. Выхватить клинок из ножен быстрее, потому что пистолет под подушкой либо в кобуре, либо на предохранителе, и потому в любом случае получается на несколько секунд медленнее, чем просто выхватить ножи. Большой нож, который обычно ношу на спине, я положила рядом с кроватью на рюкзак, чтобы иметь возможность достать его при необходимости, хотя, честно говоря, если первые два ножа и пистолет мне не помогут, то вряд ли я успею дотянуться до третьего.

С этой жизнерадостной мыслью я выключила свет на своей стороне комнаты.

Вдруг стало очень темно — только полосочка искусственного света пробивалась из-за немного раздвинутых штор, закрывающих балкон — просто бетонную дорожку с перилами. Дверь вела прямо в ночь. Вампир не сможет войти в комнату без разрешения, но оборотень вполне, и человек под властью чар тоже может, и...

Мне этот номер нравился все меньше и меньше, но он был дешев, а я уже знала, что, если разъезжаешь на казенные даймы, казна их старается у тебя отжать. Про центы вообще и речи не идет.

Из не совсем полной темноты донесся голос моей соседки:

— А Джеральд Мэллори прав, что вампиры легче соблазняют женщин, чем мужчин?

— Нет.

— Почему же ты — единственный маршал, который с ними живет?

— Ты была влюблена когда-нибудь?

Лица ее я не видела, но слышала, как она замерла, как потом зашуршали простыни.

— Да.

— Ты в него влюбилась обдуманно?

Снова зашелестели простыни.

— Такие вещи не обдумываешь, они просто происходят.

— Вот именно, — сказала я.

Вздыхнула в темноте кровать — моя соседка повернулась с боку на бок.

— Дошло. Я видела фотографии твоего мастера города. Красавец, если кто любит белых мальчиков.

Она засмеялась.

Мне тоже стало весело:

— Я тоже так думаю. Спокойной ночи, Карлтон.

— Называй меня Лайла, а то меня все парни зовут Карлтон. Хочется иногда и имя свое услышать.

— О'кей, Лайла. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Анита.

Она еще перевернулась пару раз, шелестя простынями, потом стало слышно ровное дыхание спящей. Мы с Эдуардом будем играть по теории, пока не будут объединены ордера, а Тогда начнем свою собственную охоту. До тех пор нам придется ждать переназначения ордера. Беда в том, что единственный способ такого переназначения — чтобы кто-нибудь из маршалов оказался слишком ранен или слишком сильно мертв, чтобы завершить охоту.

Лежа в темноте, я снова и снова думала: «Господи, только бы ее не убили».

Глава 5

Как почти каждую ночь последний месяц, пришел опять этот сон. Менялись детали, но тема оставалась, и темой этой был Хэвен — не пристанище мира и отдыха³, а мой любовник, которого я

³ Хэвен (Haven) — гавань (англ.).

убила. Иногда он во сне умирает в моих объятиях. Иногда мы соединяемся в любовном объятии, и он истекает кровью прямо надо мной. Иногда, как в кино, прокручивается сцена его смерти. Сегодня был новый вариант, но после прошлых кошмаров он казался не худшим.

Я стояла в лабиринте черных стен. Скользкие, почти блестящие, почти каменные, почти зеркальные, и призрак моего отражения колебался в черных поверхностях. Я думала, это обычный кошмар, пока не услышала его голос. Хэвен звал откуда-то из лабиринта:

— Анита, я иду! Анита!

Ага. Сегодня он охотится за мной. Иногда меняться местами — это так несправедливо!

На мне футболка, кроссовки, пояс с пряжкой, а оружия при себе нет. Ну все лучше и лучше...

— Я тебя чувю, Анита. Запах твоей сладкой кожи.

Я двинулась по черному лабиринту прочь от голоса.

Подумала, что мне бы нужно оружие. Подумала о своем усиленном браунинге — и он возник в руке. Сон это. Я могу его изменять в некоторых пределах. Обычно я могу вырваться из снов, но сны с Хэвеном меня будто не выпускали. Наверное, чувство вины заставляло остаться и созерцать ужасы.

Я пошла быстрее, сворачивая только налево. У всех лабиринтов одно и то же свойство: одно направление ведет наружу, другое — в центр. Почему я выбрала левую сторону — не знаю. Почему нет? Я только молилась, чтобы этот путь выводил прочь из лабиринта, а не глубже во тьму. Но кошмар есть кошмар, там никогда не побеждаешь. В кошмарах ты терпишь поражение — снова, снова и снова.

Центр лабиринта оказался большим квадратом с фонтаном посередине. Фонтан состоял из черных квадратов и тихо пульсирующей воды, что в центре жуткого и темного как ночь лабиринта было не так уж плохо. Могло быть хуже — и тут же при этой мысли худшее вышло из проема противоположной стены. Оно было шести футов росту, худощавое, мускулистое, красивое суровой красотой. Волосы у Хэвена остались такие же короткие, гелем уложенные в шипы, выкрашенные во все оттенки синего, как будто искусный парикмахер решил сделать вид, что волосы могут быть синими от природы и с переливами яркости. От этих волос светло-синие глаза казались еще синее — так ли это, сказать было трудно, потому что цвета волос и глаз у него всегда были очень близки. Эти синие волосы и татуировки «Улицы Сезам» на плече и навели меня на мысль о кличке «Куки-монстр».

— Чего ты хочешь, Хэвен?

— Чего всегда хотел. Тебя.

— Не получится.

— Здесь — получится. Здесь только я, и больше никого.

— Да пошел ты в...

— Согласен.

— Ты мертвый. Мертвый. Я тебя убила.

— Это я помню.

— Ты мертвый, ничего ты помнить не можешь. Ты просто моя вина, которая приходит каждую ночь.

— Правда? — спросил он таким голосом, что я не могла не задать встречный вопрос:

— А кем же ты еще можешь быть?

Из входов по сторонам квадрата вышли другие фигуры. В белых масках, в черных плащах: «Арлекин». Я подняла пистолет, навела его не очень понятно куда: их слишком много, а такой быстроты у меня даже во сне нет.

Хэвен шевельнулся, я глянула на него. Он был одет в черный плащ, в руке держал белую маску.

— Проснись, — сказал он. — Мы пришли.

Я проснулась, таращась в темный потолок, чувствуя, как колотится пульс, перехватывает дыхание, и тут я это услышала. Дверь. Не ручка двери, но что-то ее слегка задело — первое осторожное прикосновение. Вытащив пистолет из-под подушки, я стала думать, как предупредить Лайлу так, чтобы они не услышали. Там вампиры или оборотни — эти услышат любой шепот. Они, кстати, слышали и перемену моего сердечного ритма и теперь знают, что я не сплю.

Я еще успела сказать Лайле, что они здесь, она села на кровати, но за оружием не потянулась. Черт, а в дверях не было никого. Светлый и пустой проем, наполненный ночью и искусственным светом с парковки. Я услышала этот звук — треск половицы, поняла, что кто-то ползет по полу, закрытый от меня кроватью Лайлы.

Она уже держала в руке пистолет и спросила шепотом.

— Что это? Почему дверь открыта?

Я хотела сказать: «Рядом на полу!» Но вот только что она была здесь с пистолетом в руке, а следующую секунду закружилось вокруг нее что-то черное, и она исчезла. Я видала быстроту ликантропов и вампиров, но сейчас увидела лишь взметнувшийся черный плащ, перетащивший Лайлу на свою сторону кровати. Не просто быстро, а как будто существо это, кем бы оно ни было, само возникло из черной ткани плаща. Блин, так не может быть. Мне замылили мозги? Если да, то меня ждет поражение не в кошмаре, а в реальности.

— Заори — и я ее убью, — сказал голос на той стороне кровати. Мужской, рычащий. Скорее всего оборотень какого-то вида.

— Откуда я знаю, что она еще жива?

— Ты думаешь, я мог бы убить ее так быстро?

— Да, — ответила я.

Он засмеялся.

— Девушка, скажи что-нибудь.

Секунда молчания, тихий стон боли и голос Лайлы:

— Я жива.

— Ты цела?

— Да.

— О, как прискорбно слышать, будто ты думаешь, что невредима. После моего следующего действия ты убедишься, что это далеко не так.

— Оставь ее.

— Оставим, если ты нам дашь, что мы хотим.

— Чего вы хотите?

Я направляла пистолет в сторону голоса, но стрелять было не во что. Если я буду терпелива, может появиться. А ничего нет быстрее пули.

— Тебя.

Я встрепелась от такого прямого эха моего сна.

— В смысле — меня? Каким образом? Зачем?

— Разве это важно? Если ты не пойдешь с нами, я убью эту женщину.

— Не ходи с ни... — начала Лайла и вдруг замолчала. На этот раз стон боли был громче.

— Спроси ее снова, цела ли она, — попросил тот же низкий голос, но уже увлеченно. Я слыхала эту интонацию — он радуется, причиняя боль, и я спросила, как он велел, чтобы он не стал для убедительности мучить ее еще раз.

— Лайла, ты цела?

— Нет, — ответила она дрожащим голосом.

— Что ты с ней сделал?

— Ничего непоправимого. Пока что.

— Рана заживет? — спросила я, направляя пистолет на голос, но еще и на открытую дверь. Обычно арлекины ездят по двое или больше. Но при такой их скорости времени выстрелить дважды у меня не будет. Цель и решение должны быть определены до того, как придется что-то определять на самом деле.

— Да, — ответил он.

— В каком смысле вы меня хотите? В сексуальном?

Я почти надеялась, что это так. Это не участь хуже смерти, и уж точно не хуже, чтобы Лайлу убили и я слышала, как это произойдет.

— Нам не дозволено.

В голосе звучала печаль.

— Вам недозволен секс?

— С тобой — нет.

Это уже интересно.

— Тогда что же вам от меня нужно?

— Мой мастер ждет снаружи. Просто убери оружие и выйди к нему. Я освобожу девушку и пойду за тобой.

— Не надо, Анита! — выкрикнула Лайла и тут же застонала от боли.

Эдуард и другие маршалы в номере рядом. Помощь придет.

Плащ взметнулся, и я увидела белую маску, но Лайлу он держал перед собой как щит. Глаза у нее закатились, веки трепетали, но она была жива. Я подняла ствол выше — чтобы поразить белую маску и не задеть Лайлу. И тут его не стало. Я клянусь: он исчез так быстро, что Лайла просто осталась в воздухе, где он ее держал. Только когда он уже скрылся за дверью, она рухнула на пол.

— Анита! — крикнул Эдуард.

— Жива-здоровая. Ты видел?

— Что-то видел, — отозвался он.

Присматривая за дверью, я нащупывала у Лайлы пульс. В дверях появился Эдуард: в трусах, без рубашки, в каждой руке по пистолету. Я предоставила ему следить за дверью, а сама посмотрела на Лайлу. У нее была сломана рука в запястье и, может быть, выше. Кровь тоже была, и не из руки. Блин.

Слышно было, как сюда идет другой маршал.

— Сейчас вызову «скорую», а потом мне кто-нибудь расскажет, что тут за чертовщина?

Эдуард всматривался в ночь, но все же сказал:

— Ее ордер свободен. Кажется, мы получили свой ордер на ликвидацию.

— Я не хотела получать его таким путем.

— Она жива, Анита. Могло выйти иначе.

Он был прав. Я знала, что он прав, так чего же мне так хреново на душе?

— Не вижу, откуда кровь, откуда-то сзади. Мне не хочется ее шевелить, но крови слишком много. Надо найти рану и прижать — если она истечет кровью, остальное уже не важно.

Он нагнулся помочь, но стоял боком к двери, готовый среагировать на движение.

— Можем теперь открыть на них охоту, Анита. По-своему.

Он помог мне приподнять Лайлу и не дать ей двигать шеей. Похоже, это не повреждение позвоночника, но раны спины бывают хитрыми, и лучше перестраховаться. Эдуард приподнял ее настолько, чтобы я могла ощупать спину. Но рана была не одна, а несколько. Я обнаружила не меньше трех.

— Черт!

— Что там такое?

— Это множественные раны, то есть — не клинок. Он когтями.

— Сильный оборотень, умеющий превращать только руки, — заметил Эдуард.

— Да.

— Они все будут не слабее, — сказал он.

— Знаю. — Я принесла из ванной полотенца — зажать раны. — Раны колотые. Если они глубокие, шанс подхватить ликантропию высок.

— «Скорой» надо будет сказать, когда приедет.

— Знаю.

Я прижала полотенца к ранам и попыталась остановить кровотечение. Эдуард поддерживал раненую и старался зафиксировать ей шею. Ничего лучшего до приезда медиков мы сделать не могли.

— По-нашему — это как? — спросила я.

— Ты о чем?

— Ты сказал, что теперь мы сможем охотиться на них по-своему. Это как?

— С применением насилия и до результата. Весьма определенного результата.

Я посмотрела на лежащую без сознания Лайлу. Руки у меня уже промокли от ее крови. Я стояла в красной луже.

— Ты видел, какая быстрота у этой твари?

— Неимоверная.

— И как убивать такое быстрое существо?

— Ранить, а потом разрубить на части.

В его голосе звучало предвкушение охоты.

— Я боюсь, Эдуард.

Он посмотрел на меня глазами пустыми и холодными, как зимняя луна.

— А я нет.

Наверное, он хотел этим меня успокоить. Может быть, даже получилось.

Глава 6

Что хорошо в этих самых пижамных штанишках — на них кровь не попадает. Эдуарду пришлось свои трусы отправить в мешок, идущий в лабораторию. Ему разрешили надеть шорты и футболку, поскольку его номер не был местом преступления. А мой номер, пока техники не кончили работу, был недоступен. Однако смыть кровь никому из нас пока не удалось. На штанах у меня крови не было, но на мне ее хватало. На ногах ниже колена, на руках почти до локтя с одной стороны. Техники взяли с меня образцы крови ватными шариками, но мыться пока не разрешили. Кровь засыхала, я чувствовала, как образуются на ней трещинки, как она липнет к коже. Никогда не знала, это иллюзия или я действительно ощущаю процесс высыхания. Как бы там ни было, я ощущала, как засохшая кровь на каждом движении меня хватает, будто не пуская. Отчаянно хотелось в душ. Мне дали одеяло — накинуть на плечи от ночной прохлады, но цемент пола на лоджии холодил босые ноги. И неловко было держать одной рукой пистолет, другой придерживать одеяло. Детектив Лоренцо предложил мне оставить пистолет в номере Эдуарда, поскольку там не работали техники на осмотре, но я отказалась. Сегодня меня пытались похитить «Арлекин», так что лучше пусть пистолет будет у меня.

Детектив Лоренцо повыше меня, но всего где-то на дюйм выше Эдуарда, пять и девять примерно. Волосы густые, и хотя коротко стрижены, заметно, что вьются. Чтобы не вились, ему надо бы наголо побриться, иначе никогда аккуратной прически не будет. Глаза у него темные, почти карие, лицо открытое и дружелюбное, симпатичное простое лицо мальчишки из соседнего дома. Судя по значку детектива, ему должно быть лет тридцать, но с виду их ему не дашь. Под пиджаком бугрились мышцы, так что либо он от природы широкоплеч, либо ходит в тренажерный зал, или одно с другим сочетается. Детективов вызвали сразу, пока не определилось, что преступление подпадает под уже ведущееся федеральное расследование. Формально говоря, служба маршалов могла их не допустить, но мы стараемся не вызывать враждебности у местной полиции, если это получается. Сотрудники противоестественного направления чаще других оказываются наедине с проблемой, и на местную полицию мы рассчитываем больше, чем на федеральных сотрудников, и даже чем на остальную службу маршалов. Среди копов для наших работников есть кличка «одинокий волк». И по рации, бывает, сообщают: «У нас на месте преступления одинокий волк». Интересно, как говорят, когда нас там несколько. Можно ли сказать «группа одиноких волков» — и чтобы это не прозвучало глупостью?

Маршал Рейборн был тут выше всех, и лишние несколько фунтов придавали этой разнице весомость.

Казалось, он своим присутствием заполняет всю комнату, будто он куда больше, чем есть на самом деле. А может быть, его раздраженное настроение требовало больше места.

— Откуда вы знаете, что раны Карлтон нанесены когтями, если вы их не видели?

— Когда нащупала множественные раны, поняла, что иначе не получилось бы. Если бы он пустил в ход нож, я бы видела, как движется рука, выдергивая и всаживая клинок. А она была неподвижна. У него даже места не было повернуться, чтобы так нож применить. Когти могут действовать как пружинные ножи: только прижать к коже — и они воткнутся.

— Это если он примет животную форму, — возразил Рейборн.

— Я вам говорила, что по-настоящему сильные ликантропы могут превращать только руки, и при этом когти вылетают как на пружинах.

— Невозможно. Надо было бы хотя бы превратиться в волкочеловека, чтобы появились когти.

— Я не говорила, что это вервольф, Рейборн.

— «Волкочеловек» — мы так называем всех оборотней в получеловеческой форме, Анита, — пояснил Эдуард. Он пытался говорить голосом Теда, но слишком много просачивалось от настоящего Эдуарда, и потому прозвучало громко.

— Он был закутан с головы до ног, — сказал маршал Тилфорд. — Вполне мог быть в виде волкочеловека.

Я посмотрела на Тилфорда. Того же примерно роста, что Эдуард и Лоренцо (у нас выдался день среднего роста в работе на месте преступления — для мужчин по крайней мере). Волосы у Тилфорда имелись, но в малых количествах и были стрижены очень коротко. На талии у него было лишнего на несколько фунтов больше, чем у Рейборна, и если он в ближайшее время не займется упражнениями, то не пройдет тесты. Противоестественное направление проходит это испытание с ОСЗ — отрядом

спасения заложников, что для маршалов — эквивалент спецназа. Но в прошлом году одно расследование потерпело крах из-за плохой физической формы сотрудника, и он был ранен, а двое гражданских погибли. С тех пор требования стали жестче.

Наверное, я слишком долго на него смотрела, или злость на Рейборна еще читалась в глазах, так как Тилфорд сказал:

— Да ладно, я только говорю то, что видел.

— Он был слишком человеческой формы, даже в своем маскараде. Был бы в виде получеловека, по-другому смотрелись бы ноги и руки. А так — форма была идеально человеческая, несмотря на просторную одежду.

— И откуда вы это знаете?

Это Рейборн решил встрять в разговор.

Я ответила ему таким же недобрым взглядом.

— Из опыта.

— Я готов ручаться, что опыт с волкочеловеком у вас есть, — процедил Рейнборн сквозь зубы.

Не знаю, что бы я ответила, но тут Лоренцо сказал:

— Нас снимает группа с телевидения. Может, стоит зайти в номер маршала Форрестера и маршала Тилфорда?

Он при этих словах улыбнулся, голос звучал ровно и доброжелательно — пытался сдержать конфликт. Хорошо хоть кто-то пытается.

— Да вот у нас Блейк любит попиариться. Правда, Блейк? — спросил Рейборн.

Я начала что-то говорить, но Эдуард тронул меня за плечо — и этого хватило. Я заткнулась и пошла в открытую дверь номера. Все остальные пошли следом, и Эдуард закрыл за нами дверь.

— Какие были бы перемены в теле, будь он в полуволчьей форме? — спросил Тилфорд.

— Ноги несколько длиннее, но кривые, как будто коленный сустав неправильный, а бедренная и берцовые кости обе удлинились бы. Маска бы не прилегла к лицу ровно. Лицо было бы более мордообразным — за неимением лучшего слова.

Тилфорд кивнул, будто записав все это куда-то для памяти. Наверное, так и есть. Чем больше маршалов будут знать все что можно о тех, за кем мы охотимся, тем лучше. Лоренцо вот прямо в блокнот записывал.

— Надо, чтобы вы на следующей учебе прочитали нам курс. Такие вещи полезно знать во время работы.

— Всегда готова поделиться информацией.

— Ну, вы всегда в центре внимания всех собравшихся, если это мужчины, — заметил Рейборн.

— Завидуете?

— Чему, мужчинам?

— Чему-то явно завидуете. Если не вниманию мужчин, так чему, черт побери?

— Вы меня называли гомосексуалистом?

Эдуард снова тронул меня за плечо и отодвинул так, чтобы встать между нами. Он, пожалуй, один из очень немногих, кому я позволила бы себя отодвинуть назад.

— Давайте все успокоимся.

Он снова заговорил голосом старины Теда — тем голосом, который тебя уговорит согласиться с чем угодно или хотя бы не обращать внимания на разногласия.

Нас спасла рация Рейборна. Его вызывали на место преступления — решить какой-то там вопрос. Напряжение в комнате чуть отпустило, когда он вышел, и не только мне стало легче дышать. На лицах Лоренцо и Тилфорда читалось то же самое.

— Чего он на тебя взъелся? — спросил Лоренцо.

— Понятия не имею, — ответила я и позволила себе наконец сесть на край кровати, тщательно проложив одеяло между собой и простынями.

— Похоже, у него на тебя давно зуб.

— Клянусь, я с ним раньше не была знакома.

— Может, у вас есть общий друг или общий враг? — предположил Лоренцо.

Эти слова привлекли мое внимание — я посмотрела на него.

— Неплохая мысль, Лоренцо. Проверю, не наступила ли я на любимую мозоль кому-нибудь, к Рейборну близкому.

— Ну так я же не просто глупенький красавчик, — усмехнулся он.

Я тоже улыбнулась, чего мне очень не хватало. Очень часто мужчины, когда не знают, что делать, вызывают у женщин улыбку или смешат. Неплохой навык выживания в отношениях.

Мы еще поговорили, но ничего нового не нашли. Я долбила мозги техникам, осматривающих место преступления, пока не получила разрешения воспользоваться душем Эдуарда и Тилфорда. Эдуард одолжил мне футболку и трусы с завязкой, чтобы переодеться после душа. Да, в одной только длинной футболке было бы привлекательней, но я тут не милашкой хотела быть, а профессионалом, что без штанов как-то некомфортно. Еще не один час пройдет, может, даже утро настанет, пока меня пустят в мой номер к моим вещам. Я хотела получить доступ к своей одежде, но если честно, оружие меня интересовало больше. Эдуард предложил мне кое-что на выбор из своего арсенала. Я взяла пистолет с запасными обоймами, потому что у Эдуарда не было обойм под мой усиленный браунинг. И кобуры у него не было под мой размер или подходящей к поясу его трусов, и мне приходилось таскать пистолеты в руках, но все-таки это было лучше, чем без них — хотя слегка напоминало попытку жонглирования.

Дождавшись из больницы подтверждения, что жизнь и здоровье Карлтон вне опасности, мы наконец легли спать. Хотя еще надо ждать анализа на ликантропию. В мой номер все еще не пускали, но пару часов я могла проспать, пока они там обрабатывают все, что хотят. Я бы не стала, но Эдуард выступил как наседка.

— Мне нужен новый номер, — сказала я.

— Будешь в нашем номере, — ответил он.

Я недовольно нахмурилась.

— Я могу перейти в другой номер, — сказал Тилфорд, стараясь сохранить бесстрастное лицо.

— Нет-нет, неплохо бы иметь тебя в качестве дуэньи, — сказал Эдуард, и снова голос Теда уплыл куда-то.

— То есть вы будете всего лишь спать вместе, в смысле...

Тилфорд смущенно подыскивал слова.

— Мы не любовники, — пояснила я.

Ему стало еще неудобнее:

— Я же такого не говорил.

— Да ничего страшного, Тилфорд. Мельница слухов меня укладывает с каждым знакомым мне мужчиной, я привыкла.

— Я не уверен, что это удобно, или что правила нам позволяют спать в одной комнате с женщиной, — сказал он.

— Карлтон повезло, что жива осталось. Рисковать Анитой я не буду. Сегодня ночью она остается со мной. Если тебе это неловко, ищи себе другой номер.

Эдуард даже не пытался быть Тедом — просто поставил Тилфорда перед фактом.

— Я узнаю, разрешат ли нам вообще ночевать с женщиной в номере, который нам оплачивают.

— Мы можем снять номер на свои, — сказал Эдуард.

Тилфорд узнал, и оказалось, что иногда разнополым маршалам приходится жить в одном номере из финансовых соображений. Рейборн взбесился и чуть не обвинил меня в соращении Эдуарда и Тилфорда одновременно, но вовремя замолчал. Если бы он продолжал в том же духе, я разозлилась бы уже всерьез, и у него точно были бы неприятности, если бы кто-нибудь услышал. Слишком он там важная шишка на месте преступления, чтобы так париться по мелочам.

В результате Тилфорд решил все-таки с нами в одном номере не жить — вроде как жена не разрешила бы. Я к тому времени уже так устала, что глаза слипались, и плевать мне было на все. Эдуард ляжет на месте Тилфорда, а я на его кровать, подальше от двери, но как только дверь за нами закрылась, он мне сказал:

— Помоги поставить кровать перед окном.

И мы поставили второй матрас и сетку кровати напротив единственного большого окна.

— Это их не удержит, — сказала я.

— Это их задержит, — возразил он, — а нам даст время выстрелить.

— Согласна, — кивнула я и посмотрела на пустую раму кровати. — Только нам это оставляет всего одну кровать.

— На пару часов. — Он нахмурился. — Или ты хочешь сказать, что тебе после пробуждения надо утолять *ardeur*?

К его вопросу я отнеслась серьезно.

— Я научилась лучше его контролировать. Мне понадобится нормальная еда, белковая. Физическая сытость помогает сдерживать прочие виды голода.

— Отлично, — сказал он и начал выкладывать пистолеты на прикроватный столик.

— И как мне вообще дотянуться до пистолета на полу? — спросила я, забираясь на двуспальную кровать и ложась у стенки.

Он мне протянул карабин «П90», хотя мне почему-то всегда хотелось назвать его «полуавтоматической винтовкой».

— Попробуй вот это.

— Мой «МП-5» в той комнате, — сказала я, прислушиваясь к ощущению от нового оружия. Мне приходилось из него стрелять — как раз из вот этого, но только в тире с Эдуардом. Прелестная вещица, но «МП-5» мне тоже нравится. Положив карабин на край кровати, я попробовала достать его, поворачиваясь, — и это получалось лучше, чем с пистолетом.

Потом наступил неловкий момент, когда нам действительно надо было лечь вместе в двуспальную кровать. Я регулярно сплю в одной кровати с десятком мужчин и занимаюсь с ними сексом, но тут вдруг стало неловко. Мы-то с Эдуардом не любовники, не были ими и никогда не будем. Мы друзья и, черт побери, почти родственники.

Я села в кровати у стены.

— Это только мне слегка неловко сейчас?

— Только, — ответил он и сел на кровать. Потом вдруг улыбнулся мне во весь рот улыбкой молодого парня, которого жизнь еще не сделала холодным и жестким. — Знаешь, может, ты и суккуб, и живой вампир, но в чем-то ты всегда останешься девушкой из маленького городка, которая все думает, а прилично ли она поступает.

Я посмотрела на него хмуро:

— Мне обидеться?

— Нет. Тебе придает обаяния как раз то, что сколько бы ни было в твоей жизни мужчин, тебе это как-то неловко.

— Так что тут обаятельного? — сильнее нахмурилась я.

— Даже не знаю, но очень это твое.

— А твое, — мрачно спросила я, — напускать побольше загадочности и неопределенности?

Его широкая улыбка стала более для него обычной. Более холодной. А мне в голову пришла мысль.

— А что бы ты стал делать, если бы я сказала, что мне нужно утолять *ardeur* после пробуждения?

Он лег, натянул на себя одеяло. Я тоже уже укрылась. Повернувшись, он посмотрел на меня — свет еще горел.

— Разобрались бы.

— В смысле?

— В смысле, что решили бы проблему.

— Эдуард...

— Оставь тему, Анита, — сказал он, протянул руку и выключил свет.

Как он был одним из очень немногих в этом мире, на чью поддержку я рассчитываю, так был он и из тех немногих, кого я слушаюсь, когда мне говорят оставить тему. Он прав: решили бы, как и любую другую проблему.

Я вытянулась в темноте, он тоже.

— Эдуард! — окликнула я его.

— М-м?

— Ты на спине спишь или на боку?

— На спине.

— А я на боку. Так что ложечки изображать не будем, пожалуй.

— Чего?

Я засмеялась и повернулась набок.

— Спокойной ночи, Эдуард.

— Спокойной ночи, Анита.
И мы заснули.

Глава 7

я проснулась от мелодии в стиле «кантри», уронила руку кому-то поперек живота. Этот кто-то был в футболке, а никто из тех, с кем я сплю, одетым не ложился. Кто-то пошевелился, сел в кровати и сказал:

— Ага, доброе утро.

Услышав голос, я узнала Эдуарда, и тут же вернулись воспоминания о прошедшей ночи. Не поднимаясь, я спросила:

— Кто там? Еще одно убийство?

— Это Донна, — ответил он.

От этих слов я подняла голову и заморгала. А еще убрала руку и чуть отодвинулась, чтобы не соприкасаться — будто его невеста могла нас не только слышать, но и видеть.

— Это Анита, — сказал он.

Вдруг голос Донны зазвучал так, что даже я его слышала:

— Чего это вдруг она возле тебя просыпается?

— Здесь только одна кровать.

Я зарылась лицом в подушку. Не такой ответ надо было давать, не такой.

— Погоди, — сказал он, телефоном сфотографировал сетку и матрас возле окна. — Посылаю тебе картинку, посмотри, что с другой кроватью случилось.

— Ну-ну, хочу видеть, — донесся ее все еще рассерженный голос.

Эдуард спокойно слушал ее сердитое сопение. Через несколько минут она спросила:

— Чего это кровать прислонена к окну?

— Чтобы если вампиры и оборотни, за которыми мы охотимся, попытаются вломиться, кровать их задержала на время, и мы успели бы начать стрельбу.

— Что случилось?

Голос Донны звучал уже спокойнее.

— Этой ночью было нападение на Аниту и еще одного маршала, женщину. Эта женщина в больнице. Я не мог доверить охрану Аниты никому, кроме себя.

— Это правда, никто лучше тебя не справился бы.

Голос ее снова успокоился, стал тише, и я уже не слышала ее реплик.

Эдуард протянул мне телефон со словами:

— Донна хочет говорить с тобой.

Я отчаянно замотала головой.

Эдуард посмотрел на меня тяжелым взглядом, и я поняла, что спор не выиграю. Осторожно взяв трубку, я попыталась говорить жизнерадостным или хотя бы не нервным тоном.

— Привет, Донна.

— Как ты?

— Нормально.

— А та женщина, маршал? Она серьезно ранена?

— Жить будет. И даже без последствий, только надо дождаться анализа, не заразилась ли она ликантропией.

— Это был оборотень?

В ее голосе послышался страх.

Я себя выругала за неосторожность. Первый муж Донны был убит вервольфом у нее на глазах. Питер, которому было всего восемь, подобрал оружие отца и убил оборотня, спас мать и сестренку. Сейчас Питеру семнадцать, и во многих отношениях он кажется больше сыном Эдуарда, чем Донны.

— Да, он, но все в порядке. Ну то есть раненая есть, но она в нашей работе новичок, и...

— Насколько новичок?

— Первая настоящая охота.

— Очень сочувствую.

- Я тоже.
- Береги там Эдуарда для детей и для меня.
- Знаешь сама, что буду.
- Я знаю, ты проследишь, чтобы он вернулся домой целым и невредимым. А он — чтобы ты.

На это я могла ответить только, что так и будет. Она после этого захотела снова говорить с Эдуардом, и я отдала ему трубку. И сама ушла в ванную заняться утренними процедурами, а им дать возможность поговорить наедине. Давно ли это они с Донной разговаривают каждое утро? Ладно, не мое это дело.

Когда я вышла, Эдуард уже закончил разговор. Он посмотрел на меня, я на него.

- Вышло куда лучше, чем я думала, — сказала я.
- Донна тебе доверяет.
- Доверяет в том смысле, что я тебе сберегу жизнь. А в смысле с тобой — не доверяет.
- В этом смысле она не доверяет ни одной женщине. Несколько ревнива.

Я нахмурилась:

- Наверное, ты даешь ей причину?
- Нет, ревнивым причины не нужны. Это такое у них свойство.
- Я бы не смогла так жить, — сказала я.

Он мне улыбнулся:

- Ты полигамная, а это означает не одну любовь, а несколько.
- Почему-то никогда себя так не называла.

Он глянул на меня:

- Живешь с несколькими мужчинами, спишь с еще большим количеством, и все об этом знают.

Приставка «поли» здесь более чем оправдана, Анита.

Я хотела поспорить, но трудно было бы, и я пожала плечами:

- Ну, пусть так.
- Среди твоих мужчин нет ревнивых, иначе бы они не могли так.

Я засмеялась:

— Ну, не думай, что там нет ревности. Имеется. Самое трудное в жизни с таким количеством Любостей — разбираться с эмоциями. Поверь мне, у нас тоже у каждого свои тараканы.

Он смотрел на меня изучающим взглядом.

— Чего ты? — спросила я.

- Мне казалось, что в таких отношениях, как у вас, сомнений и ревности быть не может.
- Никто не избавлен от сомнений полностью, Эдуард.
- Даже твой мастер города?
- Да, даже Жан-Клод.

Он задумался, потом встал и снял с себя рубашку.

— Ты переодеваешься? — спросила я.

— Да.

— Ты пойдешь в ванную или я?

— Зачем? — спросил он, недоуменно сдвинув брови.

— Мне неловко, когда ты переодеваешься у меня на глазах.

Он хмыкнул. Кажется, он такого не ожидал.

- Ты живешь с оборотнями. Они все время голые расхаживают.
- Видеть голыми моих друзей и любовников — нормально, а вот тебя — нет.
- Почему? — снова спросил он, хмуря брови.
- Если у меня с кем-то есть секс, пусть себе ходит голым, а если такого варианта нет — то нет.

Он удивленно хихикнул:

- Все еще чопорная, и всегда будешь такая.
- А тебе было бы нормально передо мной раздеться?
- Ну да, а что?

Я вздохнула:

- Ладно, я чопорная. Ты переодевайся, а я пойду в ванную.
- Нет, я там переоденусь.

Все еще улыбаясь, он собрал свою одежду.

— Рада, что смогла тебя развеселить после менее чем двух часов сна, — сказала я, сложив руки на груди в его просторной футболке.

— Наверное, ты права, — сказал он, проходя мимо меня. — У каждого свои тараканы.

На это я просто не знала, что сказать, так что и пытаться не стала.

Он пошел в ванную переодеваться, а я сообразила, что вся моя одежда в том номере. Хорошо бы, криминалисты пустили меня туда, а иначе придется посылать Эдуарда покупать мне одежду. Талантов у него много, но ручаться готова: умения покупать женские шмотки в этом списке нет.

Глава 8

Хорошая новость — криминалисты освободили мой номер в достаточной степени, чтобы можно было взять оружие и одежду. Плохая новость — те, кому ведать надлежит, освободившийся ордер Карлтон передали новому маршалу примерно с таким же опытом работы. Будто для смеха, даже фамилия у него была Ньюмэн⁴. Очень уж мрачно судьба стала шутить — на мой вкус.

Как ни грустно, главным в поле оставался все тот же Рейборн. Я как-то не сильно верила, что он ко мне прислушается, но когда дело обернется плохо, что неминуемо, пусть в бумагах будет зафиксировано, что я возражала.

— Ничего лично не имею против Ньюмэна, но он именно таков, как говорит его фамилия — новичок. После сегодняшних событий я просто боюсь брать на охоту свежее мясо, а уж поручать ему командование — это опасно и для него, и для всех остальных.

Рейборн оперся плечом на дерево, растущее на краю парковки. Руки он сложил на груди, рубашка выпятилась, указывая на предположительное наличие животика, на который сейчас опирались сложенные руки. Не очень лестный для него вид. Впрочем, может, я предубеждена.

Он посмотрел на Эдуарда, стоящего рядом со мной — весь день будто приклеенный. После ночного «инцидента» он из коллеги-маршала стал главным телохранителем. Прочие полисмены наверняка приняли это за привязанность после секса, который они нам приписали в эту ночь. Никто, впрочем, этого прямо не говорил, но по движениям глаз, выражениям лиц, тихим голосам, смолкавшим при нашем приближении, это было ясно. Имела я их всех... то есть имела я их всех в виду.

— Ваше мнение, Форрестер? — спросил Рейборн.

— Ну, Рейборн, — произнес Эдуард голосом старины Теда, — вы же понимаете, что на такую операцию нельзя ставить старшим желторотого. Маршалы-ветераны за ним не пойдут и в него не поверят. Ничего плохого про Ньюмэна, но тут не только у нас будут возражения.

Рейборн вздохнул, живот поднялся и опустился. Потом расплел руки, сплюнул на асфальт, будто во рту какой-то дурной вкус.

— Вы не первые маршалы, что пришли ко мне разговаривать. Тут, черт побери, и местная полиция просит поручить командование этой охотой маршалу постарше.

— Тогда отчего же командует все еще Ньюмэн?

Он злобно прищурился, глядя на меня. То, что он со мной здесь согласился, не значило, что я стала ему больше нравиться.

— За второй ордер отвечает Тилфорд, они с Ньюмэном будут партнерами.

— Я знаю, что Тилфорд просил передать освободившийся ордер Теду или мне.

Рейборн кивнул:

— Просил, и это должным образом отражено в документах.

— Зачем давать второй ордер новичку? — снова спросил Эдуард. — Тем более главный ордер, чтобы он отвечал за всю операцию?

— Этот ордер более давний, а по новым правилам в объединенном деле командует исполнитель более давнего ордера.

— Неудачное правило, — отметила я.

Рейборн кивнул:

— И все-таки правило есть правило.

4 Ньюмэн (new man) — новый человек (англ.).

— Во всех этих убийствах одни и те же киллеры, и ордер на них один и тот же, — сказал Эдуард.
— Вы правы, был один и тот же, но слишком много маршалов вашего отдела туда влезли, поэтому ситуацию переменили.

— Хотят убрать нас, маршалов старой школы, — сказал Эдуард.

— Что ты имеешь в виду?

— Начальство полагает, что новыми маршалами легче будет управлять, но сперва они должны доказать, что эти чайники способны работать.

— Глупо, — решила я.

— Примешивать политику к работе — всегда глупо.

— Было бы не так плохо, если бы Ньюмэн подчинился руководству Тилфорда, но он же станет в позу: «Я командую — значит, я должен командовать». На настоящей охоте он никогда не был. Тифорд хоть бывал, пусть и немного, но малый опыт лучше, чем никакого, — сказала я.

Рейборн попытался нахмуриться, но просто пожал плечами.

— Согласен.

Впервые он со мной просто согласился. Это пробудило во мне надежду.

— Что мы можем сделать, чтобы дело не было окончательно загублено? — спросила я.

— Испробуйте на нем свой дар убеждения, Блейк. Я слышал, что вы почти любого мужчину можете уговорить на почти любой поступок.

Он посмотрел на Эдуарда, причем не слишком дружелюбно. Чисто мужской взгляд, и я даже подумала, нет ли тут компонента сексуальной ревности. Не то чтобы Рейборн мечтал со мной спать, но есть такой тип мужчин: если женщина спит со всеми подряд, а его исключает, ему очень неприятно. Здесь даже нет личного отношения к этой женщине.

— Вы, что ли, ревнуете, Рейборн? — спросила я, считая, что в таких противных разборках прямое нападение — лучший метод.

— Признаете, значит.

— Вы меня в чем-нибудь обвините сперва, и я признаю, может быть, но не надо таких осторожных намеков вокруг да около. Спросите, блин, прямо, или заткнитесь.

Он посмотрел на нас с Эдуардом злобными глазами:

— Спросить? Ладно, спрошу. Трахались вы сегодня ночью с Форрестером?

— Нет.

— Врете.

— Мы ночевали в одном номере, чтобы он мог меня охранять, потому что на него я полагаюсь больше, чем на любого другого жителя этой планеты. Но вы и любая другая любопытная сволочь можете верить в то, во что вам верить хочется, и мне с этим ни хрена не поделать. Я давно уже знаю, что отрицательное утверждение доказать нельзя.

— А это, черт побери, что значит?

— Это означает: я не могу доказать, что не спала с кем-то конкретным. Куда проще доказать, что ты что-то делал, чем что ты чего-то не делал. Вы это знаете по судебным делам, и каждый коп это знает, но если не хотите верить правде, так не спрашивайте.

Это сентенцию я договорила почти ему в лицо, насколько позволяла разница в росте. Я была опасно близка к тому, чтобы до него дотронуться, и этого не заметила. Разозлилась я здорово — отточенная горячая злость жгла кончики пальцев. Неадекватная ситуации злость.

Я шагнула назад, сделала несколько глубоких вдохов и сказала:

— Воздух мне нужен.

— Вы и так на улице.

— Значит, от вас подальше, — ответила я и зашагала прочь.

С чего я так разозлилась? И где-то в глубине моего тела, глубже внутренностей, глубже всего, до чего может добраться скальпелем хирург, что-то шевельнулось. Мои звери, существующие во мне, зашевелились, реагируя на гнев. Не могу я себе позволить вот так терять самоконтроль. Я не перекидываюсь фактически, но зверей в себе ношу, и они все еще могут попытаться вырваться наружу из этой тюрьмы. Я почти уже добилась того, чтобы так не было, но сейчас ощутила начало этого процесса и поняла, что все пропустила, кроме кофе. Сытость физического тела помогает сдерживать все другие виды голода: зверей, *ardeur*, да и гнев, потому что от него я тоже научилась питаться.

Такого не умеет делать и Жан-Клод, считающийся моим мастером. Но мне нужно было что-то съесть, и поскорее.

Эдуард меня догнал.

— Чего это он так тебя достал?

— Я забыла нормально поесть. Белок мне нужен, и быстро.

— Звери?

— Они.

— Пойдем позавтракаем, — сказал он и пошел к машине, которая у нас была одна на двоих. Я следом за ним. Придется съесть какой-нибудь вредный фастфуд с выдачей в автомобиль, но это поможет.

Глава 9

Я ела «ЭГГ мак-маффин», а Эдуард вел машину. Он взял себе буррито, что меня всегда озадачивало, но — ладно, желудок-то его. Свой завтрак он успел съесть до того, как включил передачу. Осталось у него это умение мужчины и полицейского — быстро заглотать еду, потому что иначе, может быть, не успеешь доест. Я этим искусством так и не овладела. Будь я нормальным копом, уже умерла бы от голода.

— Я знаю, что еда помогает, — сказал он, глядя на дорогу. Машину он вел тщательно и идеально точно, как делал почти любую работу. — Но если я не ошибаюсь, кормить *ardeur* тебе тоже в ближайшее время понадобится?

— Не ошибаешься, — ответила я, торопливо прожевывая маффин.

— Можешь зайти в любой бар в городе и там кого-нибудь найти.

— Нет.

— Ты усложняешь себе жизнь, Анита, — сказал он, сворачивая на улицу, где стоял наш мотель.

— Случайно — не могу. И вряд ли смогу когда-нибудь.

— Я думал, *ardeur* все это смысл, и ты научилась заниматься просто сексом.

— Могло бы так быть, но *ardeur* может вызывать зависимость, и у разных по-разному.

— Как наркотики? Одни подсаживаются быстрее других?

— Именно. Очень было бы неприятно подцепить незнакомого мужчину, а он как раз такой и окажется. Получит зависимость от того, чего, быть может, уже никогда не найдет. Мне из чувства вины придется взять его к себе, как потерявшегося щенка.

— И ты взяла бы, — сказал Эдуард, будто отмечая недостаток в моем характере.

— А ты бы вины не испытывал?

— В смысле — мог бы я кого-то трахнуть, посадить на *ardeur* и пойти своей дорогой?

— Да.

— Да, — ответил он.

— Ты один из моих ближайших друзей, но этого я не понимаю.

— Знаю.

Он заехал на парковку, где стояли все прочие полицейские машины.

Я доела завтрак и запила колой, потому что кофе с «мак-маффином» плохо сочетается. Вытерла руки салфетками.

Эдуард выключил двигатель, но из машины не вышел. Я ждала.

— Ты не так беспощадна, как я, но убиваешь так же легко.

— Спасибо, — ответила я, зная, что это комплимент.

Он слегка улыбнулся, будто подтверждая, что я — один из очень немногих жителей земли, знающих, что это действительно комплимент.

— Но если дело обернется плохо, я знаю, что ты возьмешь под опеку Донну и детей.

— Возьму, конечно, но такие разговоры не в твоем стиле, Эдуард. У тебя предчувствие?

Я спросила всерьез, потому что у копов такое бывает. У многих из них есть зачаточные экстрасенсорные способности — потому они и выживают.

— Нет, я про Питера. Ему нужен я или кто-то вроде меня, чтобы закончить его обучение.

— Ты знаешь, я все равно не одобряю, что ты его обучаешь для продолжения семейного бизнеса.

— В смысле, готовлю на маршала?

— Эдуард, со мной-то не надо играть в эти игры.

Он кивнул:

— Питер хочет, чтобы я его взял на задание за границу, когда ему будет восемнадцать. Если сочту его готовым.

— А он будет готов? — спросила я.

Он поджал губы, кивнул:

— Я думаю, что да.

— Почему-то тебе невесело по этому поводу.

Он снова кивнул:

— Ты же знаешь, как бывает на наших охотах. Умения недостаточно.

— Да, нужна еще и удача.

— Боюсь, я так буду за него волноваться, что буду недостаточно осторожен.

— Ты боишься, что если возьмешь его с собой, то подставишься, защищая его, а когда погибнешь ты, погибнет и он.

— Да, — сказал он и повернулся на меня посмотреть. Лицо у него было очень серьезно — не бесстрастное, не гневное, не угрожающее. Просто серьезное.

— Не бери его.

— Не могу я теперь отыграть назад, Анита. Это его сломает.

Я нахмурилась, отпила колы, попыталась подумать.

— Что ты хотел бы, чтобы я сказала?

— Я собираюсь попросить об одолжении, о котором не имею права просить.

Это меня удивило, и удивление, наверное, отразилось у меня на лице.

— Что это такое ты можешь попросить, чего просить не имеешь права?

— Поезжай со мной на первую охоту Питера.

Я заморгала. Много чего мне пришло на ум, но я подумала и сказала только одно:

— Когда?

— На следующий год, наверное, осенью.

Я кивнула:

— Как сезон на оленей.

— Ага.

Я кивнула снова.

— Наверное, мне придется взять с собой кого-то из телохранителей, и ты знаешь: я не одобряю того, что ты делаешь с Питером.

— Но все-таки поедешь.

— Да, все-таки поеду.

— Я знаю, что если тебя убьют, есть риск, что ты утянешь за собой всех, с кем связана метафизически, всех, кого ты любишь. И все-таки ты поедешь.

Я вздохнула:

— Если честно, я должна буду сперва с ними поговорить, и так и сделаю. Но мы не можем не давать друг другу жить своей жизнью — тогда мы стали бы арестантами, а этого никто из нас не хочет. — Я стала складывать мусор в пакетик. — Кроме того, я думаю, у Жан-Клода хватит мощи обеспечить выживание всем. Но если я должна буду рискнуть со всем этим выехать из страны, то мы до осени следующего года должны победить Мать Всей Тьмы и «Арлекин». Я не могу рисковать, что я погибну, и она победит.

Он кивнул:

— О'кей. Я тебе помогу решить твою проблему, а ты мне поможешь в моей.

— Согласна.

Он улыбнулся — в улыбке смешались жестокая беспощадность Эдуарда и доброжелательность старины Теда.

— Я подписался помочь тебе убить старейшего на планете вампира, который всего лишь дух, так что нам для ее ликвидации понадобится магия.

— Может оказаться, что ее вообще нельзя убить. Может быть, мы сможем лишь поймать ее в магический плен, но если честно, пока еще никто не придумал против нее чего-то действенного.

— Так что я тебе помогаю осуществить невозможное, а потом ты едешь со мной и с Питером на куда более банальную дичь.

— Так как для первой охоты Питера ты выберешь что-нибудь попроще, то да, выходит примерно так. Ты мне поможешь убить то, что в принципе неубиваемо, потом выследить и перебить самых свирепых воинов и убийц среди вампиров и оборотней, а потом я тебе помогу в чем-то куда более простом.

Я улыбнулась — не могла сдержаться.

Он покачал головой:

— Не само убийство для Питера будет трудно. А связанные с этим эмоции.

— Как он вообще справляется?

— Он мой сын, — ответил Эдуард, но счастья в голосе слышно не было.

— То есть безжалостный и хладнокровный убийца?

— Нет, в смысле, он хочет таким быть.

— Это хуже, — сказала я.

— Намного, — согласился он.

— Он убивал до того, как ему это стало нужно. Он спас мне жизнь, рискуя своей. Хороший мужик.

— Он мальчик.

— Тот, кто может стоять плечом к плечу со мной, когда нас пытаются убить монстры, и не дрогнуть, никак не мальчик, Эдуард. Просто он еще молод, и время это исправит.

— Надеюсь.

Тут я поняла, в чем проблема.

— Ты не хочешь видеть его гибели.

— Я не хочу вести его на гибель.

— Не поведешь, Эдуард.

— Почему ты так уверена?

— Я знаю, что ты не взял бы его с собой, если бы не был уверен, что его уровень подготовки соответствует работе. Я знаю, как ты умеешь обучать кадры для этой работы — ты участвовал в моем обучении. У него отличные инстинкты, он прирожденный стрелок. Он не колеблется. И адски смел.

Эдуард посмотрел на меня:

— Он тебе нравится.

— Мы не реже раза в месяц говорим по телефону, иногда два раза. Хороший мальчик.

— Только что ты его назвала мужиком.

Я улыбнулась:

— Когда он стреляет, он взрослый мужчина, а по телефону все еще говорит как мальчишка.

— Он все еще к тебе неровно дышит.

— Я заметила.

— Раньше тебе неуютно было, что ты ему нравишься.

— Слегка. Но ему нужен друг, с которым можно говорить о том, что вы делаете, чтобы его натренировать.

— Я не знал, что он с тобой говорит об этом.

— Я решила, что лучше я буду знать, что ты делаешь с Питером, чем гадать об этом.

Он посмотрел на меня, я в ответ на него. Молчаливый мужской разговор. Он знал, что я не одобряю, но все равно поддерживаю его и Питера. Наше молчание сказало и это, и многое еще другое.

— И что ты думаешь о его обучении?

— Я думаю, что ты — жутко опасная тварь, и ему повезло, что в его жизни оказался ты.
Эдуард опустил глаза к рулю, подвинул на нем руки, будто что-то с ними надо было делать.
— Спасибо за такие слова.
— Чистая правда.
Он поднял голову. Синие глаза смотрели серьезно, почти печально.
— Пошли найдем Ньюмэна и попытаемся его убедить.
— Как убеждать будем?
Эдуард усмехнулся широкой улыбкой Теда, но слова сказал свои.
— Я — жутко опасная тварь. Посмотрим, может, напугаю его.
Я усмехнулась:
— Идея хорошая. Запугай, чтобы уступил руководство.
— Тилфорд к нам будет прислушиваться, к Ньюмэну — нет.
— Пошли пугать желторотого, — сказала я.
— Пошли, — улыбнулся он.

Глава 10

Ньюмэн был высок — выше шести футов, но худощав, явно что чисто генетически. Из тех мужчин, у которых была бы спортивная фигура, но им трудно нарастить мышцы. Он провел пальцами по коротким каштановым волосам и снова надел шляпу, при этом казалось, что он еще к ней не привык. Непонятно, то ли он думал, что в ковбойской шляпе будет выглядеть старше, то ли это чей-то подарок. Но как бы там ни было, шляпа была новая и еще не притерлась. Совсем не то что шляпа Эдуарда, вытертая любящими руками и головой. Эта была новая и белая. Белая, не выцветшая, как у Эдуарда.

— Я ценю вашу заботу, всерьез ценю, но у меня, думается мне, есть план.
— Мы же только хотим вам помочь, — сказал Эдуард самым лучшим своим голосом Теда.

Он быстро сообразил, что обаяние здесь ему даст куда больше, чем запугивание. Так как у меня обаяние не действует на мужчин, с которыми я не собираюсь заводить роман, то я предоставила говорить Эдуарду. Такое решение практически никогда не имело неприятных последствий.

— Я очень это ценю, — ответил Ньюмэн, но судя по его непринужденному тону, он отлично понимал, чего именно мы добиваемся, и соглашаться не собирался. Он был молод, но не глуп, и в нем ощущалось спокойное упорство, которое не могло не нравиться. Но «Арлекину» его упорство или его непринужденное обаяние до лампочки, как и тот факт, что он был похож на Теда в более молодом варианте. Не на Эдуарда, а именно на Теда, если Тед и был когда-то тем, кто стал потом Эдуардом. Это было как-то необычно, и сердце у меня слегка щемило.

— Какой у вас план? — спросила я.

Карие глаза глянули на меня, обратились снова к Эдуарду, опять ко мне. Как будто он не очень понимал, как меня воспринимать. Мне он показался человеком, которого воспитали в понятиях, что женщина есть предмет заботы, а теперь перед ним я — такая миниатюрная и женственная, и вся обвешанная пистолетами с ножами и украшенная значком. Было бы ему легче, будь я повыше?

— Собаки. Мы их выследим с собаками.

Идея хорошая, но... Мы с Эдуардом переглянулись. Ньюмэн нахмурился, заметив это.

— А что такое? Что я упустил?

Я кивнула Эдуарду, и он приятным голосом Теда спросил:

— А что, Ньюмэн, вы нашли собак, обученных выслеживать оборотня?

Ньюмэн еще сильнее нахмурился:

— Так им же просто идти по следу.

— Редкая собака станет выслеживать оборотня, — вставила я.

Ньюмэн хмурился с таким недоумением, что казался еще моложе — как будто надо мной навис серьезный пятилетний мальчик.

— А почему?

— Боятся.

— То есть? — спросил он.

Эдуард улыбнулся, хорошей улыбкой — без высокомерной снисходительности, просто радостной, что вот — может поделиться информацией.

— Когда собака учует оборотня, особенно превратившегося полностью или частично, она тут же его начинает бояться.

— Собака может находиться среди людей, меняющих форму, — пояснила я, — но при превращении что-то происходит такое, что собак отпугивает — если они не выдрессированы специально.

— Какая гончей разница? Она любой след берет.

Я посмотрела на Эдуарда, а он только улыбался Ньюмэну.

— Ну, бояться их собаки, Ньюмэн. Просто бояться, вот и все.

— Но почему?

— Вы видели когда-нибудь оборотня в животной или получеловеческой форме? — спросила я.

— Фотографии видел, видео.

Я вздохнула и сказала:

— Вам даже не приводили оборотня, чтобы он перед аудиторией перекинулся?

— Это слишком опасно, — ответил он.

— О'кей, а почему опасно? — спросила я, и теперь он уже смотрел на меня внимательно. Его не волновало теперь, что я маленькая или что я женщина. Он просто хотел понять.

— Потому что после превращения им необходимо есть живое мясо. Убивают все, что оказывается рядом.

Я покачала головой:

— Неправда. И даже не близко к правде для большинства из них.

— В учебниках так написано, и так говорили инструктора.

— Это верно для свежеинфицированных оборотней. Они просыпаются как обезумевшие звери, а в человеческой форме ничего не помнят — первые несколько полнолуний. Потом почти все научаются себя сдерживать. Раз в месяц покрываются шерстью, но остаются теми же личностями.

Он покачал головой, нахмуренный, такой серьезный-серьезный:

— В учебных фильмах мы не то видели.

— Это наверняка были новички, недавно ставшие ликантропами. Они бывают просто животными.

— Вы мне говорите, что на занятиях нам не то показывали, что есть на самом деле? Что они больше люди, нежели монстры?

— Ньюмэн, я живу с двумя оборотнями. Вы правда думаете, что это было бы возможно, если бы они пытались меня убить каждый раз, как меняют форму?

Он нахмурился мрачнее:

— Так эти слухи — правда?

— Некоторые — да, в основном — нет, но этот — правда. Можете мне поверить: мужчины, которых я люблю, никогда не пытались нанести мне вред. Ни в какой форме.

— Так что оборотень прошедшей ночи должен быть вроде как человек в меховом костюме?

— Я такого не говорила.

— Вы говорите, что, с одной стороны, они просто мохнатые люди. С другой стороны, собаки их так боятся, что не станут выслеживать. Что-нибудь одно, маршал Блейк. Либо они монстры, либо они люди.

— Расскажите это Деннису Рейдеру, — предложила я. — Добродетельный прихожанин, воспитал двух детей, был женат, жажде убийства противился годами. Человек, да, — но и монстр при этом.

— Но серийного убийцу собаки будут выслеживать.

Эдуард сделал еще одну попытку:

— Ньюмэн, это хорошая идея, но если он даже частично перекинулся — а должен был обязательно, чтобы нанести такие раны маршалу Карлтон, — собаки будут слишком испуганы, чтобы взять след. Вы просили прислать собак, дрессированных на выслеживание оборотня?

— Я просил лучших собак, которые тут есть.

Я пожала плечами:

— Это не играет роли. Шанс получить натасканных на оборотня собак практически нулевой. Это серьезная специальная дрессировка.

— Но почему? — снова спросил Ньюмэн. Мне этот вопрос уже слегка надоел.

— Потому что, Ньюмэн, оборотни, даже милейшие законопослушные граждане, не любят, когда собак обучают охоте за ними, чтобы их можно было убивать на месте.

Ньюмэн заморгал:

— Я не понимаю.

Устала я от этого разговора, да и от самого Ньюмэна.

— Знаю, что не понимаете.

— Так объясните мне тогда.

— Не уверена, что у меня это получится. Есть вещи, которым надо учиться в работе.

— Я быстро обучаем, — сказал он с едва заметным вызовом в голосе.

— Надеюсь, Ньюмэн. Очень на это надеюсь.

— Что это должно значить?

Ну, вот. Я старалась вести себя прилично, а он все равно мной недоволен.

— Это значит, что мне сегодня ночью пришлось быть свидетелем, как оборотень пытал и полосовал маршала Карлтон. Он прикрылся ею как живым щитом, чтобы я не могла стрелять в него, и двигался быстрее любого оборотня, которого мне доводилось видеть. Единственное, что я могла сделать — зажать ее раны и не дать ей истечь кровью, и еще молиться, чтобы у нее не было повреждений позвоночника, потому что мне пришлось ее перевернуть, зажимая раны, а при травмах позвоночника это может оставить человека инвалидом на всю жизнь. Слава богу, их не было, но ночью я еще этого не знала, а целостность позвоночника уже без разницы, если раненый истечет кровью.

Последние слова я говорила прямо ему в лицо — насколько это было возможно с высоты середины его груди, но он все же чуть сжался и подался от меня назад.

Я повернулась и пошла прочь. Злость окатывала меня волной, проливалась через меня насквозь. Звери во мне клубились, и в какой-то момент даже намек на когти стал ощущаться в животе.

— Эй, ты как? — окликнул меня Эдуард.

— Да ничего, все в порядке.

Я пошла дальше. Но мне нужно было утолить *ardeur*, причем, вероятно, до того, как мы пойдем по следу оборотня. Так как собака след брать не станет, у меня еще есть время. И еще у меня возникла идея: навестить местных тигров и проверить, не расскажут ли они мне такого, чего не станут говорить другим маршалам. Наверное, расскажут, и уж точно один из них согласится. Алекс, сын королевы местного клана, мой любовник и красный тигр моего зова. Другим маршалам я скажу, что пытаюсь собрать информацию, и так оно и будет, но суть-то в том, что нужен мне разовый партнер. Да, на секс, чтобы меня мои звери на части не разорвали.

Глава 11

По пути к машине нас остановил Рейборн.

— Куда это вы собрались?

— Поискать ключ к этой загадке, — ответила я.

— Уйдете с охоты, потому что не вам дали ордер? — спросил он.

— К охоте мы вернемся, — сказал Эдуард и направился к водительскому месту, оставив меня лицом к лицу с Рейборном. Чего мне только и не хватало.

— Много слухов о вас до меня доходило, Блейк, но никто никогда не говорил, чтобы вы бросили дело до того, как монстр будет убит. Все говорили, что вы человек упорный.

— Так и есть. Вы пустите по следу собак, но они этих тварей не наедут. Сегодня уж точно, и эти собаки — наверняка.

— Почему вы так уверены?

Эдуард потянулся через сиденье и приоткрыл мне дверцу, будто намекая, что пора садиться.

— Считайте, что по опыту, — ответила я и залезла в машину.

Мы поехали, а он все еще хмурился нам вслед.

Я знала номер сотового Алекса Пинна и набрала его, но он не ответил. А ответил голос незнакомого мужчины.

— Телефон Алекса. Как прикажете вас представить?

Судя по официальности, какой-то помощник.

— Это Анита Блейк. С кем я говорю?

Эдуард глянул на меня, выезжая на хайвэй, но не стал задавать вопросов, зная, что я потом объясню.

— Это телефон Ли Да красного клана, сына королевы Чо Чун. Зачем вы звоните нашему принцу?

— Мне кажется, это личное дело Алекса и мое.

— Вы не одна? — спросил он.

— Нет.

— Может ли присутствующее возле вас лицо быть недостойным доверия?

— Все может быть, и я с посторонними стараюсь не делиться секретами клана.

— Это разумно, — сказал невидимый собеседник после секундного молчания.

— Стараюсь. Как ваше имя?

— Зачем вам?

— Потому что мы ведем с вами разговор, и было бы вежливо обращаться к вам по имени.

Он ответил после секундного колебания:

— Можете называть меня Донни.

— Буду называть вас Донни.

— Это имя подойдет, пока мы определим, в какой степени можем доверять вам.

— О'кей, Донни, так где же это Алекс, что вы отвечаете по его телефону?

— Ли Да сейчас у нашей королевы. Она знала, что вы будете звонить.

— Знала? Вот как?

— Королева Чо Чун сказала, что вы не сможете устоять против призыва друг друга, и она была права.

Что сказать на это, я не знала. Утолять *ardeur* пыталась прежде всего из-за сексуального голода, но с того момента, как я случайно привязала к себе Алекса, его мать стремилась эту привязанность усилить, развить и сделать обоюдной. Она предпочла бы, чтобы Алекс остепенился и зажил с какой-нибудь хорошей девушкой-тигрицей, но теперь хотела, чтобы я выбрала между кланами и сделала Алекса своим официальным королем-тигром, отчего красный клан сразу стал бы у тигров главным. Я никак не намеревалась этого делать по многим причинам, но одна из них, и главная, — что этого не хотели ни я, ни Алекс. Тем более что и Жан-Клод, и прочие мужчины моей жизни сильно были бы недовольны, если бы я официально вышла за кого-нибудь замуж, и при том не за кого-то из них. Но я опытным путем выяснила, что все королевы кланов — тетки настырные и в вопросах чистоты крови, власти и брака серьезны как инфаркт.

— Послушайте, Донни, Алекс — принц вашего клана, это так, но он еще и тигр моего зова.

— Приезжайте к нам, и если вы его сумеете вызвать от нашей королевы, он ваш. Но если нет, значит, вы не Повелительница Тигров.

Я тихо выругалась себе под нос.

— Вам известно, что я приехала в ваш город расследовать убийства? Я пытаюсь спасти жизнь других тигров.

— Никто из убитых не принадлежал клану — это все уцелевшие после нападения. Их гибель прискорбна, но клану до нее дела нет.

— Вы понимаете, что убийцы, покончив с одиночками, могут обратиться и против кланов?

— Мы сумеем себя защитить, Анита Блейк.

— Приятно так думать. Но с этими ребятами ни один клан тигров не сталкивался уже сотни, если не тысячи лет. Они перебили вас всех у вас на родине — всех тигров, невзирая на цвет клана.

— Согласно легенде, они застали нас врасплох. В этот раз мы готовы.

Я слышала уверенность в его голосе, понимала, что она ошибочна, но знала, что ничего из того, что я сказала и могу сказать, не заставит его переменить мнение. Еще я знала, что не его мнение мне надо переменить, а королевы Чо Чан. Это ее уверенность и ее самомнение.

— Хорошо, Донни, скажите мне, куда прийти, и мы оттуда начнем, но мне действительно нужно видеть Алекса, и лучше раньше, чем позже.

— Вы хотите удовлетворить себя нашим принцем, как последней уличной проституткой. Мы не можем одобрить такое к нему отношение.

И снова я поняла, что это речи королевы, но не стала спорить. Донни — микрофон, и споры с ним его шефов не переубедят.

— Это наше с Алексом дело.

— Все, что касается нашего принца, касается клана.

До меня начало доходить, почему до нашей встречи Алекс бежал от своего клана как черт от ладана. Он — репортер, и хороший репортер. Потрясающие давал материалы по войне в Афганистане, получил за них премию Пибоди, что для журналиста — вещь очень важная. И еще жил в глубоком подполье, притворяясь человеком. Ходил в карих контактных линзах, скрывая желто-золотистые глаза с красно-оранжевым ободком — будто солнце, обрамленное огнем. Он был чистокровным представителем клана — глаза и волосы тому свидетельством. Волосы он выдавал за вызывающе окрашенные, но глаза приходилось прятать.

— Так вот, Донни, я и в самом деле Повелительница Тигров, первый за тысячу лет вампир, имеющий право на такой титул, и я не снисхожу до споров с низшими. Скажи мне, где увидеть Алекса и его мамочку, а не то я позову его к себе через весь город. И учти, что когда я призываю тигров, точность меня не заботит. Может оказаться, что любой самец без пары придет ко мне, и как тогда им дальше притворяться людьми?

— Вы этого не сделаете.

— Ты хочешь сказать, что я не должна этого делать или что я не могу?

Он секунду помолчал, потом ответил:

— Мы все чувствовали ваш зов, когда вы привязали к себе нашего принца. Я знаю, что вы можете сделать то, что сказали... госпожа, но я просил бы вас воздержаться от этого.

— Я не настаиваю. Донни. Просто мне нужно некоторое время провести наедине с тигром моего зова, вот и все.

Он какое-то время тяжело дышал, потом ответил мне:

— Я вам дам адрес, где вас встретят наши охранники. Они вас проведут к королеве и принцу.

— Отлично. — Открыв телефон, чтобы записать адрес, я сказала: — Готова, огонь!

Он сообщил адрес, я его ввела, и разговор закончился. Донни, кажется, я не понравилась. Ну и ладно, я не на конкурс популярности приехала.

Эдуард получил от меня адрес и двинулся в ту сторону. В Сиэтле он, похоже, ориентировался лучше, чем если бы был в городе впервые. Я спрашивала Эдуарда, знает ли он город, — он только улыбнулся своей загадочной улыбкой и не ответил. Таинственный он наш.

— А ты могла бы выполнить свою угрозу? Позвать всех свободных самцов, как суккубский гаммельнский крысолов?

Я задумалась, потом ответила:

— Не знаю, может быть. Тигры мне говорят, что я послала такой зов всем свободным самцам страны, когда впервые ощутила эту силу, и это было случайно. Клань сумели удержать мужчин и не дать им помчаться ко мне автобусами и самолетами, но тот зов был случаен. Если я сделаю это всерьез, по-настоящему, не знаю, смогут ли клань их удержать. И еще я не знаю, насколько они мною зачарованы, и все ли они ожидают секса. — Я нервно хихикнула. — Красный клан насчитывает сотни самцов. Я, конечно, искусна, но не настолько.

— Тогда лучше не вешать плакат «добро пожаловать», — сказал он, сворачивая в узкую улицу.

— Это была угроза, Эдуард. Мне случается произносить угрозы, которые, я надеюсь, выполнять не придется.

— Мне — нет, — ответил он.

— Я знаю. Ты любую свою угрозу готов выполнить.

Он повернул, посмотрел на меня, ожидая зеленого света. Глаза у него скрывались за темными очками, но я достаточно хорошо знала его лицо, чтобы представить себе. Холодный взгляд, вроде «я тебя мог бы убить, глазом не моргнув».

— Пугающий вид оставь для других, Эдуард.

— Я не могу тебя отпустить туда одну. Не уверен, что они тебя смогут защитить от похищения, если Марми Нуар его замыслит.

Я вздохнула:

— Так и думала, что ты это скажешь. Ты мне должен обещать, что ничего из узанного тобой сегодня никогда не применишь против них на охоте.

Он скривился:

— Терпеть не могу, когда ты так делаешь.

— Зеленый, — сказала я одновременно с сигналом стоящего позади нас автомобиля.

Эдуард тронул машину, но сказал:

— Если я не дам обещания, ты пойдешь туда без меня.

— Ага.

— Черт, — тихо сказал он.

— Ага.

— Обещаю, — сказал он.

Я улыбнулась:

— Я знала, что ты так скажешь.

— И оставим тему, — ответил он, и злость в его голосе была совершенно искренней.

Но он с ней справится, и если обещал, то слово сдержит. Красному клану не грозит опасность со стороны Эдуарда, а мне опасность не грозит, потому что теперь он будет меня охранять. Теперь бы только пройти беседу с будущей свекровью, и день можно считать идеальным.

Глава 12

У дверей стояли два охранника, представившиеся как Донни и Этан. Донни был высок и совершенно лыс, с глазами цвета оранжевого пламени. Тиграм красного клана сложно выдавать себя за людей именно из-за глаз. Эти тигровые глаза выглядят именно как тигриные, а не как человеческие непривычного цвета. На публике красные тигры носят темные очки или цветные контактные линзы. Самое забавное, что хотя все кланы презирали выживших после нападения, эти выжившие в человеческом виде больше походили на людей, чем «чистокровные». Это даже можно было считать признаком чистокровности — тигриные глаза и волосы того же цвета, что и шерсть звериной формы, даже в младенчестве.

Для таких темных глаз обычно нужны были карие линзы для маскировки цвета, но охранник, стоящий рядом с Донни, смотрел серыми глазами — серыми, как мех домашнего котенка. Волосы у него были светлые, настолько светлые, что казались почти белыми, и в них будто была неравномерно добавлена серая подсветка, хотя назвать серый цвет подсветкой — как-то неправильно. И одна прядь — сочного темно-красного цвета, от лба до затылка. Волосы короткие, но достаточно волнистые, чтобы приходилось их сверху причесывать, и вид у него был такой, будто он со своей короткой стрижкой и отличной покраской собрался в ночной клуб. До шести футов Донни он недотягивал, и шириной плеч тоже не поражал. Рядом с Донни он казался хрупким, но наплечная кобура с глоком и запасной обоймой была у него. Игра мышц предплечий выдавала работу с тяжестями и еще какой-то спорт дополнительно. Судя по его осанке, что-то боевое.

Эдуард тронул меня за руку, и я опомнилась. Оказывается, я уставилась на Этана. В общем, надо мне как можно скорее увидеть Алекса. Вампир, имеющий зверя своего зова, часто засматривается на животных этого типа. Жан-Клоду приносит спокойствие поглаживание волков, потому что волк — зверь его зова. Я поняла, что вдали от дома мне не только секса не хватает, мне еще нужны прикосновения и общение с оборотнями, к которым меня тянет. Вроде тигров. А то, что мне Этан казался симпатичнее, чем Донни, шло вразрез с обычным подходом доминантных тигриц к подбору

пары. Им обычно нравились самцы с тигриными глазами, но в этом Этане было что-то такое... интересное. Или просто я оголодала.

Я сделала глубокий вдох, но он не помог, потому что от них обоих пахло тигром. Однако от Донни просто пахло красным тигром, а от Этана — чем-то еще. Я подвинулась в ответ на запах, стала нюхать воздух рядом с ним, очистить нос от более теплого и близкого запаха Донни.

— Анита! — окликнул меня Эдуард резким голосом. — Тебе нужно найти мистера Пинна.

Я кивнула и заставила себя отступить от Этана.

— Ты прав, абсолютно прав, — ответила я, не глядя ни на одного из тигров. — Отведите меня к Алексу.

— Мы не можем вас привести к нашей королеве столь сильно вооруженными.

Эти слова заставили меня глянуть, что же у нас с собой. Так как ни один из нас сейчас не имел на руках действующего ордера, самые опасные игрушки были скрыты под ветровками федеральных маршалов. Со мной были только усиленный браунинг, смит-вессон «М&П9с», запасные обоймы, два наручных ножа в ножнах и большой нож вдоль спины. Наплечная кобура была специально сделана так, что наспинные ножны цеплялись к ней, и рукоять скрывалась под волосами, когда я в жакете или в куртке. Если бы при мне не было большого ножа, то браунинг был бы на поясице, где сейчас смит-вессон. У Эдуарда тоже было два пистолета и несколько клинков.

— Автоматического оружия у нас с собой нет, мы налегке, — сказала я.

Донни уставился на меня, но моргнул первым. И нахмурился.

— Вы говорите честно.

— Стараюсь.

— Но мое утверждение остается в силе. Предстать перед королевой Чо Чун вооруженными вам нельзя.

— И отлично, — согласилась я, — мне она в любом случае не нужна. Мне нужен только Алекс.

— Принц Ли Да, — поправил меня Донни.

— Хорошо, мне нужен только Ли Да.

— *Принц* Ли Да, — повторил Донни.

— Нет. — Я мотнула головой. — Нет. Я — повелительница тигров, и мне он не принц. Алекс или Ли Да, но мне он никакой не принц.

— Это высокомерие.

— Нет, это всего лишь правда. Строго говоря, я не обязана здесь стоять и с вами препираться, с тобой или вот с Этаном. Я могу просто сослаться на закон и потребовать: «Приведите его ко мне».

— Королева Чо Чун с меня шкуру спустит, если вам сойдет с рук такое презрительное оскорбление.

Я посмотрела на Этана — проверить, не преувеличивает ли Донни, — и что-то в этих спокойных серых глазах котенка мне сказало, что Донни говорит чистую правду. Интересно. В Вегасе у белых тигров порядки другие.

Я повернулась снова к Донни:

— Она распорядится тебя пороть просто за исполнение моего приказа?

— Она — королева. Все мы ходим в ее воле.

Я покачала головой, снова уставилась на Этана. Меня как-то заворожила форма его рта. Верхняя губа такая рельефная, что почти ямочка образовалась над губами, а не под ними.

— Анита! — окликнул меня Эдуард, становясь между мной и Этаном. — Тебе нужно питание.

— Ты абсолютно прав, — кивнула я и повернулась к Донни: — Либо Алекс сейчас же придет ко мне, либо я сделаю то, что обещала по телефону: призову его к себе. Вы сейчас прямо рядом со мной, и можешь мне поверить: для вампирских сил это очень существенно. Ты мне не настолько нравишься, Донни: ничего личного, просто Этан нравится больше. Моя тигрица ему симпатизирует. Если я призову Алекса, есть отличный шанс, что он здесь появится, когда я уже напитаюсь от Этана, а может быть, и от тебя тоже. Ваша королева на самом деле этого хочет, или она просто хочет, чтобы ты меня поставил на место?

— Не мне говорить от имени королевы. Она знает свои намерения, я ее намерений не знаю.

— Считаю до десяти, а потом начинаю призывать Алекса. Но я не лгу относительно возможного воздействия этого призыва на вас с Этаном.

— Этан? — спросил Донни.

— От нее пахнет правдой.

Мне из-за Эдуарда было видно только плечо Этана. Я подавила порыв сдвинуться, чтобы увидеть больше. Нехорошо, когда меня завораживает незнакомец. Господи, да неужто же мне в моей жизни любовников мало?

Донни не мог определить по запаху, говорю ли я правду. Значит, не очень он сильный оборотень. Еще это значило, что он, когда сказал, что я об оружии говорю правду, угадывал. Но сейчас, когда дело было серьезное, он засунул гордость в карман и предоставил отвечать на вопрос более сильному тигру. Интересный момент.

— Я пойду спрошу нашу королеву, каких действий она от меня хочет.

— Нельзя просто позвонить? — спросила я.

— Некоторые вопросы полагается задавать лично.

Он слегка поклонился в мою сторону. Интересно, заметил ли это сам. Потом пошел по коридору.

— А Этана ты здесь бросишь? — спросила я вслед.

— Он охранник, будет выполнять свои обязанности.

— Ты знаешь, что если ты не вернешься вовремя, он будет мне пищей. И ты его все равно бросаешь?

— Он хороший охранник, но он не чистокровный.

— Какое отношение имеет к чему бы то ни было то, что у него наследственность от нескольких линий тигров?

— Он хочет сказать, что я не стою защиты, — пояснил Этан.

Эдуард повернулся так, чтобы мы оба видели оставшегося охранника.

— Защиты от чего? — спросила я.

Этан пожал плечами:

— Да от чего угодно, пожалуй, но сейчас — от тебя. Ты похитила лояльность некоторых из немногих оставшихся красных тигров, когда они навещали тебя в Сент-Луисе, — и вот почему к тебе сейчас охранником приставлен я: если ты меня заворожишь, это не будет потерей для клана. Не будет стоять им чистокровных красных младенцев.

Он это сказал лишь с легким оттенком горечи.

— Это бездушно, — сказала я.

— Это практично, — ответил он.

Я посмотрела на Донни, который остановился, глядя на нас.

— Так ты его оставляешь сторожить нас или быть жертвенным агнцем, а как оно обернется, тебе, в общем, плевать.

Донни посмотрел на меня, потом на Этана, даже на Эдуарда.

— Я пойду доложу королеве Чо Чан о ваших требованиях.

Он снова покосился на меня, потом на Этана, и я поняла, что он нервничает. Очевидно, заявление, что он оставляет Этана мне в пищу, его задело. Многие готовы делать страшные вещи, если можно не формулировать точно, что именно делаешь. Но когда истина прозрачна, врать себе труднее.

Не говоря ни слова больше, он повернулся и пошел прочь, и через несколько ярдов его темная одежда слилась с темнотой коридора. Надо бы им здесь освещение улучшить.

Нас оставили стоять в полутемной прихожей в каком-то оглушительном молчании. И во мне шевельнулась красная тигрица, как язычок огня, пробудившийся к жизни в холодном дереве. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, но это была ошибка, потому что я непроизвольно двинулась ближе к Этану, а от него пахло не только красным тигром. Из тени, из темноты, где живут во мне звери, вышла белая тигрица. Я знала, что темноты во мне нет, нет высоких древних деревьев, — этот ландшафт создал мой разум как метафору для обитания во мне зверей.

Я стояла перед Этаном и глядела в спокойные серые глаза.

— Анита, отойди назад.

Эдуард положил руку мне на плечо.

— Сейчас меня не трогай, Эдуард, — сказала я.

Он не стал спорить, просто убрал руку. Жар от нее стал дальше, когда он отступил.

— Просыпается *ardeur*? — спросил он.

— Пытается, но не только...

Я подступила к Этану вплотную. Хороший охранник отступил бы назад, но он не стал. Я очень старалась к нему не прикасаться, но мое лицо было прямо над его рукой, над кожей, и я вдыхала его запах, глубоко вдыхала.

Потом появился новый аромат, и синяя тигрица во мне воспрянула и забегала рядом с другими.

— Я думала, у нас единственный живущий самец синего тигра, но вот откуда серые кудри и глаза. Примесь белого тигра тебя осветлила, но ты синий.

— Моя бабушка была синяя, но у вас — единственный чистокровный. Я слишком смешанный, у меня нет цвета.

— Ты не только красный, или синий, или даже белый, ты...

Я не стала говорить вслух, потому что «Арлекин» пытается истребить всех золотых тигров, и пока что не преуспел, но вот передо мной тигр, в котором есть капля этой густой золотой силы.

— Я — кто? — спросил он.

Я по его взгляду поняла почти наверняка, что он сам не знает об этой своей капле драгоценной крови. Интересно.

— Сколько у тебя форм? — спросила я шепотом, почти касаясь его кожи губами.

— Три, — ответил он, и голос его стал глубже. То ли просыпается тигр, то ли мужская реакция.

«Не четыре?» — хотелось мне спросить, но я не стала. У тигров-оборотней приняты перекрестные браки ради генетического разнообразия, и большинство из них похожи на кого-то одного из предков.

Дома у меня есть Домино, перекидывающийся черным и белым, но обычные его волосы и черные, и белые, выдающие смесь. Если в человеческой форме заметна только одна линия, то она и есть та, в которую он может превращаться. Никогда еще не видала тигра, который владел бы тремя цветами, не говоря уже о четырех, но в Этане ощущался манящий запах золотой силы. И золотая тигрица во мне тихо и нежно мурлыкнула. Я попыталась мыслить разумно, но разума в себе не ощущала. На коже чувствовалась тяжесть голода, нижнюю часть тела сводило. От этой реакции я пошатнулась, Этан протянул руку, подхватил меня — инстинктивно. Кто-то падает — пытаешься удержать. Я ощутила сквозь ткань его руку как тяжесть и жар, будто всю эту силу сдерживало только его человеческое тело.

— Эдуард, выйди, — сказала я сдавленным голосом.

— Что?

— Вернись туда, посмотри, как там идет охота, но здесь тебе нельзя.

— Ты теряешь самообладание.

— Да, похоже.

— Анита...

— Эдуард, уйди, прошу тебя, просто уйди.

Я беспокоилась о нем, своем друге, но не могла оторвать взгляда от стоящего передо мной мужчины. Смотрела в эти серые глаза и знала теперь, что это цвет его тигра. Так близко я теперь видела различие между человеческими глазами и этими тигриными. Руки его обвили меня, притянули ближе, а мои уже обнимали его за талию.

— Ты меня хочешь?

Его голос звучал удивленно.

— Да, — ответила я, и четыре тигрицы забегали во мне в длинном темном коридоре.

Я зарылась лицом в его футболку, в грудь. От него пахло жарким красным пламенем, воздухом после грозы, чистым и свежим, и под всем этим — аромат леденца. Сладкой ватой пахло, сахаристой, мягкой, которая вот сейчас на языке растает. Я давно выяснила, что золотой тигр пахнет сладко, и под запахом сладкой ваты слышалась иная сладость. Клевер, белый клевер в летний день — так пахло от синего тигра. Синрик, оставшийся дома, пахнет как целый сад в середине лета, и синие тигры пахнут чем-то зеленым и цветущим. Все четыре моих тигрицы смотрели на меня, приоткрыв пасть, впивая запах его кожи, вдыхая так глубоко, как только могли. Они замурлыкали хором низкими голосами, рокотом сострясшими все мое тело, будто кости стали камертоном, задающим начало низкой басовой песне. От резонанса подкосились ноги, Этан подхватил меня, и наши тела сблизилась, поглотив последний дюйм просвета между ними. Он был уже готов и рвался в дело, от ощущения я тихо застонала.

— Да, я тебя хочу.

И взмыл во мне волной ardeur, а тогда я поняла одну вещь, которой не понимала раньше. У меня была та же сила, которой обладал и прежний мастер тигров, но ardeur превратил эту силу в нечто иное, более теплое, доброе, живое. И эта живость поднялась из меня приливом и залила его, и он вскрикнул без слов, закрывая глаза и выгибая спину, и руки сжались вокруг меня крепче — просто чтобы не упасть.

— Какая мощь! — прошептал он.

Я еще успела задать себе вопрос, то ли это просто утоляется ardeur, то ли я случайно привяжу к себе метафизически этого тигра. Мне сейчас не нужен новый мужчина — на постоянной основе так уж точно. И Этан ничего плохого не сделал, чтобы его навеки к себе привязывать, тем более случайно. Отбирать его свободную волю я не хочу. Не хочу тащить его в капкан. Или себя.

Мне удалось забраться на водительское место в собственном разуме. Этан на меня уставился:

— Что не так? Сила спадает.

— Что-то не так в этой кормежке ardeur'a, Этан. Что-то по-другому.

— Что же?

— Есть шанс, что это не только ardeur. Что я привяжу тебя как тигра своего зова.

— Как Алекса? — спросил он.

Я кивнула, глядя внимательно ему в лицо. Он был красив по-мужски: широкие скулы, но черты лица тонкие. И ямочка на подбородке.

— У Алекса есть своя жизнь, есть любимое дело. Ты ему ничем не повредила.

— Я не всегда знаю, насколько глубокой получится привязка, Этан. Ты это понимаешь? Я не могу предсказать, как обернется дело.

Он заморгал, пытаясь прочистить мозги от витающих в воздухе феромонов. Проглотив слюну, он спросил:

— Ты мне даешь возможность дать задний ход?

— Да.

— Что может случиться со мной самое худшее?

— Можешь стать невестой — как невесты Дракулы. Лишиться собственной воли. — Я ослабила объятия, попыталась дать ему некоторую физическую свободу подумать. Руки Этана у меня за спиной сжались сильнее. — Такого ты для себя не хочешь.

— Красный клан скрещивается с другими кланами. Если ребенок похож на представителей другого клана, туда его и посылают на воспитание, иначе он остается с нами. Но если ребенок ни на какой клан не похож, то остается с матерью — не потому, что она этого хочет, а потому что клан отца не хочет его взять.

Продолжая обнимать его одной рукой за пояс, я другой погладила его по волосам, по белым и серым, по темно-красной пряди, чуть за нее дернув. И я улыбнулась ему, а он мне в ответ.

— Ты красив, и не верь, если кто говорит иначе.

Он улыбнулся шире:

— Самки клана не хотят быть со мной, чтобы не породить нечистокровное дитя. Я себе даже вазэктомии делал три года назад, и от меня никто не забеременеет. Надеялся, что после этого тигрицы клана не будут считать меня опасным, но они все равно видят во мне нечто скверное — будто мое прикосновение сделает их менее чистокровными.

— Мне жаль, что они такие дуры, Этан.

Он улыбнулся — несколько грустно:

— Мне тоже.

Наш Домино — тигр наполовину черный, наполовину белый. Он служил охранником в белом клане, но был так же одинок, как Этан, но там хотя бы белый клан нашел его в семейном приюте и усыновил. О его рождении они не договаривались и обращались с ним плохо. А здесь даже хуже в чем-то.

Я улыбнулась:

— Поскольку я ни от кого беременеть не собираюсь, для меня это плюс. Ликантропия защищает тебя от всех других болезней, и так как я тоже на таблетках, о большей безопасности и мечтать трудно.

— Защищает нас, — поправил он меня.

— Что?

— Ты же оборотень-универсал? Ты только не перекидываешься, так что ликантропия защищает тебя от любой другой болезни, кроме ликантропии.

Я нахмурилась, потому что никогда еще в таких терминах об этом не думала.

— Не знаю. Поскольку у меня ликантропии несколько штаммов, не уверена на сто процентов, что не могу заразиться другой болезнью.

Он кивнул:

— Верно, так что тебе приходится думать о защите от ЗППП.

— Если я с людьми, — ответила я.

— А ты вообще бываешь с людьми?

— Нет. Но уверена, что тебе с человеческими женщинами отлично.

Он улыбнулся, почти застенчиво.

— Я пытался встречаться с ними. Но я не могу им сказать, кто я, а вечно это скрывать невозможно.

— Да, — согласилась я. — Невозможно.

— Это как отрицать собственную суть. Чуть ли не более одиноко получается, чем вообще никого в объятиях не держать.

Я кивнула:

— Был у меня бойфренд, жених, который мечтал поселиться со мной за белым штaketником. А это совсем не в моем стиле.

Он широко улыбнулся:

— Я чувствую, что ты меня хочешь. — Этан нагнулся надо мной, обняв щеку. — И ощущаю запах красного, и белого, и синего, и еще... и еще что-то, в первый раз чую. Сладко пахнет, и... отчего мне золото мерещится? Золотой тигр.

— Потому что в тебе есть капля золотой крови.

— Этого не может быть.

— Я чувствую запах на твоей коже.

Он втянул в себя воздух:

— Боже, какой от тебя родной запах.

— Мне говорили, что золотые тигры не ищут родного дома.

Он покачал головой:

— Значит, они его уже нашли, потому что каждый ищет в других родной дом или родную душу.

Он шептал это, повернувшись ко мне, губами касаясь щеки, почти в поцелуе, но не совсем. И дыхание его грело кожу.

Пульс бился у меня в горле, тело покалывало от его близости.

— Ты понимаешь, что с тобой может случиться?

Я пыталась говорить рассудительным голосом, но получался хриплый шепот.

— Думаю, что да.

— Мы только должны подождать, пока придет Алекс, и тогда можно об этом подумать. У тебя есть время, если хочешь подумать.

Он коснулся ладонью моей щеки, пальцы запустил мне в волосы. Поцеловал меня в другую щеку, едва ощутимо.

— Я не хочу думать.

Я закрыла глаза, чувствуя, как он трется щекой о мою щеку, словно кот, оставляющий пахучую метку, рука вцепилась в волосы сильнее, я слегка застонала в ответ.

— А чего ты хочешь?

— Ощутить родной дом, — ответил он тем же шепотом.

Я отодвинулась заглянуть ему в глаза. Они уже затуманились, губы раскрылись, и нижняя стала влажной, когда он ее облизнул. Ardeur рвался наружу, тигрицы царапались изнутри, я повисла на его руках, он подхватил меня, лицо озабоченное.

— Что с тобой?

Я помотала головой. Пока ничего, но будет не очень, если я еще буду сопротивляться. Я подумала про Алекса — и почувствовала его, он скоро придет, но я ощущала его злость на мать, она его задержала. Он слишком далеко, я не выдержу. Ощущая запах кожи Этана, я не могла не сознаться себе: не хочу выдерживать. Да, это ardeur, да, это из меня рвется тигриное, но главное — его

одиночество. Я годами была одинока, я знала, что это значит — когда ты иная, и за это тебя никто не любит.

— Тебе нехорошо? — снова спросил он, держа меня теперь за руки чуть ниже плеч, будто боялся, что я упаду.

— Сейчас будет хорошо, — ответила я.

— Что мне сделать?

Я умерила ardeur, придавила тигриц, хотя и знала, что это ненадолго.

— Ты должен понять, что я не смогу удержать весь процесс под контролем. Я не знаю, в какой степени ты утратишь свободу воли, когда мы это сделаем. Ты это должен очень хорошо понимать, Этан.

Серьезные серые глаза смотрели на меня внимательно.

— Я понимаю.

— Правда?

— Нет, но за это выражение твоего лица несколько минут назад, за аромат твоей кожи, за это чувство неодинокства... не оставляй меня одного.

Я подумала об Алексее, подумала слишком поздно: «Не приближайся» — и прекратила сопротивляться. Прекратила преодолевать ardeur, отбиваться от тигриц и сражаться с собой. Я отдала себя моменту — и мужчине, который держал меня в руках.

Глава 13

Разоружиться — для нас обоих потребовало времени. Забота об оружии помогла отогнать ardeur настолько, что стали заметны иные моменты. Например, что комнатка, в которую вышиб дверь Этан, на самом деле машинный зал — голый и с бетонным полом. Раздевшись до лифчика и джинсов, с горкой оружия у ног, я засмеялась и сказала:

— Где бы нам тут заняться сексом так, чтобы всю кожу не ободрать?

Этан содрал с себя футболку и бросил на собственную грудь оружия. Я бы попыталась найти где-нибудь место более удобное, но посмотрела на него без рубашки и отвлеклась. Тонкие мышцы рук, которые видны были из-под рукавов, не подготовили меня полностью к такому зрелищу. Всегда бывает момент, когда одежда сбрасывается впервые, и оно мне никогда не приестся — это чудо первого раза, никогда я не привыкну к первому прикосновению, к первому поцелую. Все мне говорили, что при таком количестве мужчин у меня в жизни и в постели я скоро стану пресыщенной, но этого не случилось. Изумление этого чуда, вид Этана без рубашки помогли мне еще дальше отодвинуть ardeur — а может быть, я лучше научилась его сдерживать. Как бы там ни было, я шагнула к Этану, протягивая руку, чтобы пальцами провести по гладкому и мускулистому изысчеству этой груди. В моей жизни есть мужчины и более рельефные, более массивные, но уровень мускулистости Этана можно было охарактеризовать словом «изысчество». Я провела рукой по гладкой выпуклости, избегая пока что сосков — мне хотелось его приласкать до того, как слишком сильно снова вспыхнет ardeur.

Под пальцами скользили гладкие бугры.

— Булыжная мостовая. Это требует работы.

Он ответил, дыша прерывисто — даже от этой невинной ласки.

— Моему клану от меня нужны только мускулы, вот я и стараюсь сделать их получше.

Я взяла его за талию ладонями, снова оглаживая эти накачанные, тренированные мышцы. Легкое прикосновение, но он не удержался от стоны и закрыл глаза. Мне стало грустно за него, но тут я ощутила в коридоре нечто жаркое и сильное, разгневанное. Обернувшись, я потянулась к пистолету в кобуре, но он, как и пистолет Этана, был накрыт футболкой. Я стояла на колене, футболка еще в воздухе, пистолет наведен на дверь, а Этан тянулся за своим пистолетом. Но ему было не успеть.

Глава 14

Палец начал давить на крючок, но тут дверь распахнулась, и у меня была доля секунды, чтобы увидеть: это Алекс в образе человека. Будь я человеком, я бы его застрелила, но у меня хватило реакции, чтобы направить ствол в потолок. И в тот же момент усомниться, что это было правильно.

Мгновение у меня было, чтобы его увидеть, секунда той кристальной ясности, когда адреналин и схватка замедляют время, и у тебя целая вечность, чтобы что-то сделать или увидеть, как что-то произойдет. Это иллюзия. Если потом увидеть этот момент заснятым, все происходит невероятно быстро. Но эта ясность дает мне возможность увидеть невообразимо выпукло какие-то детали, хотя все остальное теряется. Темные волосы Алекса были короче, чем в прошлый раз, почти наголо состриженные. На меня полыхнул взгляд желтых тигриных глаз, человеческое лицо исказилось гневным рычанием, и размытой полосой скорости и силы он бросился на Этана, у которого пистолет был в руке, а времени прицелиться не было — а если бы и было, стал бы он стрелять в своего принца?

Алекс врзался в Этана, тот отлетел спиной на находящиеся позади механизмы, треснул и застонал металл, будто сломался под их тяжестью. Кашляющий рык вырвался из человеческого горла Алекса прямо Этану в лицо.

— Алекс, нет! Алекс, стой! — орала я, направив на него пистолет и отходя так, чтобы ничто не загоразивало выстрела. И можно было стрелять, но я не могла. На такой дистанции я бы его убила, а он — тигр моего зова, то есть если он умрет, я тоже могу умереть, и все, с кем я метафизически связана, — тоже. Вот же блин!

Сунула пистолет в кобуру, уронила ее на пол, а сама пошла к ним. Сейчас я видела, что какая-то металлическая трубка проткнула Этану бок, и по всему этому красивому торсу растекалась кровь. Черт! Не могла я рисковать и стрелять в Алекса, но стоять и смотреть, как он разорвет Этана в клочья, я тоже не могла. И вернулась к своей груди оружия за ножом. Однако я забыла, кто такой Этан и что нужно от него клану: мускулы.

Мелькнул размытой бледной полосой кулак, и Алекс отшатнулся. У него по лицу текла кровь. Он упал на пол, успев подставить руку, а Этан стал сдергивать себя с трубы. От этого зрелища у меня желудок скрутило: это должно было быть чертовски больно. От него пошла волнами сила оборотня, и трем моим тигрицам понравился ее вкус, ее жар, ее разрушительная мощь. Я знала, глядя, как он сдергивает себя с трубы, что если ему это удастся, драка возобновится.

Я встала между ними, что было бы глупо, если бы я хотела драться с любым из них, но я не планировала закончить конфликт, вырубив кого-то одного. Мне не пришлось особо опускать метафизические щиты, чтобы найти гнев, всегда kloкочущий у меня под поверхностью. Питаться сексом — это свойство вампирской линии Жан-Клода, потомков Белль Морт — Красивой Смерти. А вот гнев — это уже мое. Гнев пришел ко мне как теплый душ, ласкающий и согревающий кожу. И так было хорошо его поглощать, втягивать в себя. Секунда была на чувство, что у меня есть выбор: проглотить его или использовать, чтобы разозлиться самой. Это было ново — обычно гнев бывал только пищей. Я его «съедала», впитывала в себя.

Алекс смотрел на меня, стоя на полу на коленях, согнув одну руку.

— Что это было? — спросил он.

Энергия его полностью переменилась, он ощущался нормально, как обычно.

— Я съела твой гнев. Ты чего так взбесился?

— Понятия не имею.

Привлеченная движением, я обернулась к Этану. Он трясся, труба наполовину торчала из бока. Было видно, как ему больно. Да, если труба не серебряная, рана затянется, но все равно: когда она торчит в боку, это адски больно. Я себе даже представить не могла, как стаскивала бы себя с такой штуки. Слишком об этом задумалась, и меня сжало рвотным спазмом.

— Что значит понятия не имеешь, Алекс ?

— Не знаю. — Он посмотрел на меня и позвал: — Джордж, иди сюда, поможешь.

Я повернулась и увидела другого охранника в белой футболке и защитных джинсах — очевидно, это форма у них такая. Короткие густые волосы традиционного цвета — глубокий, почти до черного красный, глаза как апельсин с желтыми факелами. И легкий золотой оттенок, чуть усиливающий экзотический вид, который бывает у красных тигров.

— Да, мой принц, — сказал он и действительно опустился на одно колено, прижимая кулак к груди. Я приподняла бровь при виде этого, потому что никогда не видела таких церемоний у других кланов. Какой-то средневековый обряд.

— Помоги Этану.

— Как пожелает принц, — сказал Джордж и встал.

Я услышала за спиной резкий вздох боли и звук падения тела. Обернувшись, увидела: Этан стоит на коленях, упираясь руками, чтобы не упасть. Кожа у него стала почти серой, покрылась бисеринками пота от шока и боли. Но прямо у меня на глазах стал ослабевать поток крови — тело исцелялось. Волна облегчения (я даже не знала, что оно мне нужно) залила меня. Не то чтобы Этан сейчас уже для меня много значил, но было бы очень несправедливо, чтобы он погиб жертвой простой глупой ревности.

Джордж, охранник, только полпути прошел до Этана, как снова нахлынул гнев. Только что Алекс стоял, вытирая кровь с лица, и вдруг бросился, рыча, и ударил раненого дважды — только потом Этан сумел начать защищаться. И они вскочили с пола рычащей бьющейся массой.

Я снова попыталась съесть этот гнев, но будто соскальзывала с него. Не могла до него добраться — что-то не пускало. А двое мужчин молотили друг друга, рыча и катаясь по полу.

— Разними их, — обратилась я к охраннику.

— Если мой принц желает его наказать, не подобает мне вмешиваться.

— Серьезно?

Джордж слегка улыбнулся, пожал плечами:

— Если серьезно, я не пойду против Красной Королевы всего лишь ради Этана.

— Дерьмо ты несчастное.

Он посмотрел на меня, сведя брови:

— Анита Блейк, слова «Отрубить ему голову» не только в «Алисе» встречаются.

У меня была секунда вспомнить факт, что Красная Королева рубила головы стражникам за неповиновение, но наше внимание было направлено на драку. Будь Этан в хорошей форме, он бы Алексу просто набил морду — видно было уже из того, что он, даже столь сильно раненный, начинал брать верх. Алекс силен и быстр, но работа у него — репортер. Случалось ему, конечно, посещать тренажерные залы, может быть, даже школу боевых искусств, но Этан же ничего другого не делает, кроме как тренируется. Ничего, кроме постоянного старания сделать из себя боевую машину, и сейчас, когда его тело заживляло раны, он стал наносить встречные удары посильнее, ставить больше удачных блоков. Это было различие между профессионалом и любителем. Если любителю не будет сильного везения в самом начале, его побьют.

Алекс получил очередной удар в лицо, которым его развернуло. Он попытался повернуться обратно, но Этан ударил его ногой в колено, послышался хруст. Алекс вскрикнул и рухнул. Этан ударил его в лицо, плеснула кровь, и крик оборвался. Алекс упал на пол без сознания. Будь он человеком, я бы встревожилась, не сломана ли у него шея, но он не человек. Да и никто в этом помещении не человек, если честно. Да, я себя включаю в список.

Этан повернулся к нам, тяжело дыша. Грудь его поднималась и опадала, болезненный пот сменился обыкновенным. Он вытер рукой бок, где еще была кровь. Рана почти уже затянулась.

Стоящий рядом со мной охранник вытащил пистолет и направил на Этана.

— Ты знаешь, какое наказание ждет поднявшего руку на члена королевской семьи.

— В битве за самку это правило не действует, — ответил Этан, и придыхание в голосе было едва слышно.

Я увидела, как напряглась рука Джорджа, и среагировала, не рассчитывая успеть, но успела — подбросила его руку с пистолетом к потолку. Выстрел в тесном помещении прогремел как гром с оглушительным эхом.

Он не пытался опустить руку, преодолевая мое давление, и я посмотрела ему в лицо. Увидела, как шевельнулись губы, услышала:

— Ты быстрее, чем я думал.

Тут он напрягся, и меньше мгновения у меня было, чтобы понять: сейчас он ударит другой рукой. Даже не было времени это увидеть, не только подумать, куда придется удар. Просто он напрягся и шевельнулся.

Рука ударила меня поперек тела. Просто прямая рука по талии, но меня подняло на несколько дюймов и свалило на пол. Годы на матах дзюдо помогли мне упасть без травм, погасив инерцию в основном руками. И даже при этом я сперва заморгала, сидя на полу полуоглушенная. Прогремел еще выстрел, резкий и болезненный, как удар по ушам.

«Вставай, или погибнешь!» — вопил мне мозг.

Я встала.

Глава 15

Встала как раз вовремя, чтобы услышать просвистевшую над головой третью пулю, отчего снова припала к полу. Этан у меня на глазах отобрал у Джорджа пистолет, но Джордж успел выбить у него оружие, и пистолет, вертясь, поехал по полу. Я бросилась к упавшему пистолету, а в руке у Джорджа сверкнул нож. Пистолет я схватила и нацелила, но они оба были слишком быстры. Этан был быстр, но Джордж еще быстрее — не настолько, чтобы его полоснуть или пырнуть, но настолько, что Этан мог всего лишь не дать ему этого сделать, но ничего больше. Они метались размытыми контурами, крутятся и нанося удары кулаками и коленями — слишком близко они были, чтобы можно было бить ногой. А я никак не могла выстрелить — каждый раз, когда мне казалось, что можно, тут же на линии прицела оказывался Этан.

Я поняла, что Джордж нарочно так движется, чтобы Этан меня от него загораживал, а значит, он боец еще лучше Этана. У него была возможность ударить Этана так, чтобы отбросить и сбить с ног, но тогда он лишится щита, закрывающего его от выстрела. Он уже мог победить в этой драке, но ему нужно было, чтобы Этан оставался на ногах и близко к нему. Черт, до чего же умелый боец.

Этан думал, что держится сам по себе, или понимал, что делает противник? В коридоре слышался топот, и я надеялась, что это помощь.

— Я здесь не чтобы с тобой драться, Анита Блейк, — сказал Джордж без малейшего напряжения в голосе.

Я не стала отвечать и ждала, чтобы представилась возможность выстрелить.

Этан перестал отбиваться и дал Джорджу полоснуть себя по руке. При этом он сумел оттолкнуться и упасть на пол, открывая мне выстрел. Я прицелилась Джорджу в середину корпуса и потянула спусковой крючок, но он уже метнулся неимоверно быстро, размытой полосой, за которой я пыталась уследить руками и оружием, производя выстрел. Пистолет был «глок-21», автоматический сорок пятого калибра, и отдачей мне задрало руки к потолку, так что пока я опускала ствол обратно и целилась, Джордж уже вылетел в двери и скрылся.

— Твою мать! — сказала я и встала, держа пистолет двумя согнутыми руками, так что, если бы представилась возможность выстрела, я бы ее не упустила. Но коридор был уже забит народом в защитных джинсах и белых футболках. Почти у всех те же короткие темно-рыжие, даже красные, волосы, и стрелять было не в кого. Или сразу в слишком многих.

Некоторые из них лежали на полу, и белые футболки расцветали кровавыми цветами. Очень хотелось думать, что среди них Джордж, но почему-то я знала, что это не так.

За мной что-то шевельнулось, и я стала разворачиваться с пистолетом, но голос Этана сказал:

— Это я.

Я остановилась, сказав забившемуся в горле пульсу и перехваченному дыханию, что это Этан, конечно же. Больше никого в этой комнате нет, кто был бы в сознании.

Это напомнило мне про Алекса, и возникла мысль: почему его травмы никак на мне не сказались? Когда звери моего зова получали раны, мне иногда приходилось чувствовать боль, почему же сейчас этого не случилось?

Я оглянулась — Алекс лежал на полу все так же неподвижно. Но что с ним, я посмотрю потом, когда выясню, что там с противником.

Этан встал передо мной, и я сообразила, что у него было время подобрать оружие. Футболка на нем была не заправлена, так что не все прилегал так аккуратно, как вначале, но наплечная кобура без футболки натирает. У меня было время заметить, что его рана сильно кровоточит и залила всю футболку. Этан стоял спиной ко мне, как добросовестный телохранитель, сделав из себя живой щит. Когда ничего другого не остается, последний долг телохранителя — в буквальном смысле встать между тобой и опасностью.

Я хотела сказать, что не надо, но если честно, я бы не выстояла в бою с таким противником так долго, как Этан. Нельзя было не признать, что он не только сильнее меня, но и лучше умеет применять

эту силу. Мне это не понравилось, но я признала это про себя и позволила ему выйти в коридор, в битву, первым. Уязвило это мою гордость? Да. Стоит ли моя гордость того, чтобы за нее умирать? Нет.

Но когда я попыталась выйти в дверь вслед за ним, Этан протянул руку назад и остановил меня.
— Пойжди, — сказал он.

Было время, когда я бы не послушалась, но эта быстрота... быстрота в конце драки была слишком даже для оборотня. Как у того оборотня в маске, который ранил Карлтон. Рост не тот, поменьше, но скорость та же. Значит, он из «Арлекина». Я все еще не знала, зацепила ли я его, или он оказался быстрее летящей пули в буквальном смысле. Все слишком быстро, черт возьми, случилось.

В бормотании в коридоре я разобрала отдельные слова:

— Ну и скорость... убит... помогите кровь остановить... поздно, он мертв... врача...

Этан показал, что я могу выходить. Я опустила ствол к полу, но продолжала держать пистолет обеими руками.

В коридоре в луже крови лежали двое. Желтоволосый охранник держал руки на горле одного из них, стараясь остановить кровь, но она хлестала между пальцами. Я знаю оборотней, у которых хватило бы сил залечить у себя такую рану, и видела, как один из них умер от раны почти такой же. И он тоже был убит зверем зова кого-то из вампиров «Арлекина». Они выдрессированы бить в горло?

На втором лежащем охраннике крови было меньше, но глаза его уже остановились и помертвели. Похоже было на удар ножом в сердце. Ликантропу после удара в сердце серебряным клинком не исцелиться — как только лезвие вошло, он уже мертв. Еще двое лежали с ножевыми ранениями, и один был на ногах, но истекал кровью, как Этан.

Джордж проложил себе среди них дорогу в несколько мгновений: двое убитых и трое раненых. Пятеро, если считать Алекса и Этана. И против него была группа тренированных телохранителей, которые еще и оборотни. Да, «Арлекин» свою репутацию оправдывает. Страшные бойцы.

Здесь я ничего не могла сделать, и потому сказала:

— Этан, я посмотрю, что с Алексом.

— Хорошая мысль, — согласился он и пошел за мной. Кто-то из других охранников спросил:

— Что там с нашим принцем? Он ранен?

— Ранен, — ответил Этан.

— Это Джордж его? — спросил тот же охранник.

Я ответила, не дав Этану этого сделать:

— Пойдем посмотрим, что с ним.

Мне не хотелось сейчас вязнуть в деталях и не хотелось, чтобы Этану досталось прежде, чем я смогу объяснить, что это «Арлекин» вынудил Алекса напасть, чтобы Этану пришлось защищаться. Слишком сложные объяснения, когда у них тут двое убитых и трое раненых. Так что подождем со сложностями, пока все успокоится.

Алекс уже сидел, когда мы подошли. Этан вышел вперед и упал на колени, прижав руку к груди, как это делал Джордж.

— Прости меня, мой принц.

Алекс посмотрел на него, потом на меня:

— Все о'кей. Если бы ты не оборонялся, я бы тебя убил. Такая была ярость... никогда ничего подобного. — Он протянул руку. — Помоги мне встать, и будем считать, что мы квиты.

Это был тот разумный Алекс, которого я помнила. Этан помог ему встать. На лице у Алекса были синяки от ударов ног, но выглядели они так, будто получены не пару минут, а пару дней тому назад; Будь Алекс посильнее как оборотень, их бы уже вообще не было.

Второй охранник спросил:

— За что извиняется Этан?

— Ты помнишь источник, откуда взялась ярость? — спросила я.

— Как будто темный голос в голове прозвучал, — ответил Алекс.

Охранник замигал оранжевыми глазами, провел пальцами по коротким оранжево-красным волосам.

— Похоже, я тут что-то пропустил.

Я посмотрела на Алекса:

— Есть настоящие вампиры, которые умеют питаться эмоциями. Я знала одного такого, который умел питаться страхом и умел вызывать его в других просто силой мысли.

— Удобно — прямо сам себе еду готовил, — сказал Алекс.
Я кивнула.
— Ты думаешь, это был вампир? — спросил Этан.
— Я знаю, что тот тигр, что отсюда выбежал, — из тех, за кем мы охотимся. Эта быстрота, искусство обращения с оружием, — это они.
— Ты хочешь сказать, что Джордж был шпионом? — спросил новый охранник.
— Во-первых: как тебя зовут? Во-вторых: давно ли Джордж у вас?
Он улыбнулся:
— Меня зовут Бен. Пару месяцев.
Я сопоставила даты:
— Его сюда внедрили почти сразу, как она проснулась.
— Что? — не понял Бен.
Я покачала головой:
— Мысли вслух.
Как только проснулась Мать Всей Тьмы, так и внедрили сюда шпиона.
— Внедрили в мое окружение, — сказал Алекс. — Знали, что в конце концов ты появишься.
— У него документы проверили, — сказал Бен.
— Эти ребята занимаются шпионажем тысячу лет с лишним. И свое дело знают.
— Он через нас прорвался, будто мы люди, — сказал Бен.
— Я его зацепила последним выстрелом?
Бен нахмурился. Наверное, проигрывал в голове сцену боя.
— У него на футболке была кровь, вот здесь. — Он показал на левую сторону груди, возле плеча.
— Это кровь Этана?
— Я его не коснулся, — ответил Этан.
— Значит, зацепила.
Я усмехнулась, понимая, что на самом деле злобно оскалилась.
— Подтверди только, бога ради, что у вас пистолеты заряжены серебряными пулями?
— Конечно, — ответил Бен. — Серебро убивает и людей, и оборотней, а свинец — только людей.
— Тогда он ранен, — сказал Алекс. — От серебра даже самые сильные из нас исцеляются медленно, как люди.
— Ты оказалась быстрее, чем он рассчитывал, — сказал Этан. — Так он сам сказал. Большинство охранников не успели бы сделать последний выстрел. А ты из незнакомого пистолета, в противника такой быстроты, какой я в жизни не видел.
Этан посмотрел на меня восхищенным взглядом, в котором не было секса, но так, как смотрит мужчина, увидев, что ты не просто хорошенькая мордашка, а может быть — всего лишь может быть, — симпатичная, миниатюрная и при этом — свой парень.
— Я позвоню Теду, скажу ему, что преступники на меня напали.
— Почему он сказал, что не хочет тебя ранить? — спросил Этан.
— Надеюсь, наверное, что я в него не стану стрелять.
Этан посмотрел на меня:
— А ведь он мог и соврать.
— Да, но тот, что ночью исполосовал маршала, говорил то же самое. Я им нужна живая.
— Зачем? — спросил Этан.
Я покачала головой. Не настолько я хорошо знаю Этана, чтобы отвечать на этот вопрос, но теперь я была уверена, что Мать Всей Тьмы хочет заполучить меня живьем. А для того может быть единственная причина: хочет завладеть моим телом и сделать его своим. Джордж сказал, что пришел, не замысливая для меня плохого? Это вранье. Он хотел меня похитить и скормить их всеобщей Темной Матери. Тогда она будет заново жить в моем теле. Не причинять мне вреда? Как же. Мешок вранья этот Джордж.

Глава 16

Почти сразу после этого в коридоре появились врачи и санитары тигров-оборотней, забрали тяжелораненых и оставили мертвых ждать, пока их вынесут. И раненых, и мертвых уносили куда-то в глубь подземелья, где у тигров, очевидно, лазарет. У нас в Сент-Луисе тоже есть такой подземный госпиталь. Этану заштопали ножевую рану на руке. Она оказалась неглубокая и длинная; не будь у ножа серебряной кромки, рана бы уже сама зажила. Эдуард, выслушав мой рассказ об агенте «Арлекина», доложил о провале ищеек. Собака оказалась бесполезной, как мы и предсказывали, но Эдуарда больше интересовало происшествие со мной.

Алекс в сопровождении почти всех охранников пошел докладываться матери, королеве тигров. Двоих оставили ждать ремонтную бригаду у дверей комнаты, где мы разломали половину агрегатов, обеспечивающих вентиляцию подземного логова. О мертвых и раненых уже позаботились, а циркуляцию воздуха надо в любом случае обеспечить. Будничные вопросы жизнеобеспечения требуют внимания, что бы ни происходило. Пережившим катастрофу все равно нужно покупать продукты и стирать одежду. Когда в твой мир вторгается война и убийство, труднее всего уложить в голову именно эти будничные вещи. Жизнь идет дальше своим чередом, и тебе тоже надо жить дальше.

Эдуард твердо настоял на разговоре со мной и Этаном наедине. Как только дверь закрылась, он немедленно дал понять Этану, насколько он им недоволен. Сказал ему прямо в лицо:

— Я думал, ты знаешь свое дело.

— А я знаю, — ответил Этан, и комнату стали заполнять первые струйки просачивающегося жара.

Он выдержан, но у каждого выдержка имеет свой предел. У Этана, очевидно, тоже.

— Эдуард он не виноват. Тут никто не был виноват.

Эдуард повернулся ко мне, сжимая кулаки, глаза посветлели, как ясное зимнее небо. Никогда не видела, чтобы он настолько вышел из себя. Он умеет владеть собой как никто.

— Я ему доверил тебя охранять, Анита. Оставил тебя у него в руках, в буквальном смысле. — Он теперь говорил прямо мне в лицо, и из-за разницы в росте слегка надо мной нависал. Эдуард из тех мужчин, которые при сравнительно невысоком росте умеют нависать, когда хотят, а он сейчас хотел. — Единственная причина, по которой ты не убита, — что у Джорджа был приказ взять тебя живой.

Я кое-что сообразила, подумала по-женски и сказала это вслух:

— Я и правда настолько тебе небезразлична, Эдуард?

Он запнулся на середине слова, закрыл рот и только смотрел на меня, покачивая головой:

— Прости, что?

— Извини, о своем, о девичьем. — Он посмотрел на меня, нахмутив брови. — Я только хотела сказать, что мне случалось бывать в опасности. Бывало, что меня хотели убить, а ты в это время был в другом месте. И никогда тебя это так не трогало.

Он отвернулся, поставив руки на бедра. Похоже, что пытался восстановить самообладание. Да уж, настолько выйти из себя — это на Эдуарда не похоже. И я подумала: а что если это тот вампир? Если он так хорошо умеет распространять гнев, даже при свете дня?

— Эдуард, ты освященные предметы надел?

Он резко обернулся ко мне:

— Что?

— На тебе сейчас освященный предмет есть?

Он посмотрел на меня очень по-своему, по-эдуардовски. Дескать, такие вещи я должна сама знать.

— Ты же знаешь, что я их не ношу.

— Тебе случалось видеть, как у меня светится крест. Ты знаешь, что святая вода действует. Никогда не понимала, почему ты их не носишь.

— Святая вода действует именно потому, что ее освятил священник. Крест действует только на шее того, кто верит в Бога. Я не верю.

Теологическую дискуссию я решила отложить до другого раза.

— Этот вампир вызвал у Алекса неудержимую ярость, и он попытался убить Этана. Сейчас злишься ты, злишься так, как я никогда не видела, и снова на Этана.

Мне пришла в голову мысль: а вдруг как не одна я догадалась, что Этан — носитель капли золотой крови? Что если Джордж, два месяца ожидая тут моего появления, унюхал в Этане эту каплю?

Что если сегодня его цель была не поймать меня, а убить Этана? Слишком извилисто — или именно так изошренно, как следовало бы ожидать от «Арлекина» ?

Эдуард всмотрелся в мое лицо:

— Ты сейчас о чем-то подумала.

И я посмотрела в очень бесстрастное, очень спокойное его лицо. Но заговорил Этан:

— Этот гнев не похож на тот, что был у принца. Тот никуда не делся.

Я кивнула. Не сказала вслух, что это должна быть перемена чувств Эдуарда ко мне. Когда-то я считала, что если ему придется меня убить, то он убьет. Может быть, промахнется, но он попытается это сделать. А сейчас подумала, что, быть может, и нет. Может быть, наконец-то он эмоционально со мной связан таким образом, который ему никак не свойствен.

Если бы Эдуард знал, что Этан отчасти — золотой тигр, я бы сейчас поделилась своими мыслями, но он не знал. И чем меньше народу будет это знать, тем лучше. Но если об этом знает «Арлекин», то Этану грозит опасность. Конечно, это может быть совпадением, что из охраны со мной был именно он, когда на меня напал Алекс. Я нахмурилась, потеряла лоб. Сама себе головную боль устраиваю.

— Кажется, я на этом месте сама уже что-то придумываю.

— На каком? — спросил Этан.

Я перевела взгляд с него на Эдуарда. Мы остались одни — Алекс с охраной ушел докладывать королеве о случившемся. За дверью комнаты оставили охрану, но в помещении был с нами только Этан — в основном потому, что Эдуард настоятельно требовал с ним разговора.

— О'кей. Я думала, что нападение Алекса на тебя имело не единственную цель, чтобы вы друг друга убили, и меня было легче схватить. Может быть, Джордж увидел возможность убить двух зайцев.

— Не понимаю, — нахмурился Этан.

Я им рассказала, какой запах учуяла на коже Этана. Он на меня посмотрел недоверчиво.

— Будь во мне золотая кровь, я бы умел командовать другими цветами, а этого и близко нет.

Эдуард смотрел на меня:

— Анита — Повелительница Тигров. Если она говорит, что от тебя пахнет золотым тигром, значит, так и есть.

Он перевел взгляд на собеседника.

— У меня три формы. Три. — Этан поднял три пальца. — Красный, синий и белый. Золотого нет. — Он сжал пальцы в кулак. — И быть не может.

— Все, что я тебе могу сказать, — что ты носитель штамма. Никогда я не встречала тигра, от которого бы пахло четырьмя разными цветами, и не могу тебе сказать, почему твои три формы с ними не согласуются. Но что он есть, я тебе ручаюсь.

— Ты думаешь, что и Джордж это учуял, и когда представился шанс убить Этана и не попасться, он постарался не упустить возможности? — сказал Эдуард.

— Может быть, — согласилась я.

— Если это правда, то я покойник, — отозвался Этан. — Это величайшие воины, величайшие шпионы и убийцы из всех, кто жил когда-либо на земле. На сто процентов покойник.

Он сказал это с каким-то странным спокойствием.

Мы с Эдуардом переглянулись. Я увидела несколько неодобрительный прищур его глаз, сказавший мне, что Эдуард не считает мою мысль удачной, но не будет возражать, потому что в ее неудачности тоже не уверен.

— Тогда оставайся с нами. Со мной.

Этан приподнял брови:

— И как это обеспечит мне безопасность?

Мы с Эдуардом только посмотрели на него.

Этан улыбнулся — мимолетно, удивленно.

— Вы хотите сказать, что вы вдвоем превосходите нас всех вместе?

Я пожала плечами — не самый удобный жест с наплечной кобурой. Пришлось движением плеча поправить ее лямки, и жест получился как раз такой, каким должен быть — поправить не совсем удачно сидящую кобуру.

— Тут дело в другом. Мы с Тедом куда больше доверяем друг другу, чем группе незнакомых охранников.

— Именно так, как она сказала, — подтвердил Эдуард.

— Вы люди, — сказал Этан. — Вы только что видели, что натворил один из этих ребят в коридоре, полном оборотней-тигров. Обученных охранников, Анита.

— Значит, не так хорошо обученных, как ты.

Он пожал плечами, и ему пришлось тоже сделать вид, что поправляет лямки: без ветровки маршала это было очень заметно.

— Другие охранники с тобой не согласились бы.

— Ты против Джорджа выстоял один. В рукопашную, он был вооружен ножом и пистолетом, и ты его сдержал.

— Он со мной играл, Анита. Держал меня в бою, чтобы мое тело перекрывало тебе выстрел.

— Когда ты это понял?

— Когда у него была возможность пустить в дело нож, и он ею не воспользовался.

— Если бы ты не подставил руку под удар ножа и не упал назад, у меня бы не было возможности в него стрелять.

Эдуард показал на повязку на руке у Этана.

— Значит, ты подставил руку под нож, зная, что он серебряный, и упал спиной на пол, чтобы Анита могла выстрелить?

Этан кивнул. Эдуард едва заметно улыбнулся:

— Ты был уверен, что она выстрелит прежде, чем он упадет за тобой и тебя прикончит?

Этан снова кивнул.

— Ты был уверен, что Джордж больше беспокоится о том, как бы его не пристрелила Анита, чем о том, как тебя прикончить?

— Да, — ответил Этан, на этот раз уже хмурясь.

— Почему

— Что почему?

— Почему ты был так уверен в Аните? Ты же ее впервые видишь.

Этан наморщил лоб, задумался.

— Ее репутация. И тот факт, что один из величайших воинов, когда-либо ходивших по земле, ее опасался. Он был уверен, что она его не только подстрелит, но и убьет. Куда больше он беспокоился о ней, чем обо мне.

— То есть ты положился на то, что он как следует ее изучили боится ее, значит, решил ты, тут есть, чего бояться?

Этан опять на пару секунд задумался, потом кивнул.

— Да, наверное.

— И ты все это сообразил в разгаре боя.

— Пока заживала рана в боку, — добавила я.

— Что? — обернулся ко мне Эдуард.

— Когда этот Джордж навел на Алекса ярость, Алекс швырнул Этана на механизмы.

— Я это усвоил, — ответил Эдуард.

— А что сломанная труба пробила Этану бок, ты тоже усвоил?

Эдуард слегка приподнял брови:

— Нет.

— Он стянул себя с трубы, пока я пыталась успокоить Алекса.

— Стянул себя с трубы? — переспросил Эдуард.

— Ага.

Эдуард посмотрел на Этана, задумчиво на этот раз. Потом слегка кивнул.

— Подойдет.

Я улыбнулась, понимая, что он имеет в виду. Этан посмотрел на нас обоих, морща лоб:

— Что подойдет?

— Ты, — ответила я.

— То есть? — нахмурился он еще сильнее.

— Ты прошел проверку. Этан посмотрел на Эдуарда:

— У него?
— У нас, — ответил Эдуард.
Этан посмотрел на меня, на него, снова на меня.
— Вы, я вижу, давно вместе работаете.
Мы переглянулись, посмотрели на Этана и ответили одновременно:
— Да.

Глава 17

У Эдуарда зазвонил телефон. Видимо, когда звонит не Донна, у него рингтоном — обычный старомодный звонок. Приятно знать.

— Форрестер слушает.

В телефоне зарокотал мужской голос. Интересно, Этан слышит весь разговор?

Эдуард моментально переключился на голос Теда — приветливый, жизнерадостный, со смешками в нужных местах.

— Отличная идея, Тилфорд, если только экстрасенс хороший.

Этан в ответ на перемену голоса приподнял брови, но переменился не только голос. Эдуард и стоял как-то по-другому, и выражение лица соответствовало голосу. Не зря он так хорошо умеет работать под прикрытием. Он не только убивать умеет. Он в своем роде умеет скрываться среди своей дичи не хуже, чем ребята из «Арлекина».

— Правда Морриган Вильяме?

Тут у меня внутри что-то сжалось. Очень хороший экстрасенс. Слишком хороший, если у тебя тайн столько, сколько у нас с Эдуардом.

— Значит, как раз приехала Морриган Вильяме? Повезло вам, Тилфорд.

Эдуард улыбнулся в телефон, будто Тилфорд его видел. Он мог бы изобразить голос Теда без участия мимики и позы, но старался не выходить из образа, когда мы имели дело со служителями закона, будто тщательнее поддерживал маску, когда знал, что еще долго придется быть Тедом.

Имя он повторил дважды, для верности, чтобы до меня дошло. Ни он, ни я не хотели слишком много времени быть возле этой женщины. Она слишком искусна в своем деле, а ее специальность — те, кто имеет дело со смертью. Она работала по серийным убийцам и другим случаям насильственной смерти. Насилие обращалось к ней экстрасенсорно — как в реальной жизни оно притягивало к себе Эдуарда.

Эдуард закончил разговор. Тут же его лицо замкнулось, стало из добродушного и улыбчивого серьезным и непроницаемым. Синие глаза посмотрели на меня холодно.

— Ты слышала.

— Ни ты, ни я не можем себе позволить быть рядом с ней, — сказала я.

— Почему? Она помогает полиции раскрывать преступления и разговаривает с призраками. Какие она может создать вам проблемы? — спросил Этан.

— Бывали экстрасенсы, которые говорили мне, будто меня покрывает смерть. Что моя энергия так загрязнена моими черными делами, что они рядом со мной не могут находиться. Это были одаренные экстрасенсы, но у них было всего лишь смутное впечатление — как почти у всех у них бывает. Судя по отзывам, Морриган Вильяме способна на куда более детальное восприятие.

— Ты боишься, что она что-то о тебе узнает и расскажет это другим полисменам, — сказал Этан.

— Да.

— Она настолько одаренна? — спросил он.

— Если репутация у нее заслуженная, то да.

— Ты можешь избегать встреч с ней?

Мне понравилась такая реакция. Я описала ему ситуацию, и он сразу стал искать решение.

— Не знаю.

— Тилфорд ее сейчас отвез на место первого убийства.

— То есть на место первого убийства в этом городе, — уточнила я.

Эдуард кивнул.

- Ты права, оно даже близко не первое, но именно туда — на поле для софтбола.
- Быстро, — заметила я.
- Очевидно, она обратилась в полицию. Сказала, что может им помочь найти то, что они ищут.
- Похоже на обычную экстрасенсовую чушь, — сказал Этан.
- Верно. — Я посмотрела на Эдуарда. — Может быть, репутация у нее все же не заслуженная.
- Может быть.

Мы обменялись долгим взглядом.

- Чего Тилфорд хочет от нас ?

— У него есть чувство, что она укажет им направление охоты, и он хочет, чтобы мы вернулись эту охоту завершать.

- Сколько глубокой веры, — сказала я.
- Наверное, Тилфорд предпочитает, чтобы спину ему прикрыли мы с тобой, а не Ньюмэн.
- А кто бы не предпочел? — улыбнулась я.
- Ньюмэн — плохой работник? — спросил Этан.
- Нет, — ответила я.
- Мы пока не знаем, — сказал Эдуард.
- Он новичок в команде, — уточнила я.
- То есть еще не опробован? — спросил Этан.
- Только что с курсов и никогда на настоящей охоте не был, — ответила я.
- Я бы тоже не хотел, чтобы у меня за спиной был он, — сказал Этан. — А уж если он, то хотя бы не он один.

— И мы не можем оставить Тилфорда в подвешенном состоянии только из боязни, чтобы эта ясновидица чего-нибудь не обнаружила лишнего.

- Я знаю, — кивнул Эдуард.
- Так что вы будете делать? — спросил Этан.
- Поедем на место преступления, — ответила я.
- А что делать с этой дамой Вильяме ?
- Постараемся держаться на расстоянии.
- Это поможет?
- Поможет? — повторил вопрос Эдуард, обращаясь ко мне.

Я подумала и ответила:

— Она будет поглощена процессом исследования места убийства, очень жестокого убийства. Если она похожа на других экстрасенсов, тем более хороших, она будет ошеломлена образами насилия и поглощена по-настоящему неприятными эмоциями. Может быть, воспринятое от нас она не отличит от воспринятого там.

- Вероятно, — сказал Эдуард.

— «Вероятно» — самый лучший ответ, который я могу дать. Разве что ты хочешь оставить Тилфорда охотиться без нас.

- Это нет, — вздохнул Эдуард.

- Тогда поехали, — сказала я.

Он кивнул.

- Вы правда думаете, что я в опасности ? — спросил Этан.

Я посмотрела на Эдуарда, он показал на меня.

- Я точно не знаю, — ответила я.

— С нами ехать на место преступления он не может, — сказал Эдуард, — так что безопаснее всего ему будет оставаться здесь, только поглубже под землей, куда им надо было бы прорываться с боем.

— Если бы я точно знала, что он для них цель, я бы могла с тобой спорить. Но так — это лучшее из всего, что можно предложить.

Все мы согласились, и я подождала, пока двое охранников у входа не сопроводили Этана дальше внутрь. Один из них спросил:

- А вы-то как? Вы всего лишь люди, а он нет.
- У Джорджа в боку не чья-нибудь пуля, а моя. Кажется, я неплохо справилась.

— Он прошел мимо нас как мимо истуканов, — сказал охранник, и глаза у него были испуганные. — Мы его даже тронуть не смогли. «Неплохо» — это слабо сказано, и ты это знаешь.

— Спасибо.

Он махнул Этану, и они все трое пошли по коридору дальше. Я вытащила браунинг из кобуры и дослала патрон.

Эдуард смотрел на меня.

— Подстрелила я его потому, что пистолет был у меня в руках и нацелен. Если бы его еще вытаскивать, я бы промазала.

Эдуард не стал спорить — достал свой глок и дозарядил патрон.

— Что еще посоветуешь?

Этот вопрос был самой высокой оценкой.

— Ценю твою похвалу, но ничего.

— Пошли посмотрим, отвечает ли Морриган своей репутации и позволит ли Рейборн Тилфорду устроить полномасштабную охоту на основании видений экстрасенса.

— Спорю, что не позволит, — ответила я.

— Спорю, что ты права, — согласился он.

— И это еще одна причина, по которой мы нужны Тилфорду. Если Рейборн не подпишет разрешения, то для охоты останутся только маршалы и несколько местных полицейских.

— Ага, — сказал Эдуард, улыбаясь уже улыбкой Теда.

Он двинулся по туннелю к выходу, я за ним. Мы вышли с пистолетами в руках, готовые стрелять. Враги нас не ждали, но у меня не было ощущения неловкости от пистолета в руках. Скорее, ощущение безопасности.

Добравшись до автомобиля, мы надели полное снаряжение для охоты на монстров, в том числе бронежилет, который я сильнее всего терпеть не могу: он стесняет движения, а ни вампира, ни оборотня не остановит. Они сдирают этот жилет, как панцирь с черепахи, но правила требуют его ношения. Мне пришлось сменить кобуры, чтобы подогнать их под жилет, и теперь я все еще могла достать браунинг, но смит-вессон пришлось отодвинуть еще дальше, чтобы выхватывать его накрест. Только ножи были наготове.

— Черт бы побрал этот жилет, — сказала я.

— Считай, что он как воздушная подушка у тебя в машине.

Я посмотрела на него удивленно:

— Ты свой чаще надеваешь?

— Иногда.

И вот тут я поняла, что Эдуард изменился. Или изменилась я? Меня труднее стало ранить, а исцеляются у меня любые раны, кроме смертельных. У Эдуарда — нет. Он стал уязвимей меня. И это казалось неправильно.

— Чего ты? — спросил он.

— Ничего, так.

И в самом деле, ничего я не могла сказать по этому поводу — кроме того, что меня это печалит.

Глава 18

У Эдуарда зазвонил телефон, и он вытащил его из кармана.

— Форрестер слушает.

Голос на другом конце провода был мужской, но больше я ничего не могла сказать. Эдуард хмыкнул несколько раз, потом ответил:

— Будем через десять минут, подождите нас.

Он еще послушал, потом повернулся ко мне, не отнимая телефон от уха.

— Экстрасенс определила вампиров очень близко к месту первого преступления. Настолько близко, что их можно найти и заколоть до полной темноты. Некоторые полицейские уговаривают Ньюэна быть мужчиной и идти в лес, не ожидая нас. Мнение, что мы с тобой трахаемся, подорвало не только твою, но и мою деловую репутацию.

— Тогда они берут с собой спецназовцев? — спросила я.

— Они не думали, что вампиры будут в лесу. Заранее заявку не послали, и пока спецназ доберется до нашего захолюстья, будет уже темно.

— Вампиры еще спят, но не спят оборотни. А возле вампиров есть хотя бы один из них, если не несколько. Это к гадалке не ходи.

Эдуард отдал мне телефон и прибавил газу, заодно резко добавив нашему путешествию интереса, хотя и не слишком здорового. Я ухватила за дверную ручку.

Тилфорд спросил:

— Отчего ты так уверена, что возле вампиров есть оборотни?

— Потому что это звери их зова, то есть основания их работа — помогать своим мастерам. Если вампиры просто закопались в опавшую листву, оборотни ни за что их не оставят днем без охраны. Какое-нибудь животное может их откопать и подставить под солнечные лучи. Слишком опасно оставлять вампира одного. Ты видел, Тилфорд, какая у них быстрота. И ты действительно хочешь идти в лес с горсткой маршалов и местной полицией?

— Нет, — сказал он.

— Так не ходи.

— Ты же понимаешь, что если все пойдут, я не смогу остаться.

— А ты не давай им запугивать Ньюмэна. Защити его, черт побери, и защити их всех от них самих.

— Другие маршалы считают, что твое и Форрестера присутствие погоды не сделает. Они предпочитают не упускать дневное время.

— Ты думаешь, что десять минут, даже меньше, сделают погоду? — спросила я. Эдуард в этот момент вошел в поворот, и мне пришлось с телефоном в руке упереться ногой и как следует схватиться за руль — О господи! — буркнула я себе под нос.

— В чем дело? — спросил Тилфорд.

— Тед пытается ускорить время прибытия. Если не слетим с дороги, то будем очень скоро.

— Не слетим, — отозвался Эдуард, не отрывая глаз от дороги и утапливая педаль газа. Я попыталась сделать вид, что верю.

— Я бы предпочел, чтобы вы были с нами, но из вас никто в список самых популярных здесь лиц сейчас не входит.

— Потому что считается, будто мы спали вместе?

— Я этого не говорил.

— Тед сказал, что поэтому утратил авторитет у некоторых маршалов. Моя-то репутация давно уже ниже плинтуса.

— Мне очень жаль, — сказал он, что означало, что я сказала правду.

— Они просто завидуют, — сказала я, стараясь не пищать по-девчачьи, когда машина задевала ветки деревьев при дороге.

— Что? — спросил Тилфорд.

— Либо они хотят знать, почему я не сплю с ними, либо их бесит факт, что я кому-то даю, а монстры все равно убивают больше, чем они.

— Первое вряд ли, а второе вполне может быть.

— Мужское чувство, Тилфорд. Им не то чтобы надо со мной спать, просто тут такое: если кто-то, так почему не я? Идиотское мужское чувство.

Он несколько секунд помолчал.

— Входим в лес.

— Мы уже почти на месте, честное слово!

— Если там та тварь, что ранила Карлтон, без разницы, будете ли вы там, Блейк.

— Ты не поверишь.

— Что вы можете такого, чего не можем мы?

На это я не знала, что сказать, потом остановилась на одном:

— Я иногда умею чужать оборотней и вампиров.

— Экстрасенс тоже может.

— А стрелять в них она умеет?

Он коротко засмеялся:

— Это вряд ли. Входим в лес.
— Тилфорд, подождите, бога ради!
— Мы уже почти здесь! — сказал Эдуард почти на крике, наш внедорожник вышел из поворота — и тут Эдуард так ударил по тормозам, что если бы не напряженная нога и не держись я за ручку — ткнулась бы мордой в приборную доску.

— Какого хрена, Эд... Тед?
— Что там у вас? — спросил Тилфорд.
— Грузовик посреди дороги, — ответила я.
— Авария?

Грузовик лежал вверх колесами, кабина наполовину сплющена, окна выбиты, будто он перевернулся.

— Ага.
— Пострадавшие?

Мы с Эдуардом смотрели на грузовик.

— Не видим ни одного пока, — ответила я.
— Если есть пострадавшие, можем направить туда сотрудника местной полиции.

Эдуард держал руку на дверной ручке, но выходить не спешил. Я тронула его за руку.

— перезвоним вам, — сказала я и отдала Эдуарду телефон.

Он убрал телефон в карман, и мы стали смотреть на перевернутый грузовик, а потом на деревья, подступившие так близко к дороге.

— Неестественный вид у грузовика, — сказала я.

— Тут нет места перевернуться такому грузовику, — сказал Эдуард. — Он мог бы оказаться в деревьях, мог свалиться на бок, но перевернуться — никак.

— Ага, — согласилась я и отстегнула ремень.

Эдуард свой уже успел отстегнуть. Я повернула на лямке «МП-5», чтобы он был в руках и наготове. У Эдуарда уже был в руках «П-90», но он уронил руку, будто поглаживая «М-4» возле своей ноги.

— Выбираешь оружие? — спросила я, оглядывая деревья со своей стороны.

— От машины с «П-90», а как войдем в лес, переключусь на «М-4».

Я знала, даже не глядя, что он сканирует свою сторону дороги.

— Мой все еще в оружейной мастерской на модификации, — сказала я.

Видны были только деревья, много-много деревьев.

— Я бы мог тебе это сделать.

— Ты в Нью-Мексико. Немножко далековато — стволы отсылать в ремонт.

— Ты сказала «модификация», а не «ремонт».

— Ага.

— Под те спецификации, что я тебе предложил? — спросил он. Голос у него стал очень тихим.

— Ага, — ответила я и услышала, что у меня голос стал таким же.

Голос в таких ситуациях приглушаешь автоматически, хотя с этими оборотнями, сопровождающими нашего вероятного преступника, мы бы их приближения не слышали. Все равно напрягаешься и стараешься слушать, и все время глаза просто жжет от вглядывания в местность. Я попыталась дать им отдохнуть и стала высматривать движение, контур — все, что не похоже на дерево. Что-то не свое в этом пейзаже.

— Ничего не вижу, — наконец сказал Эдуард.

— И я тоже.

— Они это сделали, чтобы не дать нам соединиться с другими маршалами, или это засада на нас? — спросил он.

— Не знаю.

— Три варианта, — сказал он.

Я продолжала осматривать деревья. Тени в них густели. Где-то часа полтора до полной темноты.

— Встаем и идем к охотникам, или замираем здесь, или сваливаем отсюда.

— Ага, — ответил он, и я знала, что он осматривает свой участок не менее внимательно, чем я свой.

— Замереть мы не можем, — сказала я.

— Верно.

— Либо они на нас набросятся, как только мы выйдем из машины, либо подождут, пока мы двинемся к другим маршалам.

— Я бы сделал именно так.

— Блин, — сказала я.

— Бывают моменты, когда мне очень жаль, что у нас значки, — сказал он.

— Потому что иначе мы могли бы сдать назад и сделать ноги.

— Что-то вроде этого, — ответил он.

У меня появилась мысль:

— А что если мы сдадим назад, будто удираем?

— В смысле, чтобы они подумали, будто мы удираем? И это вынудило бы их показаться?

— Ага.

— Мысль хорошая. — Я почувствовала, как он повернулся на сиденье, и он сказал: — Только лучше тебе за руль, а я буду стрелять.

— Я бы нас два-три раза уже вывалила в канаву, Эдуард. Стрелять я умею, но водишь ты лучше. Вопрос в том, что для нас будет главным: ехать или стрелять?

— Ты признаешь, что я стреляю лучше?

— На дальней дистанции, из винтовки — да.

— Пристегнись. Дальней дистанции не будет, а ехать, может быть, придется.

Я пристегнулась и теперь пыталась держать под визуальным контролем всю местность. Это невозможно, но Эдуарду надо вести машину, и я всматривалась изо всех сил. Встав коленом на сиденье, я осматривала дорогу и лес по обе стороны.

— Сзади, Анита. Проверь, что они нас не отрезали.

Я проверила, но спросила;

— Мы же не уезжаем?

— Притвориться должны убедительно, — ответил он.

С этим я не могла спорить, но бросать своих коллег полицейских в сумеречном лесу не хотела. Я изо всех сил старалась осматривать все вокруг, пока мы сдавали назад на скорости, на которую я бы на этой дороге не осмелилась, тем более задним ходом. Рукой я уперлась в подголовник, чтобы не упасть с «МП-5», потому что нехорошо было бы случайно, падая, застрелить Эдуарда. Никогда бы я не попыталась держать под наблюдением и прицелом такой широкий сектор, тем более в машине, мчащейся задним ходом по узкой дороге. Пульс бился в горле, в голове вопил голосок: «Это уж слишком! Мне за всем не уследить!» Сомнения я задвинула поглубже и продолжала держаться.

Приходилось верить, что если надо будет стрелять, то я смогу.

Справа что-то шевельнулось в деревьях, но мне, чтобы прицелиться, надо было встать коленями на сиденье. Окрутивший ноги ремень безопасности был совершенно бесполезен. Молясь, чтобы Эдуард не ударил по тормозам, я обхватила рукой подголовник, чтобы винтовка не моталась. Но то, что я увидела, что бы оно ни было, уже исчезло. Остались только деревья, и дорога, а поперек дороги — упавшее дерево. Это я сообразила через миг после того, как его увидела, и заорала:

— Дерево на дороге!

Эдуард ударил по тормозам. Я отчаянно цеплялась за сиденье, уже не беспокоясь насчет стрельбы — главное было не улететь в стекло. Машина остановилась юзом, и на секунду наступила тишина, перехватывающая дыхание, ревущая в ушах, и ощущение, что в теле избыток крови — так действует адреналин.

— Пять минут назад этого бревна не было, — сказал Эдуард.

— Знаю, — ответила я, снова нацеливая винтовку и пытаюсь отыскать цель. — Итак, нас заперли. Что теперь? — спросила я, прижимая приклад к щеке.

— Это засада, — сказал Эдуард. — Лучшее для нас укрытие — машина, так что сидим здесь. Пусть заставят нас выйти.

Я расстегнула ремень, чтобы в ногах не путался, и села.

— Пока что они работали клинками. Будем надеяться, что за нашей шкурой они пошли без современных средств.

— Согласен. — Он достал телефон, продолжая оглядывать местность. На мой вопросительный взгляд Эдуард ответил: — Я звоню Тилфорду, потому что если это ловушка на тебя, то в ней все мы, а только ты нужна им живьем.

Я сообразила, что он прав. Меня они хотят живой, и все ради этого.

— Вот черт!

— Ага. — Он сказал в телефон: — Тилфорд, это западня. Они перекрыли дорогу отсюда.

Я услышала на этот раз голос Тилфорда чуть громче, но слова все равно разобрать не могла.

— Перевернули грузовик и бросили поперек дороги бревно. — Эдуард слушал, хмыкал, потом повернулся ко мне: — Они нашли вампира в полном костюме, с маской. Ньюмэн уже его проткнул, и сейчас его обезглавят.

Я покачала головой:

— Эти не бросили бы своих мастеров без защиты, Эдуард. Может, я им и нужна, но не настолько, чтобы рисковать смертью своих мастеров.

— Тилфорд, проверьте зубы, — сказал Эдуард. Тилфорд чуть ли не заорал в ответ, но Эдуард добавил: — Если есть следы современной работы дантиста, то это не тот вампир, которого мы ищем.

Я подумала и сказала:

— Не обязательно так. Могут быть выщербленные зубы, этого я точно не знаю, но дупла не может быть ни одного. Ищите пломбы.

Эдуард повторил мои слова, и мы ждали, пока Тилфорд проверит. Пистолеты мы держали наготове, но полное отсутствие движения в пейзаже и сгущающиеся тени начинали мне действовать на нервы. Враги нас поймали в ловушку, и им оставалось только дожидаться темноты.

— Блин, — выругалась я.

— Что так? — поинтересовался Эдуард.

— Они ждут темноты.

Он кивнул, потом заговорил с Тилфордом.

— Четыре запломбированных зуба? Может, это и вампир, но не из тех, кого мы ищем. Это ложная цель, Тилфорд.

Эдуард дал отбой и сказал мне:

— Тилфорд нам верит.

— А остальные?

— Не знаю.

— Эдуард, сидеть тут до темноты нельзя — тогда на нас не только пара оборотней полезет, но еще и оба их мастера-вампира. Сейчас шансы лучше.

— Пойдем к другим маршалам?

— Чем больше стволов, тем лучше, — ответила я.

— Анита, живьем им нужна только ты. Все остальные — заложники. Или попутные жертвы.

— Если я пойду в другую сторону, они могут на других даже не нападать.

— Одна ты от них от всех отбиться не сможешь, и выйти отсюда после наступления темноты — тоже.

Сделав глубокий вдох, я выдохнула очень медленно.

— Знаю.

Он посмотрел мне в лицо, внимательно.

— Я пойду туда, куда и ты.

— Это я понимаю, но что с остальными? К ним пойдем или от них? Будем надеяться, что противники пойдут за нами, или рискнем, что они направятся к другим копам, с которыми не будет нас? Они ведь их либо вырежут, либо захватят заложниками, чтобы заставить меня выполнить их требования? Как было с Карлтон.

— Слишком много переживаешь на эту тему.

— О'кей, скажи тогда, что мне думать.

Его взгляд стал далеким, холодным. Я знала, что это он заглушил все эмоции, чтобы его решение базировалось на фактах, и только на них. Отличная штука — кто умеет. У меня никогда так не получалось.

— Я думаю, что они пойдут за тобой. Так что будем их уводить.

— О'кей, — сказала я.

— Только оборотней нам надо убить до того, как встанут вампиры.

— Я знаю.

— У нас до их подъема еще больше часа.

— Знаю, — ответила я.

У нас был момент, чтобы переглянуться, и в этом взгляде много было всякого. А слова нам не были нужны.

Эдуард положил руку на ручку двери, я сделала то же самое.

— Раз, два, три! — сосчитал он.

И на счет «три» мы вышли.

Глава 19

Я обошла вокруг машины, двигаясь боком и чуть спиной, чтобы видеть свою сторону леса. При этом я старалась ни во что не всматриваться пристально, настроиться на восприятие только движения — и контуров, не соответствующих пейзажу.

Эдуард нащупал рукой мою спину, и мне не надо было оборачиваться, чтобы знать: он всматривается вперед, наверняка держа в руке «ФН П-90». «М-4» — ствол для двух рук. Вот таким образом мы и двинулись в лес — он впереди, я охраняю с тыла. Воздух был пропитан сосновым запахом, под кроссовками пружинили иглы. Движение на той стороне дороги. Я, наверное, напряглась, потому что Эдуард спросил:

— Что там?

— Они идут.

Это были черные контуры среди деревьев. Брось они эти длинные черные плащи, лучше бы сливались с фоном, а так — что-то в движении этой ткани было, что никак не было связано ни с деревом, ни с каким-нибудь лесным зверем. Просто смотрелось как чужое.

— Сколько?

— Двое.

Они были как тени, которые видны уголком глаза. Если посмотреть на них прямо, их не станет, а если искоса — то вот они, мелькают среди деревьев, будто плащи сами по себе плывут в воздухе. Мелькнуло белое — маски, и я поняла: следующий раз они мелькнут достаточно близко, чтобы прицелиться.

— Вижу, — шепнул Эдуард сбоку.

Я выдохнула — тише шепота:

— Слева.

— Справа, — отозвался он, и это было тише звука, тише выдоха.

Он чуть отодвинулся, чтобы грохот из его дула не был слишком близко ко мне, а мой — к нему.

Они уже собирались броситься из укрытия, когда мелькнула маска, и я выстрелила. Я знала, что промахнулась — они не задержались ни на миг. Я нацелилась пониже — моя цель добралась до деревьев на той стороне дороги. И хотя времени был вагон, я все равно промахнулась по корпусу. Цель метнулась размытой полосой и нырнула за борт нашего внедорожника.

Второй арлекин обошел грузовик и мчался к деревьям. Эдуард снова выстрелил, но фигура не сбилась с шага.

— Промазал, — сказал он.

Я повернулась и взяла прицел с упреждением. Это больше было везение, чем умение, но я попала. Бегущий свалился и кувырнулся в канаву, так что мне был виден лишь темный кусок материи, почти теряющийся в тени.

— Очень уж они быстрые, — сказал Эдуард, направляясь к упавшему.

Я подвинулась к внедорожнику, готовая палить по всему, что покажется из-за грузовика. Движения не было, не было даже ощущения движения. Выстрел был не смертельный, и я это знала. Стояла я чуть поодаль от машины, чтобы меня нельзя было из-под нее схватить. Приклад «МП-5» я держала у плеча, напряженная и готовая выстрелить. Всего несколько дюймов мне оставалось, чтобы обогнуть капот и увидеть, что за ним, как Эдуард выстрелил у меня за спиной. Я вздрогнула, а он издал

какой-то звук. Только обогнув капот, я себе позволила обернуться. За грузовиком никого не было. Я знала, что не промахнулась, но его там не было.

— Блин, — буркнула я себе под нос, оборачиваясь.

Через верх внедорожника мне не было видно. Я оббежала его спереди, все так же с прикладом у плеча. Эдуард лежал на земле, стреляя в стоящую над ним фигуру, и я еще успела отметить, что стреляет он не в грудь, а в ноги, и поняла, почему нет тела на дороге. Жилеты, они в пуленепробиваемых жилетах. Вот блин. Но одну вещь я знала: пусть пуля не проходит насквозь, но она бьет больно. И потому я стала стрелять в середину тела, чтобы выстрелы отбросили противника от Эдуарда. Стоящий пошатнулся, потом бросился прочь от Эдуарда, от меня, к деревьям, но двигался он не с той ускользающей скоростью. Быстро, но не сверхбыстро — немногим быстрее человека. Эдуард перевернулся на живот, продолжая стрелять. Арлекин запетлял между деревьями. Ранен, значит. Хорошо.

Я ощутила за спиной чье-то присутствие и бросилась на землю, одновременно поворачиваясь. Падение оказалось жестче, чем я хотела бы, но я уже целилась вверх и успела выстрелить до того, как увидела стоящую передо мной фигуру в маске. Пуля прошла мимо, а замаскированный просто исчез — мелькнул размытой полосой, как тот, в гостинице.

С той стороны дороги раздались выстрелы и крики — остальные полицейские явились на вечеринку. Я перевернулась на живот — закругленный край канавы закрывал мне обзор. Пришлось встать на колени, чтобы взглянуть на деревья и густеющие между ними тени. Стрелять было не в кого. Противники скрылись, но один из них ранен. Вопрос в том, насколько тяжело.

Эдуард уже стоял на ногах. Я выбралась из канавы, встала рядом с ним. Он держал оружие наготове, передвигаясь той скользящей походкой на полусогнутых, какой часто движутся спецназовцы, особенно в полиции. Считается, что она позволяет свободно передвигаться, при этом достаточно ровно, чтобы стрелять на ходу. Меня никогда ей не учили, но я выросла в лесу, охотясь. Двигаться среди деревьев я умею.

Сзади слышно было приближение других полицейских — они ломились через лес, как стадо слонов. На самом деле я понимала, что они не так уж громко шумят, но казалось, что они просто грохочут за спиной, и от этого шума еще труднее было высматривать в лесу арлекинов, будто все маскировал звук. Мне пришлось подавить желание обернуться и рывкнуть, чтобы были потише.

— Прикрой меня, — сказал Эдуард.

Я придвинулась, встала почти над ним, а он присел, рассматривая траву.

— Кровь, — сказал он.

Я глянула на него, краем глаза присматривая за лесом, все сильнее темнеющим. На дороге у нас за спиной еще было больше света, но здесь, среди деревьев, ночь наступает раньше.

— Вы их ранили? — спросил Тилфорд, подходя с другой стороны от Эдуарда и целясь из своей «М-4» в сторону деревьев.

— Да, — ответила я.

— Пойдем по кровавому следу, — сказал Эдуард.

— Скоро темно будет, — напомнил Тилфорд.

— Будет, — ответил Эдуард, вставая.

К нам подошел Ньюмэн.

— Никогда не видел такой быстроты движений.

— Их нужно убить до наступления темноты, — сказала я, уже уходя в лес.

— Зачем? — спросил Ньюмэн.

— Потому что поднимутся вампиры, — ответил ему Эдуард.

— Откуда вы знаете, что будут вампиры?

Ньюмэну ответил Тилфорд:

— Оборотни не носят плащи и маски. Не подкрадываются, не выслеживают — они просто нападают. Единственное, что их может вынудить к такому поведению — это вампир, их мастер. Наступление ночи означает, что нам предстоит встреча с их мастерами, и лучше до того, как иметь дело с вампирами, убить подвластных им оборотней.

Мы с Эдуардом переглянулись — у нас обоих улучшилось мнение о Тилфорде.

— Он правильно говорит, — сказала я.

И мы пошли по кровавому следу в сгущающейся темноте. По следу свежей крови, хотя все молекулы моего организма вопили, что надо драпать. До темноты. До прихода вампиров. Бежать, бежать!

Но я не побежала, не побежали и другие маршалы. Мы шли по следу, потому что это наша работа. Шли по следу, потому что, если они уйдут и еще убьют кого-то, нам снова придется смотреть на труп и объяснять, почему это мы позволили себе испугаться темноты и возможной угрозы вампиров. Мы — федеральные маршалы. Мы охотимся на монстров и убиваем их. А не бежим от них.

Глава 20

Стало достаточно темно, чтобы Эдуард и Тилфорд включили фонари, закрепленные на стволах «М-4». Это было обоюдоострое решение: позволяло идти по кровавому следу, но начисто убивало ночное зрение. В конце концов я стала смотреть мимо лучей — кто-то из нас должен был иметь возможность заметить движение в сгущающейся темноте. Конечно, важно идти по кровавому следу, но если оставивший след арлекин выйдет на нас первым, крови еще прибавится, и она отчасти может оказаться нашей.

Это я пессимистка или реалистка? Иногда мне самой сказать трудно.

Ньюмэн шел за мной в жутковатый мрак.

— Видите что-нибудь?

— Пока нет.

— Бережете ночное зрение от фонарей?

Эти слова заставили меня на него глянуть:

— Да. Откуда вы знаете?

— Вырос в деревне. И темнота ночей меня не смущает.

— Меня тоже.

— Вы тоже деревенская?

— Вроде того.

— Я бы решил, что вы городская, — сказал он.

Во все время разговора мы всматривались в наступающую темноту, глядя, не шевельнется ли что-нибудь среди деревьев. Винтовку он держал у плеча, как и я. Мне Ньюмэн начинал нравиться, хотя мне этого не хотелось, потому что Карлтон мне симпатична, а она сейчас в больнице на искусственном дыхании — оборотень устроил ей коллапс легкого. И сейчас врачи смотрели, будут ли раны заживать без операции. Если она подхватила какую-нибудь ликантропию, то скоро будет как новенькая, вот они и ждут. Может, они ждали, что анализ крови покажет вирус. При глубоких колотых ранах ликантропия обычно гарантирована.

— Я давно уже городская.

К нам подошел Эдуард, направляя фонарь в землю, и выключил его, подходя к нам. Но даже от такой малой дозы света в течение недолгого времени сумерки показались гуще.

Глянув ему в лицо, я тут же спросила:

— Что случилось?

— Изменился след. Один из них несет другого, и несет бегом. Он бежит по лесу, пока мы ползем, вот почему мы их не слышим.

— Они ушли, — сказала я.

— Можно считать, — ответил он, и мне было ясно, до чего ему это все неприятно.

— Если не можем их преследовать, то Тилфорд прав — надо выбираться отсюда до наступления полной темноты.

— У нас слишком мало людей, чтобы убрать грузовик, Анита.

— Бревно можем убрать, — предложила я, — и все поместимся в нашу машину.

— Нормально, — кивнул он.

Тилфорд не стал спорить, и Ньюмэн нам троим тоже не возразил. Может, из него еще выйдет хороший работник — если мы не дадим ему погибнуть.

Глава 21

Бревно было из старого валежника и не такое тяжелое, каким было бы свежесваленное дерево, но все равно весило прилично, и нам пришлось подумать, как применить имеющуюся в нашем распоряжении мускульную силу.

Тилфорд поглядывал то на нас, то на деревья, пока мы решали, как лучше взяться.

— Отчего ты вверх смотришь? — спросил Ньюмэн.

— Они иногда летают, — ответил Тилфорд.

Мы с Эдуардом просто кивнули.

Ньюмэн тоже стал посматривать вверх. Быстро обучается мальчик. Даст бог, не погибнет.

И вот когда я это подумала второй раз, то поняла, что это какой-то болезненный интерес.

Черт!..

Тилфорда и Ньюмэна мы поставили у верхушки, а сами с Эдуардом встали у комля. Он был тяжелее, больше, но его надо было тащить поперек дороги на меньшее расстояние. Эдуард посчитал до трех, и они потянули, а мы стали толкать. Мне не приходилось применять полностью ту новую силу, что получена от вампирских меток и ликантропии, — сейчас я ее попробовала. Наш конец дерева двинулся, просто двинулся, и нас с Эдуардом это поразило. Он даже поскользнулся на листьях. Я тоже поскользнулась, не удержалась и поранила руку об острый корень. Боль была резкая, внезапная, и я знала, что будет кровь, еще не успев ощутить ее струйку. Выругалась себе под нос.

— Сильно? — спросил Эдуард.

— Толкаем, — ответила я.

Он понял этот ответ как то, что рана не серьезна, и мы толкнули ствол. Он теперь полностью вылез на дорогу. Я почувствовала, что вампиры проснулись — как ток прошел по позвоночнику. Было еще слишком много света, чтобы они могли напасть, но до этого оставались минуты. Я уперлась ногами, опустила плечи и подумала, решила, что если сверхсила у меня есть, то сейчас я ее пушу в ход полностью. Взмолилась:

«Господи, если могу я сдвинуть это дерево, дай мне сделать это сейчас».

Выдохнув с воплем, как бывает иногда в тренажерном зале, когда поднимаешь очень большую тяжесть и не знаешь, поднимешь или нет, я уперлась — и дерево поехало. Эдуард приложился плечом рядом со мной, и дерево поехало как на колесах. Я упала на колени — не ожидала такого.

— Анита...

Эдуард стал мне помогать подняться.

— Машина, заводи машину!

Он не стал спорить — сделал, как я сказала, и мне это понравилось.

Я повернула винтовку на ремне, чтобы была в руках, наготове.

Тилфорд выбежал с шумом из леса на той стороне, Ньюмэн за ним. Я показала на машину, правая рука блеснула кровью.

— В машину, быстро!

— Они идут, — сказал Тилфорд.

— Я знаю.

Я встала. Машина ожила, взревела, мы втроем бросились к ней. Ночь наваливалась на нас теплым густым бархатом. Я оттолкнула мысль, что ночь ощущается как Она. Нет, я просто испугалась. Это не Марми Нуар. Это нервы.

Я ощущала вампиров, чувствовала, как они стряхивают с себя остатки дневного паралича. Ощущала их как дрожащий на коже далекий гром, мчащийся к нам среди деревьев. Он заставил меня побежать, и я вдруг опередила двоих наших спутников. Как только что с деревом, я бежала быстрее, чем человек.

У дверцы я оказалась первая. Открыла ее и обернулась, глядя за спину бегущих людей, выискивая среди деревьев чужеродное.

— Быстрее, черт побери! — заорала я.

Ньюмэн поскользнулся и полетел на землю, лицом в гравий. Тилфорд открыл дверцу и сел с другой стороны со словами:

— Я здесь.

Слышно было, как он закрыл дверцу. Ньюмэн встал на четвереньки, поднялся. На лице у него была кровь — сильно ударился, но смотрела я ему за спину. Враги приближались. Они двигались как ветер — такой, что не шевельнет листа, не качнет веточки. Безмолвная призрачная буря, летящая к нам.

— Ньюмэн! — заорала я.

В последнюю минуту я отодвинулась так, чтобы он мог сесть в машину, не загораживая мне обзор. Он плюхнулся на сиденье.

— Садись! — крикнул Эдуард.

Я увидела, что у него окно опущено, ствол винтовки обшаривает лес. Первым несколькими выстрелам окна помешали бы. Он знал, что мы не вырвемся без боя, и я тоже знала.

Прислонившись спиной к дверце, я осматривала лес, пытаюсь услышать что-нибудь за гулом двигателя. «Где они?» — думала я.

И вот тут почувствовала их на той стороне дороги. Они были в лесу у самой опушки, прятались в темноте.

— Черт! — выдохнула я, вскочила внутрь, захлопывая дверцу. Еще успела сказать Эдуарду: «Газуй!» — и он врубил скорость и резко рванул с места. Подвинув Ньюмэна, я стала нашаривать ремень, а наша машина расшвыривала гравий. Я точно знала, где враги, чувствовала, как они стоят и смотрят нам вслед. Почему они только смотрят?

Пульс бился у меня в горле. Вдруг стало страшнее, чем было секунду назад.

— Эдуард, они не гонятся за нами. Просто смотрят из лесу.

— Ты их видела? — спросил Ньюмэн.

Я не стала отвечать.

— Почему они только смотрят? — спросил с пассажирского сиденья Тилфорд.

— Не знаю.

Мне удалось наконец защелкнуть ремень, и в этот момент Эдуард вылетел на перекресток со знаками «стоп». Он повернул автомобиль по дуге разлетающегося гравия и притопил газ. Машина метнулась вперед. Был момент, когда я чувствовала, что Эдуард борется с машиной, стараясь удержать ее на дороге. Удержал, дал газу, и мы понеслись прочь.

Едва заметные даже для моего ночного зрения выступили из леса две фигуры, стояли и смотрели нам вслед.

— Это они? — спросил Ньюмэн.

Я кивнула, глядя на этих двоих, будто боясь отвернуться, будто страшась того, что случится, если я отведу от них взгляд. Глупо, суеверно даже, но я смотрела, как они там стоят, пока еще что-то видела в сгущающейся темноте.

— Почему они за нами не гнались? — спросил он.

— Не знаю.

— Да какая разница, — ответил Тилфорд и обернулся к нам. — Не гнались — и хорошо.

— Им не надо было гнаться, — сказал Эдуард. — Они снова заблокировали дорогу.

Мы все посмотрели и на этот раз препятствие выглядело так, будто на дорогу вытащили с полдюжины древесных стволов и выложили стеной.

— Тут нужно было время, — сказал Тилфорд, — и больше рабочих рук, чем у них есть, по нашей оценке.

Эдуард сбавил ход.

— Тилфорд, возьми руль.

— Что? — не понял Тилфорд.

— Анита, прикрой меня. Ньюмэн, поможешь ей.

Он уже вылезал из-за руля. Тилфорд, выругавшись себе под нос, постарался сесть за руль до того, как Эдуард его бросит. Машина завилела, но мы остались на дороге.

А Эдуард полез куда-то глубоко назад.

— Что собираешься делать? — спросила я.

— Стреляй в них, если подойдут близко. И во все, что движется возле этого барьера.

Он рылся за задним сиденьем в грудe оружия, слишком большого или слишком громоздкого, чтобы его легко было носить. Меня всегда пугало, когда Эдуард начинал перебирать свои железки. В прошлый раз это был огнемёт, и тогда Эдуард чуть не сжег какой-то дом и нас заодно. Но я сделала, как он сказал: опустила окно и поделила внимание между дорогой, по которой мы приехали, и барьером впереди.

Тилфорд остановил машину:

— Мне что делать?

— Медленно подавай вперед, — сказал ему Эдуард, больше чем наполовину залезший за задние сиденья.

Я старалась не обращать внимания на его действия и выполнять свою часть плана. У Эдуарда есть план, значит, он командует, пока этот план ещё есть и не оказался слишком безумным. Впрочем, в данную секунду мне трудно было представить такую степень безумия, которая заставит меня отказаться.

— Господи Боже! — ахнул Ньюмэн.

Тут я покосилась на Эдуарда. На миг мне показалось, что это просто большое ружье, а потом я забыла, что нужно всматриваться в темноту и выискивать вампиров. На несколько секунд я уставилась на эту штуку у него в руках.

— Это...

— Легкий противотанковый снаряд, — сказал он.

— Противотанковая ракета!

— Да, — ответил он и вылез из-за спинки сидений, оказавшись между мной и Ньюмэном. — Открой люк, — попросил он.

— Если у тебя есть такая штука, чего мы дерево руками двигали? — спросила я.

— Это последняя.

— Последняя? — переспросил Ньюмэн. — Сколько ж у тебя их было?

— Три.

— Хватит болтать, дверцу открой, — сказала я ему. — Следи за краем дороги и за небом, и будь готов прыгнуть обратно, когда Тилфорд даст газ.

— Почему не целиться через окна?

— Потому что оттуда обзор неба хуже.

— Но...

— Делай, как сказали, — прервал его Эдуард.

Ньюмэн глянул на меня, на него, потом открыл дверь. Я сделала то же самое. Стоя одной ногой на земле, другой на подножке, держа приклад у плеча, я сказала:

— Эдуард?

— Да?

— Давай.

Он полез через люк. Я поняла, что он высунулся по пояс.

— Мне подать потихоньку к барьеру? — спросил Тилфорд.

— Нет, — ответил Эдуард. — Мы не знаем, что они в эту кучу сунули. Лучше не соваться близко, пока она не взорвется.

Я смотрела в лес при лунном свете.

— А что они могли туда подсунуть такого опасного? — спросила я.

— Спроси меня потом, — ответил Эдуард.

Я услышала, как он снова шевельнулся. Даже не смогла удержаться, оглянулась. Он стоял на двух подголовниках, будто высота играла роль.

Я увидела, что Ньюмэн тоже уставился на него, и показала на свои глаза, потом на него, потом на лес. Вид у Ньюмэна стал несколько виноватый, будто я только что не сделала той же ошибки. Я стала снова смотреть в звездное небо, потом на деревья. Ничего не шевелилось, только веял ветерок. От него трепетали листья и рождался звук, который всегда заставлял меня вспомнить Хеллоуин, будто листья шуршат по земле как мышки. Обычно мне этот звук приятен, но сейчас он отвлекал, а шевеление листьев нервировало.

Ньюмэн выстрелил в темноту, я вздрогнула.

— Виноват! — крикнул Ньюмэн.

— Там ничего не было, — сказал Эдуард.

— Я же говорю — виноват.

— Соберись, чайник, — бросила я.

— Блейк, все мы стреляли по теням, когда были новичками, — сказал Тилфорд из-за руля.

Он был прав, но извиняться перед Ньюмэном я буду потом, если будет возможность. Я снова стала смотреть на свой сектор волнующегося под ветром леса, на темное небо, на дорогу.

Они появились сзади, двое, в тех же длинных черных плащах и белых масках. Безымянные, не отличимые, и я не знала, те же это арлекины или новые. Единственное, что я знала — это не те, которых мы с Эдуардом ранили в лесу. Эти двигались спортивно и плавно, будто плыли, и это точно были не вампиры, а оборотни. Вампиры движутся как люди, только изящнее.

— Ньюмэн, смотри вперед! За нами оборотни, — сказала я.

Раздался громкий ухающий шелест, будто над головой запустили самую большую в мире дымовуху. В спину толкнуло жаром, я вздрогнула и припала на колено, поворачиваясь, чтобы навести ствол на арлекина у меня за спиной. От взрыва позади я снова вздрогнула и ощутила порыв туда повернуться, но мне приходилось положиться на Ньюмэна, что то направление он прикроет. Что за нами два арлекина, я знала, и что у меня хватит быстроты их подстрелить, знала тоже. Я не знала этого про Ньюмэна.

Но передо мной на дороге была только одна фигура. Она горела, ослепительное пламя разгоняло тени от пожара, и она припала к дороге, собравшись для нападения.

— Господи Иисусе! — сказал у меня за спиной Ньюмэн.

Я обернулась посмотреть на завал, которого уже не было. Дорога была свободна.

— Садись, Блейк! — крикнул Тилфорд.

Я вскочила на ноги, не отводя ствола от фигуры на дороге. Я поняла теперь, что оборотень не припал к земле: он пытался перекинуться. Я встала на подножку, одна рука на рукояти на крыше, другая наводит винтовку на горящую массу на дороге. Он думал, что смена формы поможет ему залечить повреждения или сбить пламя? Или просто ничего другого не мог придумать.

И тут он завопил. Это было низкое рычание и вопль сразу, будто в унисон орали человеческое горло и огромный рычащий зверь. Такой звук способен наполнять кошмары — или порождать их. Я видала, как «заживо» горят вампиры, но не оборотни. Вампиры сгорают быстрее и полнее, а оборотни — это просто люди, которые излечиваются от любых ран, или почти любых. Кроме нанесенных огнем.

Машина рванула вперед. Я схватилась изнутри за край крыши, одна нога на подножке, другая упирается в край дверного проема. Свободной рукой я целилась из «МП-5» в проносящиеся мимо деревья. Открытая дверца хлестнула по веткам, ее отбросило на меня. Я уперлась коленом, чтобы меня не пристукнуло. Эдуард еще торчал в люке, где был Ньюмэн — внутри или снаружи — я не очень понимала. Тилфорд вел машину — это я знала.

Машина набрала скорость, резко запрыгала, я почти взлетала в воздух. Так оставаться было нельзя. Я ввалилась внутрь, захлопнула дверцу и нажала кнопку подъема стекла. Краем глаза заметила, что Ньюмэн тоже уже внутри машины, Эдуард вылез из люка и нажал кнопку закрытия. И вдруг заорал:

— Анита!

Я прицелилась в окно, еще не видя, во что стрелять. Сверкнуло серебро, но не в моем закрывающемся окне, а в открытом окне Тилфорда. Я выстрелила мимо его головы во что-то темное на том конце этой сияющей шпаги — потому что это именно шпага, черт бы ее побрал, и была.

Выстрел в машине прозвучал оглушительно — слишком тесно, чтобы стрелять без защиты для ушей, я оглохла на миг, но темная фигура отвалилась назад и больше не возникла. Клинок восклицательным знаком остался торчать в плече у Тилфорда и в сиденье машины. Тилфорда пригвоздили.

Эдуард переполз на переднее сиденье и взял руль.

— Продолжай давить на газ, Тилфорд.

Тот воспринял как приказ, потому что машина прыгнула вперед — Тилфорд утопил педаль в пол. Эдуард одной рукой рулил, другой держал оружие, хотя ему надо было следить за дорогой — а потому нам с Ньюмэном за всем остальным. Блин.

С крыши раздался тихий звук. Я даже не была уверена, что услышала его — шумел мотор, еще звенело в ушах. Как будто я прислушивалась к этому намеку на шелест.

— Они на крыше, — сказала я.

Ньюмэн не среагировал, и я сказала ему:

— Ньюмэн, на крыше один из них.

Он посмотрел на меня широко раскрытыми встревоженными глазами. Трудно было в темноте сказать точно, но мне показалось, что он бледен. Пульс у него на горле неистово колотился. Он был перепуган, и я его понимаю. Будь у меня время, я бы тоже успела испугаться.

Я стала вглядываться в полупрозрачную крышу — и вдруг оттуда на меня кто-то посмотрел. Без маски — темные глаза на бледном лице. Вампир. Не успев еще ничего разглядеть, я уже палила вверх. Лицо исчезло, но вряд ли я попала.

Ньюмэн выстрелил сразу после меня, но продолжал держать палец на спуске, и машина гремела резонатором для выстрелов, и меня обдавало потоком горячих гильз. Почти все попали на куртку, но одна обожгла руку, а стрелять уже было не во что.

Я схватила Ньюмэна за руку и заорала — оглохла и не знала, насколько нужно громко говорить, чтобы меня услышали.

— Стоп! Не трать патроны! — Он посмотрел на меня, глаза широко раскрыты, белки видны — как у лошади, готовой понести. Я пригнула ствол его винтовки, опустила чуть пониже. В пробитую крышу задувал ветер. — Успокойся, береги патроны.

Наверное, я продолжала орать, но он смотрел так, будто либо не слышал ничего от звона в ушах, либо ничего не мог понять от страха. Иногда, когда как следует напугаешься, то не слышишь ничего, кроме шума крови в ушах. Сама помню.

Я дождалась, пока он кивнет, а потом отвернулась и посмотрела на переднее сиденье. Эдуард и Тилфорд вели машину как бригада. Мы так быстро пролетели через дымящиеся остатки завала, что я лишь едва успела заметить обугленные останки.

Впереди на дороге замелькали огни мигалок, и тогда до меня дошло, что уже некоторое время слышно было завывание сирен. У меня слух не очень еще восстановился после стрельбы в машине. Интересно, остальные все тоже так оглохли?

Наверное, я заорала, потому что никак не могла соразмерить голос:

— Кто вызвал подкрепление?

— Я вызвал! — заорал в ответ Ньюмэн.

Ни мне, ни Эдуарду в голову не пришло бы вызывать подмогу — слишком долго, черт побери, были мы волками-одиночками. Впервые я была рада, что наш чайник поступил, как чайнику положено: последовал правилам и вызвал подкрепление. «Арлекин» предпринимает усилия, чтобы о нем никто ничего не знал, и сейчас мы в безопасности.

Машина стала замедлять ход. Очень издали доносился голос Эдуарда, кричащего:

— Тилфорд! Тилфорд!

Черт!

Я сбросила ремень безопасности. Машина постепенно останавливалась, а я потянулась к плечу Тилфорда, откуда торчала шпага. Что ее не надо пытаться вынуть, я понимала: это работа для врача, но с кровотечением что-то сделать можно. Только снимая с себя ветровку и вытаскивая руку из рукава, я вспомнила, что тоже ранена — зацепила эту царапину, и боль напомнила. Тот факт, что боль стала ощущаться, означал, что адреналин и эндорфины стрессовой ситуации начинают выветриваться.

Эдуарду удалось остановить машину, он поставил рычаг в парковочное положение. На нас летели машины с сиренами, все еще не столь громкими, какими они должны были быть.

А я заметила, что моя кровь размазана по всей куртке. Повернувшись к Ньюмэну, жестами попросила его отдать мне свою куртку. Посмотрела на руки — они тоже в крови.

Я — носитель ликантропии. Я не перекидываюсь, но это не значит, что Тилфорд не будет, если моя кровь попадет в его жилы. Нельзя рисковать, если есть другие руки, чистые от крови.

Я поменялась местами с Ньюмэном и сумела показать ему, как обхватить шпагу курткой и руками. Он случайно шевельнул лезвие, и Тилфорд потерял сознание.

Ньюмэн забормотал-заорал извинения, я отмахнулась. Первые автомобили остановились, из них вывалились маршалы, патрульные, детективы, все вообще, кому положено реагировать на чрезвычайную ситуацию. Где-то здесь и «скорая» тоже должна быть.

Глава 22

Санитары стали вынимать Тилфорда из машины на носилки, и он пришел в себя. Схватив за руку Эдуарда, он сказал:

— Ордер! Мой ордер, Форрестер, он теперь твой.

Эдуард кивнул и похлопал его по руке.

— Я за тебя этих гадов прищучу, Тилфорд.

— Уверен, что прищучишь.

Он держался за Эдуарда, пока его укладывали на носилки, и Эдуард не пытался освободиться — так и шел с ним до самой машины «скорой». Ньюмэн встал рядом со мной возле нашей машины, я все моргала на водоворот мигалок и полицейских. Вдруг перед нами оказался Рейборн.

— Блейк, черт побери, что стряслось?

Я заморгала на него, и тут протолкнулась вперед женщина со «скорой».

— Не мешайте, отойдите! Вы что, не видите, что они оба ранены?

Я посмотрела в ее светлые глаза. Белокурые волосы убраны назад в хвост. Она стала светить фонариком в глаза Ньюмэну, его худощавое лицо было кровавой маской. Очевидно, когда падал на гравий, рассадил себе лоб, и все лицо залило.

Рейборн навис надо мной, будто запугивая, заговорил прямо мне в лицо. Казалось бы, мог бы уже понять.

— Блейк, отвечайте!

— Серийные убийцы, за которыми мы гоняемся по всей стране, пытались поймать нас в засаду. Мы оказались вооружены лучше, чем они рассчитывали, поэтому нам удалось уйти.

— Зачем они хотели вас поймать?

Это спросил детектив Лоренцо, стоящий в группе копов. Я его не увидела в темноте при мигалках. Как на стробы смотреть. Или я была потрясена сильнее, чем сама думала.

— Когда мы их поймаем, тогда спросим, — ответила я.

Из-за спины Рейборна высунулся другой медик:

— У вас кровь.

Я посмотрела на свою руку, куда смотрел он, но мне это не казалось важным. Да, это моя рука, и там, где он ее трогает, там рана и больно. Этот резкий укол боли помог слегка прочистить мозги. Я поняла, что уходит адреналин, и возвращается постепенно облегчение и шок. Чрезвычайная ситуация закончилась, организм пытается сбросить обороты.

Рейборн отступил, давая медику осмотреть рану, но нависал над его плечом.

— Они еще там?

— Насколько я знаю.

Медик потянулся к моей руке, я ее отодвинула.

— Дайте мне хотя бы посмотреть, крови много.

— Я носитель ликантропии.

Он остановился:

— Сейчас вторые перчатки возьму.

— Я потому и сказала.

— Сию секунду вернусь, — сказал он и побежал трусцой к машине «скорой».

— Если они все еще там, их надо взять, — сказал Рейборн.

— Это да, — кивнула я. Про себя подумала: «Неудачная мысль». А вслух сказала: — Они быстрее нас, сильнее, лучше видят в темноте, и нюх у них как у хороших собак. При этом у них есть мечи — как минимум.

— Вы хотите сказать, что не надо за ними охотиться? — спросил Рейборн.

— Нет. Я только хочу, чтобы каждый, идущий за ними в лес, знал, против чего ему предстоит драться.

— Если это воодушевительная речь, у тебя она не получилась, — сказал Лоренцо и улыбнулся.

Я не стала улыбаться в ответ. Не знаю, что было у меня на лице в этот момент, но точно не улыбка. Лоренцо это увидел, и его веселость несколько увяла.

— Мы с маршалом Форрестером двоих ранили. Одного настолько серьезно, что его пришлось нести другому. И еще один горел, но не знаю, сгорел ли до смерти.

— Горел? Как он загорелся? — спросил Рейборн.

— От струи газов.

— Как?

Ньюмэн отмахивался от врачихи «скорой», светящей ему в лицо.

— Форрестер выстрелил из ракетомета.

— Что? — переспросил Рейборн.

— Выпустил противотанковую ракету, — пояснила я. — Форрестер.

— От этого сгорела корма автомобиля?

Женский голос. Где-то из задних рядов, высокая, темноволосая, узкилицая.

— Ага.

Вернулся темноволосый медик, надевший поверх перчаток еще одни, другого цвета.

— Извините, я должен осмотреть ее рану.

И уставился на Рейборна, пока тот не шагнул назад. Медик разогнул мне руку, и я только сейчас заметила, что сжимала пальцы в кулак.

— Чем это? — спросил медик.

— Корнем дерева.

— Как это?

— Поскользнулась и порезалась торчащим корнем поваленного дерева.

— Здоровенное было дерево, видно.

— Ага.

— Так, вы и вы — оба сейчас к нашей машине, посмотрим при свете, — сказала блондинка.

Я двинулась к машине вслед за медиком.

— А я слышал, что вы стойкий человек, Блейк, — сказал Рейборн мне вслед.

Я обернулась:

— Дни, когда я стыдилась, если позволю врачам мне помогать, давно миновали, Рейборн.

— И что?

— А то, что я себя проявила уже много лет назад, и мне плевать на ваше обо мне мнение.

Ньюмэн отреагировал так, будто его ткнули в ребра. Будто то, что я сказала, было для него важно или неожиданно. В мигающем свете видна была борьба чувств у него на лице. Идти со мной или остаться с парнями, как крутому парню положено? А еще я хотела поговорить с Эдуардом если не наедине, то уж точно без Рейборна и прочих, а он как раз стоял возле машин «скорой». Кроме того, я сказала чистую правду. Мне уже никому ничего не надо доказывать. Я сама знала, насколько я стойкая, насколько смелая, насколько хорошо знаю свое дело. И Рейборн пусть идет к черту, а я сама уже настолько взрослая, что могу этого вслух ему не говорить. Меня вполне устроило просто пойти себе, куда собиралась.

Рейборн возвысил голос:

— А ты, Ньюмэн, поступишь как девчонка или как мужчине положено?

Я обернулась, не останавливаясь, и крикнула ему:

— Точно, Ньюмэн! Поступи как мужчине положено, продолжай истекать кровью и потеряй сознание в лесу, посреди охотящихся за тобой оборотней и вампиров.

И я пошла вслед за темноволосым медиком.

Свет из открытой машины был чертовски ярок и лишил меня ночного зрения полностью, но он был нужен Мэтту, медику.

Блондинка-медик подошла ближе, бормоча себе под нос. Я услышала:

— Идиоты эти мужики. Раны головы, обильное кровотечение...

Мэтт стер кровь с моей руки и прищурился, будто ему нужны очки, которые он не носит или скоро будет носить.

— Джулия, не посмотришь?

Блондинка перестала проклинать мужскую глупость и подошла к нему, глядя на мою руку. Она аккуратно старалась меня не трогать, потому что на ней двойных перчаток не было, но смотрела, как движутся его пальцы. Он раздвинул края раны — я возразила:

— Это больно.

— Прошу прощения, — сказал он, но глаз от раны не поднял.

— Как давно это было? — спросила Джулия.

— Меньше часа назад.

— Не может быть.

Мэтт наконец посмотрел мне в глаза. Лицо у него было серьезно.

— Я бы сказал, несколько часов. Даже день. Не меньше.

— Я вам сказала, что я — носитель ликантропии. Заживает быстрее, чем на нормальном человеке.

— Так быстро, что рука останется скрюченной. Надо бы швы наложить, чтобы этого не было.

— Скрюченной?

— И шрамы будут хуже, чем при наложенных швах, — поддержала Джулия.

Я посмотрела на руку. Порез был длинный и неровный, будто злая молния легла от локтя почти до запястья.

— Сейчас с этим ничего не сделать, — сказала я.

— Если бы вы сейчас поехали в больницу, там бы снова открыли рану и зашили бы правильно. У нас недавно был семинар по работе с противоестественными пациентами. У ликантропов так быстро заживают раны, что шрамов остается больше, или мышцы сводит так, что потом они болят как при артрите.

Мэтт при этом смотрел на мою руку, будто она была иллюстрацией к его словам.

— Есть какой-то крайний срок, до которого это все надо проделать? — спросила я.

— Чем быстрее, тем лучше — при такой скорости заживления, — ответил он, снова трогая рану.

— Если можно, перестаньте в нее тыкать.

Он слегка вздрогнул:

— Прошу прощения. После того семинара я такую рану вижу впервые.

— Мэтт здорово изучил теорию, — сказала его напарница.

Я на нее посмотрела и кивнула:

— Теперь у меня обычно раны заживают без шрамов.

— От этой останется, — возразила она.

Я посмотрела на рану и поверила им, но не знала, почему так происходит. Подумавши, я поняла, что я впитала в себя гнев, когда навещала красных тигров, но *ardeur* остался неутоленным. Съеденный гнев снял остроту голода, но не насытил его. Раны заживали как у нормального, и это объясняло, почему вообще корень дерева меня так сильно ранил, и почему шрамы. Я теперь могу дольше выживать между кормлениями, могу контролировать *ardeur*, но за это надо платить свою цену. У меня раны заживают быстрее, чем у обычного человека, но не так хорошо, как могли бы. На охоте за «Арлекином» это не плюс.

Блин.

Я попыталась себе представить, что сказал бы Рейборн, если бы я действительно взяла себе «освобождение по болезни». Даже мысль об этом была невыносима. Я тут на секс не могу сделать паузу, пока мы не закончим эту охоту в лесу. Хрен мне, а не секс. То есть как раз отсутствие хрена. Черт возьми, мне уже надоело, что меня наказывают за воздержание. Как стандартный ход из фильма ужасов, только с ног на голову поставленный: выживают шлюхи, девственницы гибнут.

Все это мне не объяснить ребятам со «скорой», да и вообще никому, кроме Эдуарда. Когда-то *ardeur* всегда охватывал меня целиком и заставлял его удовлетворять, но я научилась им владеть и откладывать на потом. И вот ядовитая лиловость руки и краснота раны показали мне сейчас, во что это обходится. Глядя на рану сейчас, я поняла, что привыкала к быстрому заживлению и к тому, что ранить меня стало труднее. Попыталась вспомнить, когда в последний раз поранилась случайно, и не вспомнила. У меня свело желудок, но не от голода, а от страха. Если такую рану мог оставить корень дерева, так что же может со мной сделать клинок или пуля?

Блин.

— Как вы? — спросила меня медик Джулия.

— Нормально.

— Вам действительно нужно сейчас в больницу, чтобы доктор открыл рану и зашил как надо.

— Знаю.

Она свела брови:

— И все равно не поедете?

В голосе слышалось недовольное неодобрение, и я ее могла понять.

— Не могу отпустить их в лес одних.

— Знаете, вот эти маршалы отлично справляются, когда вас нет в городе. Охотятся на вампиров и прочих чудовищ, и делают это хорошо. Пусть они занимаются своим делом, а мы займемся своим и доставим вас в больницу.

Мэтт потянул за края раны.

— Прекратите! — сказала я.

— Простите. Это как в замедленной съемке когда видишь, как цветы распускаются. Ей-богу, прямо на глазах срastaются края. Это потрясающе.

Джулия толкнула его в плечо — очевидно, сильнее, чем казалось, потому что он ойкнул.

— Это живой пациент, Мэтт, а не кадавр на секционном столе.

Он заморгал, глядя на меня, потом смутился.

— Прошу прощения. Я просто...

— Ничего страшного. Вы только меня замотайте до конца охоты.

— Полный идиотизм, — сказала Джулия.

— Полный — у маршала Ньюмэна. До сих пор кровь идет.

— Так и будет кровить, пока не свалится, ответила она с явным отвращением в голосе.

— Наверное. Я хоть не мешаю вам меня перевязать.

— К концу охоты рана у вас закроется. Кровопотеря уже остановлена.

— Тогда просто забинтуйте ее, чтобы я раной ни за что не цепляла.

Она нахмурилась, но достала марлю и начала бинтовать.

— Смотрите, чтобы в рану бинт не попал, — попросила я.

Она подняла глаза:

— Я свое дело знаю.

— Я же не говорю, что это не так. Просто при такой скорости рана может зарости вокруг марли.

Они оба на меня посмотрели:

— В смысле, ткани смыкаются и срastaются, а бинт остается внутри? — спросил Мэтт.

— Я такое видала.

— С вами было?

— Нет, с одним моим другом. Он вервольф.

В глазах Мэтта зажегся лихорадочный интерес. Почти заметно было, как под самой поверхностью булькают, закипая, вопросы.

— Все, забинтовали. Распишитесь здесь, что вам предложили поехать в больницу на случай осложнений с вашей рукой. Которые наверняка будут.

Я подписалась и выпрыгнула из машины «скорой».

— Извините, что от меня такие хлопоты.

— Когда тот длинный в лесу свалится, постарайтесь там, чтобы его не съели, — сказала Джулия.

— Постараюсь, — пообещала я, зная, что так и сделаю, но поскольку рука дико болела от быстрого заживления раны, понимала, что носом землю рыть не буду. Ньюмэн позволил Рейборну отговорить себя от перевязки. Я тоже была когда-то желторотой, но не настолько. Может, тут мужские игры, и я никогда не понимала такого уровня идиотизма, или у меня непонимание — чисто женская черта. Рука начала подергиваться — срastaющиеся мышцы дрались друг с другом. Такого со мной не случалось после самого первого попадания ликантропии в кровь. Блин, может, Ньюмэн и не единственный дурак в этом коллективе.

Постараюсь сделать так, чтобы его не сожрали.

Блин.

Глава 23

Ньюмэн таки вырубился, но я проследила, чтобы его не съели. Когда он рухнул, мы были глубоко в лесу, и вел он себя очень неплохо. Я осталась с ним среди колышимых ветром деревьев, а

остальные полицейские шли длинной поисковой цепью, но я видела, как они растянулись вдоль дороги, и была уверена, что никаких монстров тут не найти. Арлекины сбежали. Либо они, стараясь сохранить свое существование в тайне, избегали такого большого количества полицейских, либо они не ожидали, что у Эдуарда найдется при себе ракета, и теперь отступили, чтобы пересмотреть свои планы. Я думаю, что они недооценили нас обоих — да черт побери, нас всех.

Я посмотрела на лежащего Ньюмэна. Детектив Лоренцо пиджаком зажимал его рану, стараясь уменьшить кровотечение, а куртку надел, чтобы видна была надпись «Полиция», а еще потому что холодно. У меня пальцы от холода онемели. «Холодная летняя ночь» — разве это не оксюморон?

Детектив Джейн Ставрос, напарница Лоренцо, вместе со мной охраняла этих двоих — потерявшего сознания и склонившегося над ним.

Полицейская ветровка болталась на тощей Ставрос колоколом. Из-под ветровки выглядывал черный брючный костюм, дешевый и слишком на нее большой. Роста она была не меньше пяти футов десяти дюймов в удобных и уродливых черных туфлях. Будь она одета получше, я бы приняла ее за профессиональную модель, но для своего сложения она слишком уж была худа, так что выглядела голодающей, и все выпуклости тела съела диета — женщина выглядела как мужчина. Прямые темно-каштановые волосы убраны в хвост на затылке. Некоторые женщины на этой работе стараются одеваться, как мужчины, чтобы быть своими, не показывать, что они женщины. Я не встречала женщин, достаточно долго прослуживших, чтобы заработать значок детектива, и продолжающих придерживаться такой крайности. Может, она только что произведена в детективы, а это возвращает иногда к старым проблемам. Но она не только была одета в мужские шмотки — она была одета неаккуратно, будто ее резко разбудили и она впопыхах надела чужое. Все на ней сидело неправильно, будто и кожа на ней не своя.

Но пистолет она держала так, что сомнений в ее квалификации не возникало, и она всматривалась в темноту за спиной напарника. Ничего она не сделала такого, что ухудшило бы мое о ней мнение, разве что слишком уж старалась вести себя по-мужски, но кто я такая, чтобы ее за это судить? Однако она создавала впечатление голодающей, которой никогда не доставалось вдоволь. Вдоволь любви, вдоволь еды, ничего, что стоит получать на этом свете. Темным облаком висел вокруг нее ореол тяжелой усталости, изможденности. Интересное сочетание пресыщенности жизнью, которая бывает у копов с десятилетним стажем, и нервозности, которая к этому времени обычно уже проходит. Будто она все уже видела, и это не наскучило ей, а испугало.

Эдуард ушел вперед вместе с цепью, желая, чтобы кто-то из нас двоих там был, а у меня рука была не очень мной довольна. Правая, стрелковая, она дергалась от сверхбыстрого заживления, и стрелять во что бы то ни было не могла. Именно на такой случай я и отрабатывала стрельбу левой. Получалось далеко не так хорошо, как правой, но лучше, чем у среднего стрелка, и этого должно было хватить — все равно ничего другого нет. Я уже забыла, как это больно — когда мускулы дерутся друг с другом, будто в руке идет междоусобная война. Небольшой секс мог бы это предотвратить, но я была упряма, и вмешался еще красный тигр — арлекин, однако нечего было откладывать питание со дня на день. Это было глупо, но после Сиэтла никого не было, чтобы напиться *ardeur*. Ну, о'кей: никого, с кем бы я хотела это сделать. Вот я и расплачивалась за свое правило: без незнакомых. Рука так дергалась, что даже не помогала держать «МП-5» на изготовку.

— Что у тебя с рукой? — спросила Ставрос.

— Заживает быстрее, чем мышцы могут выдержать.

Она посмотрела на меня недоверчиво — в предраассветной бледности я сумела разглядеть выражение лица.

— Тебе больнее, чем ты показываешь, Блейк, — сказал Лоренцо.

Я пожала плечами, стараясь дышать сквозь боль в охваченной войной руке.

Из леса тяжелым шагом вышел Рейборн:

— Блейк, их здесь нет.

— Похоже на то.

Он закинул винтовку на плечо, ствол смотрел в небо.

— Такое подергивание означает повреждение нервов. Когда Ньюмэна повезут в больницу, вам надо будет ехать с ними.

— Вы запугали Ньюмэна так, что он рухнул от потери крови, а меня отсылаете в больницу? С чего бы это? Чтобы потом сказать: «Да ну, слабачка. Девчонка?»

В холодном свете восхода я смотрела в лицо Рейборна и не могла прочесть, что на нем написано. Он смотрел на мою руку, а она дергалась в танце мышц. От боли отключались мозги, и только гордость помогала мне удержаться от тихих стонов. Или громких воплей.

— Я не знал, что вы так серьезно ранены, Блейк.

— Вы не спрашивали.

— «Скорая» будет с минуты на минуту, езжайте с Ньюэном в больницу; Никто о вас не будет думать хуже.

— Я вам говорила уже, Рейборн: что вы обо мне думаете, меня не интересует.

Вот теперь выражение лица было видно: рассерженное.

— Вам всегда нужно взять верх? Ни на дюйм не уступить?

— Умение уступать в списке ее сильных сторон не числится.

Это сказал из-за спины Рейборна подошедший Эдуард. Рейборн сдвинулся так, чтобы видеть нас всех.

— Ей проще было бы с людьми ладить, будь она хоть немного уступчивей.

Эдуард кивнул, улыбаясь улыбкой Теда, сдвинув пальцем шляпу со лба на затылок. Ствол «П-90» смотрел в землю.

— Проще. Но будь она уступчивей, сейчас бы орала как недорезанная от боли, вместо того чтобы смотреть в лес, выполняя свою работу.

Рейборн на секунду задумался, потом тряхнул головой.

— Упрямые вы черти — охотники прежних времен.

Я улыбнулась этим словам. Можно подумать, он уже лет двадцать со мной имеет дело, но — да. Я — охотник прежних времен.

Тут мышцы попытались у меня в руке сжаться в кулак и вырваться наружу. От боли бросило в холодный пот.

— Ты побледнела, — сказала Ставрос.

Я кивнула молча — не доверяя собственному голосу.

К нам шли медики со «скорой», Мэтт и Джулия, боком таща носилки через лес. Очевидно, им пришлось нас всех ждать. Я вообще-то думала, что они сменятся или как-то там.

— Лес мы обыскали, их там нет, — сказал Эдуард.

— Скажи своей напарнице, чтобы ехала в больницу, — предложил Рейборн.

Эдуард снова улыбнулся улыбкой Теда и только покачал головой:

— Я отвезу Аниту в любое место, куда она позволит себя отвезти, но вряд ли в этот список войдет больница.

— Бывает упорство, бывает глупое упрямство, — сказал Рейборн. — Но это твоя напарница.

И он пошел прочь — очевидно, слишком возмущенный нами и не желая торчать здесь и смотреть, кто поехал в больницу, а кто нет.

Ставрос смотрела на меня, уставив ствол в бледнеющее небо.

— Слишком быстрое заживление вызывает боль? Я думала, что если у тебя ликантропия, оно просто заживает, и все.

— Бывает, — ответила я сдавленным от напряжения голосом, — но иногда получается вот так.

— А заживление стоит того, чтобы это терпеть?

— Ага, — кивнула я.

Медики подошли к нам. Мы с Эдуардом проводили Ньюэна к машине. Эдуард еще поговорил со мной насчет руки и подергивания мышц.

— Если бы ты была человеком, то при таких шрамах я бы забеспокоился начесть потери подвижности.

— Мне такое говорили про левую руку и рубцовую ткань на сгибе. Но пока я регулярно работаю с тяжестями, все в порядке.

Он наступил на бревно — не стал перешагивать. Когда много времени проводишь в лесу, вырабатывается привычка так делать — на случай змей. Машинально.

— Этот новый шрам будет длиннее и больше задевает мышц и сухожилий.

— Что ты предлагаешь мне сделать?

— Посмотреть, что могут сделать с этим доктора.

— Медики со «скорой» говорили, что могут разрезать снова и зашить как надо, чтобы не было шрама.

— Если ты это сделаешь, то потом сможешь утолить ardeur, и станет лучше.

Я посмотрела на него недружелюбно.

Мы вышли вслед за носилками на дорогу, и утро вдруг стало светлее — деревья больше свет не загоразивали.

— Не люблю швов, сказала я.

Он улыбнулся:

— А кто любит?

— Если я сдамся докторам, ты мне этого никогда не забудешь?

Он еще шире улыбнулся и покачал головой:

— Лучше так, чем если рука потеряет подвижность, и мы оба из-за этого погибнем. — Он перестал улыбаться, глаза стали серьезными. — Я тебя за руку подержу.

— Этого еще не хватало!

Я посмотрела на него сердито.

— Я другим маршалам не предлагаю держаться за руки.

Мы посмотрели друг на друга, и в наших взглядах были все годы, которые мы прикрывали друг другу спину, годы дружбы.

— Спасибо, — кивнула я.

Он улыбнулся, но глаза остались такими же серьезными.

— Всегда пожалуйста, но погоди благодарить, пока перестанешь ругать меня.

— С чего я тебя буду ругать? .

— Быстрое заживление означает, что все лекарства через твой организм пройдут быстрее, чем в норме, так?

Именно в этот момент у меня в руке случился такой спазм, что я чуть не рухнула на колени. Эдуарду пришлось подхватить меня, иначе бы я упала. Когда ко мне вернулся голос, я ответила:

— Ага.

— И такой серьезной раны у тебя не было с тех пор, как заразились ликантропией.

— Без лечения противоестественными методами — не было.

Я сама слышала в своем голосе придыхание.

— И ты не знаешь, действуют ли на тебя обезболивающие, или — как у всех ликантропов — слишком быстро выводятся из организма.

Я уставилась на него. Меня уже прошибал пот и на лице появилась бледность. Сильнее мне не побледнеть, не падая в обморок.

— Твою мать! — сказала я.

— Видишь? Я же тебе говорил, что ты будешь ругаться.

Он меня повез во внедорожнике с обожженной кормой. Мы поехали вслед за «скорой» в больницу, где нам предстояло выяснить, действуют ли на меня обезболивающие. Я была почти уверена, что нет.

Мать, и еще раз мать!..

Глава 24

Местную анестезию мне сделали прямо в руку, и доктор Филдс взрезал шрам. Он явно присутствовал на том же семинаре, что и Мэтт со «скорой», и сейчас в первый раз имел возможность проверить теорию на практике. Он совершенно честно сказал:

— Не уверен на сто процентов, что шрама не останется совсем, но состояние мышц и сухожилий станет лучше.

— То есть мы все это сделаем, и все равно могут остаться какие-то шрамы и ограничения подвижности?

— Да.

Наверное, я стала сползать с осмотрового стола, но рядом стоял Эдуард, и он положил мне руку на плечо и только качнул головой.

Черт побери!.. Он заставил меня лечь обратно и держал за руку, как обещал, черт и еще раз черт! Через час рука была взрезана, и местная анестезия при этом действовала. Нельзя сказать, чтобы это было приятно, и уколы были болезненны, а ощущение разъезжающейся под скальпелем кожи вообще противно, но это все еще цветочки, ягодки — это когда ее стягивали и накладывали швы. Ощущение всегда жутковатое, даже когда не больно по-настоящему. Мэтт со «скорой» даже спать не пошел, оставшись посмотреть, и множество других врачей и интернов тоже. Никто из них никогда не видел применения теории, и всем хотелось увидеть, хотя они оделись в костюмы полной защиты с лицевыми щитками — на случай, если брызнет кровь. Строго говоря, я была заразна, хотя многообразие инфекций свидетельствовало против этого. Но такое медицинское чудо не могло не вызвать у студентов-медиков невероятного интереса.

Мы с Филдсом уже обсудили, что швы должны быть рассасывающимися — просто на случай, если организм решит нарастить ткань поверх них.

— У вас вот так хорошо заживает? — спросил он.

— Я видела, что так бывает у других носителей ликантропии. Не хотелось бы рисковать, что придется снова оперировать для удаления швов из-под кожи.

Он с этим согласился.

Уже была наложена половина швов, как начало проходить действие местной анестезии.

— Обезболивающее выдыхается, — сказала я.

— Пришлось бы ждать, пока подействуют новые уколы, а у вас уже заживает, миз Блейк. Может потребоваться новое иссечение раны и швы? — или же я могу накладывать швы сейчас с опережением процесса заживления.

— Анита, посмотри на меня, — сказал Эдуард.

Я повернула голову — он стоял напротив доктора, глядя на меня спокойными глазами, и я кивнула.

— Делайте.

Я держала Эдуарда за руку, не отводя от него глаз ни на секунду, как не смотрела ни на кого никогда, а доктор Филдс лихорадочно накладывал швы, стараясь опередить процесс заживления. Даже с некормленным несколько дней *ardeur*_{ом} мой организм заживлял раны слишком быстро, и медпомощь не успевала. Вот блин!

Эдуард тихо говорил мне что-то, говорил о деле, стараясь навести мои мысли на работу. Какое-то время это помогало, потом анестезия выдохлась окончательно, а швы все еще накладывали. О работе я думать уже не могла. Он стал рассказывать о своей семье, о том, как управляется Донна в своей метафизической лавке, про успехи Питера в школе и в боевых искусствах. Сейчас зарабатывает второй черный пояс. Бекки с ее музыкальным театром. Надо же — он все еще возит ее на уроки танцев дважды в неделю. Этот факт мне настолько понравился, что я даже сказала:

— Хотела бы я посмотреть, как ты сидишь в зале ожидания со всеми этими мамочками из пригородов.

Он улыбнулся мне улыбкой Теда:

— Приезжай в гости — посмотришь.

— Договорились, — ответила я и сосредоточилась на том, чтобы не завопить.

— Кричать вполне можно, — сказал доктор Филдс.

Эдуард объяснил вместо меня:

— Стоит ей один раз крикнуть — и она уже не остановится. Лучше не начинать.

Филдс глянул на Эдуарда, задержал на нем взгляд на мгновение и снова помчался зашивать разрез. Ему пришлось мне сказать, что работа закончена — вся рука была сплошным комом боли, будто горела или... нет у меня слов для этого ощущения. Охрененно болела рука от верха раны до самого низа и еще в пальцы отдавало. Аж тошнило. И у меня были две задачи: не заорать и не сблевать.

Филдс дал нам какие-то таблетки.

— Это поможет ее успокоить на время, дать организму заделать повреждения.

— Надолго? — спросил Эдуард.

— На час, на два — если повезет.

— Спасибо, док, — сказал Эдуард, взял таблетки, но что с ними сделал — я не видела. Мир сузился до участка пола перед глазами, я сосредоточилась на дыхании, просто на существовании и попытках подавить боль или хотя бы вытерпеть ее.

— Кресло нужно, чтобы довезти ее до двери, — сказал кто-то.

Я не стала говорить, что мне оно не нужно: боялась открыть рот, чтобы не отдать все, что за день съела. Раз я не стала спорить, Эдуард тоже не стал. Так что я уехала из больницы в кресле на колесах, которое толкал один из медиков-зрителей. Оказалось, это медбрат, пытавшийся развлекать меня разговорами, и оказалось, что у него черт-те сколько вопросов о ликантропии. Ответов — вот прямо сейчас — у меня не было.

Эдуард перед посадкой в машину скормил мне одну таблетку. Я не стала спорить. Не могла вспомнить, говорил ли доктор Филдс, что это за лекарство, но оно оказалось сильным, потому что я только помню, как заурчал двигатель и сел за руль Эдуард, а потом я заснула.

Проснувшись я в кровати, в типичном гостиничном номере, и Эдуард подавал мне вторую таблетку и воду. Я стала возражать, и он сказал:

— Прими ее.

По тону было ясно, что либо я приму ее добровольно, либо он меня заставит. Я хорошо знала, что уж кто-кто, а Эдуард всегда сделает именно то, чем грозит, и будет унижительно, когда я не смогу ему помешать скормить мне таблетку насильно. Так что я тихо приняла таблетку без дальнейших споров, и сон снова накрыл меня прежде, чем я успела подумать, насколько болит рука. И это было хорошо, наверное.

Не до конца проснувшись, еще не очень осознавая себя, я почувствовала, что вокруг меня обернулся мужчина. Я прижала его руку поближе к талии, заворачиваясь в него, как в любимый плед, а потом еще большая близость дала мне понять, что он голый, и так как единственный мужчина в комнате на момент, когда я ложилась спать, был Эдуард, тут возникла проблема. Вдруг широко раскрылись глаза, напряглись все мышцы.

Сонный голос у меня за спиной пробормотал:

— Хорошо пахнешь.

Голос я не узнала. Хорошая и плохая новости. Хорошая: этот голый мужчина — не Эдуард, и неловкость момента несколько снизилась. Плохая новость: я лежу в постели с голым незнакомым мужчиной. Что за черт?

Я попыталась отодвинуться, но рука напряглась, и он притянул меня в изгиб своего тела, наклонил голову, ткнулся лицом мне в волосы. Я приподнялась на локтях, повернулась посмотреть, кто это меня обнимает. Светлые до белизны волосы с красной прядью, спокойные серые глаза моргнули, глядя на меня. Этан поднял голову, я увидела в светлых волосах серый оттенок — мелкие завитки в сонном беспорядке.

Он смотрел вверх, чтобы, целуя меня в спину, видеть мое лицо. Как на ринге никогда не спускаешь глаз с лица противника, иначе тебе задницу оттяпают. Сейчас он приложил правильных очертаний рот к моей коже, рот с ямочками над и под губами, и смотрел на меня. Как будто ожидал, что я на него разозлюсь.

— Где Эдуард? — нахмурилась я.

— Ушел куда-то с полицейскими.

Я напряглась, рука прижала меня сильнее.

— Новое убийство?

— Он не обсуждает с гражданскими вопросы полицейского расследования.

— Ты его цитируешь.

Он кивнул и снова нежно поцеловал мою голую спину. Но глаза не опускал, будто всерьез боялся, что я его ударю.

— Что ты такое сделал, что чувствуешь себя виноватым? — спросила я.

Он заморгал, отодвинулся, чтобы можно было говорить, и ответил:

— Я не чувствую себя виноватым.

— Вид у тебя виноватый.

— У тебя вид сердитый, и ты сердисься. Я стараюсь не рассердить тебя сильнее. Скажи, какое выражение лица тебя устроит, и я постараюсь принять именно такое.

Я слегка улыбнулась и вздохнула.

— Ну, хоть не сердисься, — сказал он.

Я заметила, что опираюсь на раненую руку. Посмотрела вниз — рана оказалась полоской желтых и розовых чешуек. По виду судя, ей уже было несколько дней.

— Сколько я спала? — спросила я.

— Не столько, — ответил он.

Я села, и он чуть отпустил меня, давая это сделать. Рукой я вцепилась в простыню, так что груди были хоть чуть-чуть да прикрыты. Судя по виду раны, мы уже несколько дней спали голые, но я не знала, что мы голые, и не спрашивала, так ли это, и потому предпочла прикрыться. Вот такие у меня маленькие странности, и я перестала с ними бороться.

Я протянула руку к нему, лежащему на кровати.

— Ведь действительно можно считать, что зажило, а ведь заживало не как обычно. Значит, дни прошли.

Одна его рука лежала у меня за спиной, так что, если бы я легла обратно, могла бы с ним обняться, но что-то не знаю, хотелось ли мне сейчас обниматься с кем бы то ни было. У меня были вопросы, и я хотела получить ответы.

— День прошел, всего день. Мы с Алексом спали с тобой по очереди, и наша энергия помогла тебе вылечиться.

— Если с нами спит оборотень нашего вида, у нас все заживает быстрее. — Я нахмурилась. — Погоди, а если тут целый клан тигров, почему вы дежурили по одному? Будь вас двое, энергии было бы больше, и быстрее бы зажила рана.

— Красная королева не желала рисковать своими самцами. Мы двое подошли к тебе близко, и оба были сокрушены.

— Сокрушены?

Он улыбнулся и кивнул:

— Именно.

Этан потерял о подушку затылком, и движение прошло вниз по позвоночнику, он извивался частями, будто кто-то его гладил по спине, и эти извивы ушли под простыню, все еще накрывавшую его бедра.

А меня почему-то заморозил край простыни, наброшенный на живот. Ноги под простыней задрожали, будто извивы наконец охватили все тело. От них простыня сползла чуть ниже, и один бок показался почти полностью, но именно сбоку. С другой стороны простыня была подоткнута, и потому осталась на месте.

Он вдруг засмеялся, я посмотрела ему в лицо и спросила:

— Что?

— Мне очень нравится, как ты на меня смотришь.

Я нахмурилась.

— Что я сказал, плохого?

Я нахмурилась сильнее, но потом только покачала головой. Заставила себя отвернуться от него, подтянула колени к груди, накрыв себя спереди. Сзади зато стала совершенно голая, но все имеет свои теневые стороны.

— Можно мне коснуться твоей спины?

Я чуть не ответила автоматически «нет», но взяла себя в руки и заставила быть разумной. Так или иначе, аardeur утолить нужно — позволить себе еще раз такую рану я не могла. «Арлекин» в городе, и мне нужна вся метафизическая помощь, которая есть. Раз Алекса здесь нет, пищей придется послужить Этану. Но уж так не хотелось никого нового пускать в мою жизнь. Хочется надеяться, он не вернется домой со мной. Но все же...

— Да, — сказал он, — твой друг оставил тебе записку.

Он протянул руку. Ночной столик, типичный для типичного номера гостиницы, был так близко, что ему даже не пришлось менять положения тела, двигалась только рука. Он подал мне клочок белой бумаги.

Я развернула и узнала четкий почерк Эдуарда — он почти всегда писал печатными буквами. Записка была краткой и прямой: «Хватит фаст-фуда. Поешь нормально. Мне нужно, чтобы ты мне прикрывала спину. Тед». Слово «Тед» было действительно подписью, небольшой и как-то

непривычно небрежной. Когда он подписывался «Эдуард», выходило тщательней. У двух его личностей даже подписи были разные, будто они и в самом деле существовали.

Я перечитала записку. Эдуард писал так, будто мне нужен хороший бифштекс к обеду вместо фаст-фудных бургеров. А это не так, ну совсем не так. Но сейчас он там без меня, охотится за «Арлекином», а я не прикрываю ему спину. Что я скажу Донне и детям, если он из-за этого погибнет? Себе я что скажу?

Твою мать.

— Неприятности? — спросил Этан.

Я глянула на него:

— Ты не смотрел?

— Это не мне написано.

— Не запечатано, просто сложено. И ты не заглянул?

— Это не мне написано, — повторил он, нахмурившись.

Я посмотрела на него. Меня к нему тянуло с минуты, как я его увидела, — или моих тигриц тянуло, я уже не могла разобрать. Может, это все и есть я. Может быть, звери во мне просто открыли то, что и без них существовало? Кто может знать? Секс с этим мужчиной нельзя назвать судьбой хуже смерти. Что же вызывало мою неловкость? Секс с незнакомым, или секс вообще, или то и другое вместе? Наверное, последнее. Я отвернулась от Этана, уставилась на стенку, где висела копия-с-копии какой-то картины, а рядом стоял ночной столик с телевизором. Я попробую. А если будет очень уж не так, остановлюсь и буду ждать Алекса. С ним я хотя бы уже спала.

— Да, можешь коснуться спины, — сказала я, хотя заставить голос звучать без напряжения у меня не получилось.

Но Этан отреагировал на слова, а не на интонацию. Пальцы его прошлись по спине, спустились ниже, к краю ягодицы.

— Это не спина, — сказала я.

Он убрал руку:

— Извини, — сказал он тихо.

— Да не за что, это мои проблемы. Всегда у меня проблемы, когда секс — необходимость.

Он сел, натянув простыню себе на колени, чтобы остаться закрытым. Это значило, что мне пришлось держаться за простыню, чтобы тоже не открываться, но я оценила эту скромность.

— Могу позвать Алекса. Он сейчас на работе, но можно его спросить, как скоро он сюда прибудет.

Я посмотрела ему в лицо — тщательно замкнутое и... страдающее. И вспомнила его слова, хоть с некоторым опозданием, о том, что женщины клана его не хотят. А, черт.

Я вздохнула и сказала:

— Я не могу прямо сейчас объяснить все свои закидоны, но дай мне минуту. Я тебя хочу. Меня к тебе тянет. Я только не рассчитывала проснуться рядом с тобой еще даже до того, как у нас был секс. И не рассчитывала, что пропущу охоту, пока буду выздоравливать.

Я подтянула колени к груди.

— Я привыкла к быстрым исцелениям из-за метафизики. Думала, что это связано с вампирскими метками и ликантропией, и не сообразила, что точно так же здесь играет роль *ardeur*.

— И это тебя огорчило?

— Ага, — кивнула я.

— А почему?

— Я теперь могу днями не кормить *ardeur*. И это меня так радовало и настолько облегчало работу федерального маршала, но вот выяснилось, что у этого воздержания своя цена. На охоте за преступниками мне нужна способность быстрого исцеления, а это значит, что утолять *ardeur* нужно регулярно. Ты знаешь, как это трудно, когда у тебя на руках активный ордер на ликвидацию за пределами штата?

— Нет, но могу себе вообразить. Я чувствовала, как его покидает напряжение, и он уже просто сидел на кровати, а не ждал, что сейчас надо будет встать и позвать Алекса. — Можно мне потрогать твоё тело сзади? И заметила ли ты разницу формулировки?

Я подумала секунду, пытаюсь сообразить, отчего я сама себе все время так мешаю. Наконец я ответила:

— Да и да.

Он снова коснулся моей спины, и я напряглась на этот раз.

— Тебе действительно неприятно, что кормиться надо так часто.

— Да, — ответила я, чуть сильнее обнимая колени. — Почти невозможно выполнять ордера за пределами штата.

Он положил мне руку на плечо — не поглаживая, а с дружеским участием.

— Но ты говоришь, что можешь сейчас при необходимости целые дни поститься, и по твоим словам получается, что раньше так не было.

Я подумала и ответила:

— Нет. То есть не было, ты прав.

Он придвинулся ко мне ближе, оставаясь сзади. Я заставила себя расслабить плечи, хотя мне не нравилось, что я его не вижу. Я с ним несколько часов спала в постели голая. Он уже доказал, что готов рисковать жизнью, защищая меня. Он доверился моему умению обращаться с оружием настолько, что пошел на получение ножевой раны и отдал себя на милость арлекина. Чего еще я могу от него хотеть?

Он положил ладони мне на плечи:

— Ты все еще напряжена. Чем я могу тебе помочь?

— Помоги в ближайшие пять минут пройти курс психотерапии за несколько лет.

— Не понимаю, — ответил он, и мне не надо было видеть его лицо, чтобы понять, насколько оно озадачено. По голосу слышно было.

Я покачала головой и теснее обняла колени.

— Не обращай на меня внимания.

— Не хочу не обращать, — сказал он, и голос прозвучал ближе. Этан отодвинул мне волосы в сторону, я почувствовала нерешительный жар его тела, а потом — губы на своей спине. Я не возразила, и он поцеловал меня, и я не возразила снова, он поцеловал еще раз, чуть ниже. Кровать шевельнулась, а он целовал ниже, ниже, осторожно и нежно. И мне с каждым поцелуем становилось все спокойнее, руки перестали сжиматься, спина выпрямилась, и когда он дошел до конца спины, я уже сидела ровно.

Он водил языком по кругу у основания позвоночника, и я задрожала в ответ, и тогда он стал запускать язык ниже, между ягодиц, и я удивленно пискнула, и он чуть прикусил одну ягодицу.

— Господи! — прошептала я.

— Я так понял, что тебе нравится, — сказал он более низким голосом.

Мне что, врать надо было?

— Да, — ответила я, и мой голос слегка дрогнул.

Он снова укусил меня, чуть сильнее, но еще не сильно. Я полуперевернулась, полусвалилась набок. Он двигался зубами дальше по ягодице, усиливая нажим, у меня снова мурашки побежали по коже, в горле перехватило дыхание. Он взял меня за бедро, приподнял, и я раскрыла перед ним ноги. Он взялся зубами за последний сантиметр ягодицы, еще не добравшись до другого, и на этот раз укусил меня достаточно сильно, чтобы я ахнула и попыталась сесть, но его руки держали меня за ноги и ягодицы, так что сесть не получилось. И я, глянув вниз, неожиданно увидела его лицо у себя между бедрами, он на меня смотрел.

— Слишком сильно? — спросил он.

Щекой он прижался к моему бедру, другая рука обернулась вокруг другого бедра, приподнимая его и отводя в сторону.

— Чуть-чуть, — ответила я с придыханием.

— Ты всюду любишь зубы?

Странной была эта серьезность, когда его лицо было у меня между ногами. Но если учесть, рядом с чем оно было, вопрос был серьезным.

— Нет, не всюду.

Он улыбнулся — губы изогнулись, ямочки около рта стали еще глубже.

— Тогда на этом месте больше их не будет.

Честно говоря, покусывание с внутренней стороны бедра — штука хорошая, если выполняется правильно, и чуть-чуть зубов в интимных местах на меня хорошо действует, но Этана я не знаю. Мысль остаться по эту сторону риска показалась мне правильной.

— Что-нибудь еще такое, что ты хочешь, чтобы я сделал?

Я задумалась. Он вытянул мне ногу и положил себе на бок, другое мое бедро используя как подушку. Как-то очень расслабленно.

— Постарайся не оставить следов, которые мне придется объяснять другим копам.

— Но там, где не видно, можно?

— Зависит от того, какой след. Но если я в правильном настроении, то люблю, когда они остаются.

— Что я могу сделать, чтобы привести тебя в правильное настроение?

— Ты любишь оставлять следы?

— Только если ты это любишь.

— А что любишь ты?

Настроение секса и соблазна переходило постепенно во что-то более нормальное.

Он улыбнулся почти застенчиво. Хотя это слово не совсем уместно, когда мужчина лежит щекой у тебя на бедре и смотрит на самые тайные части твоего тела, но все равно правда.

— Скажи, — потребовала я.

Он наморщил лоб и спросил:

— Тебе действительно интересно?

— Конечно.

Он погладил мне внутреннюю поверхность бедра, просто погладил.

— Почему «конечно»?

— Я хочу, чтобы тебе тоже было в радость.

Он улыбнулся, и вдруг серые глаза наполнились чем-то очень похожим на смех.

— Мне еще как в радость. Мне надо, чтобы обязательно было в радость тебе.

— Почему?

— Если тебе будет в радость, больше шансов, что ты опять со мной окажешься.

Идеальная мужская логика.

— Но я все-таки хочу знать, что тебе приятно, Этан.

У него лицо стало озадаченным:

— Люблю секс с девушками.

Я не могла не улыбнуться:

— Это, кажется, мы обеспечили.

Он снова усмехнулся, и снова лицо у него стало застенчивым.

— Я хочу трогать тебя везде, где ты позволишь. Хочу столько тебя, сколько смогу получить. Хочу всего, что ты разрешишь мне делать. — Застенчивый вид сменился несколько печальным.

— Когда я начну утолять *ardeur*, мы оба во многом потеряем над собой контроль.

— Я не хочу терять контроль слишком рано, — сказал он. — Я хочу подольше.

Я кивнула:

— Мне нужно напиться и вернуться к расследованию убийства, но... давно у тебя не было?

Он покачал головой, потерся щекой о мою ногу.

— Не хочу говорить. Иначе получается секс из жалости.

Я погладила ступней его ногу и позволила себе выразить на лице, как он восхитителен, свернувшийся у моих ног. Я все еще не видела его голым целиком, но если там хоть в половину так же красиво, как сверху, то посмотреть стоит. Я дала ему увидеть, что я его вижу, и он красив. И он желанный, и я поняла, что *ardeur* теперь не только к сексу имеет отношение. Он требовал все больше и больше: дать партнеру то, чего он желает в сердце своем. Этан хотел того, чего хотят многие: быть для кого-то желанным. Все мы этого хотим. И я изо всех сил постаралась ему показать, что я его желаю.

Лицо у него стало слегка удивленным, будто никто уже очень давно так на него не смотрел. Я протянула ему руку.

— Наверное, я сначала это сделаю, — сказал он.

— Поверь мне, я хочу этого, но сперва я хочу целоваться и обниматься. А после орального секса мне сразу захочется, чтобы ты мне засадил.

У него глаза открылись шире, он вздрогнул.

— Что такое?

— Твой разговор...

— Я что-то не так сказала?

— Нет, это классно. Это просто... идеально.

Он встал на четвереньки, подполз ко мне, и я впервые увидела его совершенно голым.

Лицо его было прямо над моим, и он сказал:

— Ты на мои части смотришь так, как некоторые мужчины смотрят на груди.

Я покраснела невольно, глянула сердито на него, стоящего коленями между моих раздвинутых ног, руки у меня на плечах, и оба мы совершенно голые. Я попыталась напустить на себя достоинство и позорно провалилась. Он улыбался мне, и эта широкая улыбка с ямочками сказала мне, что действительно ему хорошо.

— Я не думал, что ты покраснееешь.

Я продолжала смотреть недовольно, и краска сбежала с лица. Попыталась сложить руки на груди — но при моих размерах это не получается.

Он лег рядом со мной, приподнявшись на локте, смотрел мне в лицо.

— Многого я ожидал от тебя, Анита, но не этого.

— Не чего? Что я покраснею?

— Это, и еще ты такая... — Он коснулся моих волос, осторожно, будто не зная, позволю ли я. Я не возразила, и он погладил мне щеку. — Такая милая.

— Я не милая.

Он улыбнулся:

— Трогательная?

Я нахмурилась. Он рассмеялся.

— Ты слишком недавно меня знаешь, чтобы тебе это было так забавно.

Но я сама слегка улыбнулась при этих словах.

— Ты просто не такая, как я ожидал.

— Чего ты ожидал?

— Чего-то более жесткого, сурового. — Он посмотрел на меня с головы до ног. — Ты красивая.

Я пожала плечами.

— Я серьезно.

— Спасибо, ты тоже не урод.

— Ты не отвечаешь своей репутации.

— В каком смысле?

— Ходят слухи, что ты страшная соблазнительница. Что бедных маленьких тигров-оборотней ешь на завтрак, овладеваешь сперва их телами, потом их сердцем.

— Я тебе сказала, что утоление ardeur'a может сделать тебя моим рабом со всеми потрохами. Сердце включается.

— Сказала.

— И я не врал. Этан.

Я смотрела ему в лицо, пытаюсь сообразить, понимает ли он до конца, что может с ним случиться. Он невероятно одинок, очень хочет быть нужным и кому-то принадлежать. Ardeur даст ему то, чего он хочет, но у «принадлежать кому-то» есть своя цена. Она в том, что этот кто-то будет тобой владеть.

— У меня дома почти дюжина любовников, Этан. Если ardeur тебя привяжет ко мне, то ты попадешь в очередь. А в ней всегда есть внеочередники: Жан-Клод, Натэниел, Мика, еще некоторые.

— Насколько часто ты бываешь с мужчинами, не возглавляющими этот список?

Я коснулась его груди, провела рукой по мускулистой выпуклости. Такой поджарый, что все мышцы на показ. Чуть-чуть еще — и был бы тощий, а сейчас — просто такой тип тела.

Он накрыл мою руку ладонью, придержал возле груди.

— Насколько часто?

— Не веду журнала.

— В среднем?

— Дня три в неделю, наверное.

Он удивленно рассмеялся. Я посмотрела на его лицо.

— Это куда лучше, чем у меня есть сейчас.

— При условии, что ты не против других мужчин в постели со мной. Поскольку их много, мы часто организуем групповые сцены. Получается чаще для каждого.

— И ты единственная девушка на всю эту компанию?

Я подумала и ответила:

— Нет, у некоторых есть другие любовницы.

— И ты не возражаешь?

Тут уж настал мой черед удивиться.

— Смеешься? В сутках всего двадцать четыре часа, так что помощь весьма приветствуется. Особенно для мужчин, в которых я не влюблена.

Он кивнул.

— Значит, я могу завести себе девушку, если найду кого-нибудь, кто согласится?

— Я всей душой была бы за.

— Потому что в меня ты влюблена не будешь.

— Но может выйти так, что ты в меня влюбишься, это понятно?

— Понятно, — ответил он с серьезным лицом.

— И ты все равно согласен быть мне пиццей?

Он поднес мою руку к губам и нежно поцеловал ладонь.

— Ты уже мне дала больше физического контакта с женщиной, чем у меня за два года было.

Я не могла сдержать удивления и ужаса, отразившихся у меня на лице.

— Боже мой, Этан, даже голые в куче не спали, как котят?

— Я отверженный, Анита, меня едва терпят. Буду у них бойцом до тех пор, пока не найдет кто-то более сильный и быстрый и меня не убьет. Только за этим я и нужен красному клану. С живым щитом по ночам не обнимаются.

— Сурово.

— Такова моя жизнь.

«Так себе жизнь», — мелькнула у меня мысль.

— Если переедешь в Сент-Луис, много с кем можно будет пообниматься — если ты не требуешь, чтобы все это были тигры.

Он переплел пальцы с моими:

— Какие у тебя маленькие ручки.

— Как и все остальное.

— Ну, не все, — улыбнулся он. — Груды у тебя восхитительные.

— Ага, ага. Занимают грудную стенку полностью.

— Нет, есть еще мышцы. Ты в поразительной форме. На тренажерах работаешь как телохранитель.

— Я с нашими охранниками занимаюсь там при любой возможности.

Он посмотрел большими глазами:

— Ни разу не слышал о царственной особе, которая тренируется с охранниками.

— Я насчет царственности как-то не парюсь.

— Наша королева считает, что ты не проявляешь к ней достаточного уважения.

— И она права.

— Как это чудесно — снова спать рядом с женщиной. Я даже не понимал, как много теряю, когда некого просто обнять.

Я поняла, что Этан недостаточно доминантен, чтобы двинуть процесс вперед. Значит, мне надо быть смелее, а то еще час уйдет на разговоры. То есть разговоры — это хорошо, и мне нравилось, что мы с ним можем разговаривать, но мне нужно было утолить *ardeur* и найти Эдуарда. Я ему нужна — прикрыть спину.

— Поцелуй меня.

— Что? — спросил он.

— Поцелуй меня.

Он посмотрел тревожно, неуверенно.

— С тех пор, как ты целовался с женщиной, тоже два года прошло?

— Да.

Это он сказал шепотом.

Я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка была ласковой.

— У тебя должно хорошо получаться.

— Откуда ты знаешь?

— Ты — оборотень, а потому кинестетик, и я видела тебя в бою. Ты владеешь своим телом, и это очень помогает в постели.

— Я знал бойцов, которые не очень отличались в спальне.

— У них были проблемы.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у всех есть, — ответила я. — «Но если их будет слишком много, я выпущу *ardeur*, и он уберет все сомнения.

— Ну, не думаю, чтобы я настолько нервничал, — сказал он, отпустил мою руку и просто смотрел на меня.

— Нервничать можно.

— А ты нервничаешь? — спросил он.

Я улыбнулась:

— Недавно еще да, но сейчас уже нет.

— Почему?

— Потому что ты нервничаешь сильнее.

— Бессмыслица какая-то. Почему тогда ты не нервничаешь сильнее? Почему из-за нервов считаешь меня слабаком?

— Ты меня назвал милой. Возвращаю комплимент.

— Милый — это не то, каким женщина хочет видеть мужчину.

— Ну, я думаю, тебе еще предстоит встретить много женщин, которые это качество в мужчине ценят чертовски высоко.

— А ты?

Я снова улыбнулась ему:

— Поцелуй меня, Этан. Просто поцелуй и двинемся дальше.

— А почему не выпустить *ardeur* питаться и не снять все сомнения?

— Потому что я хочу, чтобы это делали мы, только мы, без метафизики.

— Почему? — повторил он.

— Чтобы медленно ввести тебя в первый за два года секс, а не набрасываться на тебя как голодный волк.

— Набрасываться на меня?

Он посмотрел на меня так, будто считал это невозможным.

— И еще как, — сказала я. — Наброситься и смять в лепешку.

Он улыбнулся, засиял, ямочками:

— Ой, вряд ли.

— Если ты про армрестлинг, то конечно, нет. Руку бы я тебе не положила, но речь же не о силе.

— А о чем? — спросил он.

— О сексе.

Он сдвинул брови:

— Тогда, похоже, мы с тобой по-разному понимаем слово «наброситься».

Я улыбнулась:

— Наверное, да, но ты же хочешь секса со мной?

— И очень.

— Тогда победа была бы моя, потому что ты хочешь, чтобы я на тебя набросилась.

Этан снова засиял ямочками.

— То есть ты говоришь, что я позволю тебе победить.

Я подняла руки, провела ими вверх по его плечам и притянула его к себе.

— Я говорю, что победа была бы обоюдной.

Мои ладони спустились ниже по его спине, он придвинулся ближе.

Лицо его было так близко, что перед глазами расплывалось.

— Побеждать я люблю, — сказал он.

— И я тоже, — прошептала я прямо ему в губы.

И он меня поцеловал, сперва осторожно, будто не совсем знал, что именно делать, потом у него вырвался стон, полный желания и муки, и вспомнил, как целоваться. Вспомнил, как жадными руками гладить мое тело. И поцелуй длился, пока не пришлось прервать его хотя бы для вдоха, и мы разлепились, смеясь.

И продолжали смеяться, а Этан чуть шевельнул бедрами, и я почувствовала его.

— Ты красив, — сказала я.

— Ни одна женщина до сих пор такого не говорила.

Я посмотрела ему в лицо:

— Дуры они были, а я люблю мужчин. И все в них люблю.

— Многие женщины слегка нас боятся.

Я замотала головой:

— Я не боюсь.

— Да, — сказал он чуть более низким голосом, — ты не боишься. — Он выскользнул из моих рук, спустился по телу ниже. — Хочу тебя распробовать. Хочу смотреть на твое тело и видеть, как у тебя глаза закатываются, а тогда я в тебя вдвинусь.

Я смотрела на его тело, смотрела в глаза, темнеющие от желания, и от одного этого внизу сжалось. Я попыталась себе помешать, не дать себе насладиться моментом, но ardeur уже притаился в моих глазах, в голове, в сердце, в кишках, и я хотела этого мужчину. Звери во мне почему-то стали странно вялыми. Тигрицы всех мастей, что так его хотели, вылизывали кончики хвостов, на меня поглядывая, открывали ленивые глаза цвета огня и трех оттенков синего: светлое небо, серая голубизна пасмурного дня, и синева с рассветным золотом. Все три тигрицы по отношению к мужчине, целовавшему дорожку вниз по бедру, казались почти спящими, довольными, будто уже насытились или вот только-только очнулись от дремоты. Очевидно, обезболивающие, которые мне дали, хорошо подействовали. Я мысленно завязала узелок: спросить название лекарства, чтобы сообщить другим оборотням. Анальгетик, действующий на ликантропов, — воистину благословение божие.

Тигриц вполне устраивал вариант — дать питаться ardeur'у, а самим валяться, как гигантским кошкам, и только смотреть. А может, я так давно не утоляла ardeur, что даже звери во мне знали: его надо насытить в первую очередь. Может быть, им не нравилось, что оболочка моего тела так серьезно повреждена. Откуда нам знать, что думают тигрицы?

Этан прижимался лицом мне между ног и, медленно целуя, подбирался все ближе и ближе к самому интимному. И снова я попыталась сама себе усложнить жизнь: как это я разрешила незнакомцу тыкаться в себя мордой? Но он передвинул губы с бедра на другие места, и от одного движения губ и языка у меня спина выгнулась, голова запрокинулась на подушку, руки вцепились в простыню.

Такие теплые были у него губы, язык ласково исследовал, пробовал меня на вкус. Он мне точно сказал, чего он хочет, и сейчас это делал. Не только ощущение было восхитительно, но и искренняя его радость при этом. Некоторые мужчины, как, впрочем, и некоторые женщины, оральный секс исполняют как долг, но есть и такие, которые ему радуются. Которые наслаждаются каждым моментом действия, радостно переживают каждое движение языка и губ, каждый сладостный спазм партнера. Этан оказался именно таким. Но у него были годы, чтобы на эту тему фантазировать, и вот фантазия стала реальностью, поэтому сейчас он хотел получить от ситуации все, что она могла ему дать.

Он столкнул меня за край наслаждения, восхитительная тяжесть разлилась по всему телу. Спина выгнулась так, что верхняя половина тела у меня приподнялась, как у марионетки, которую дернули за ниточки, и снова я рухнула на кровать, будто нитки обрезают и я задергалась на простынях, не в силах подняться. От наслаждения я стала бескостной, беспомощной, и даже веки не могла поднять, ничего не видя.

Кровать шевельнулась, покачнув меня, я поняла, что он ползет по мне вверх, но лишь ощутив его там, где только что он вылизывал, я снова вскрикнула, изогнувшись и задергалась, широко открыв глаза, глядя на него, а он снова чуть задел те же места, и я снова изогнувшись в судороге.

И легкие подергивания предоргазма стали подступать ко мне, и непонятно было, успею ли я до того, как он? Я хотела, чтобы до этого он оказался внутри меня.

Мне хотелось найти для этого слова, суметь произнести, преодолевая теплоту и тяжесть, что уже нарастали между ног.

Он выдавил с напряжением:

— Не могу сдержаться. Слишком уже.

Я сумела просипеть на вдохе:

— Войди, войди!

Он посмотрел вытаращенными серыми глазами, только кивнул, — и я почувствовала, как он это делает.

— Господи боже мой! — вскрикнула я.

— Еще не вошел, — сказал он, — прошу тебя, не шевелись так бурно.

«Бурно» прозвучало уже сдавленно, глубоким, нетерпеливым голосом, как будто куда больше его тела хотело оказаться внутри меня.

Я попыталась выполнить просьбу, не шевелиться, но не могла перестать — части тела не слушались.

— Как ты обхватываешь меня! — выдохнул он.

— Сильнее, глубже! — сумела я сказать.

— Не хочу делать больно.

— Не будет, обещаю.

Он мотнул головой, попытался сохранить ту же осторожность, но я уже не могла терпеть — или *ardeur* не мог, или мы оба. Я отпустила страсть на волю, эту волну жажды и желания. И только что он был осторожен, и вот глаза у него такие бешеные, что белки видны, и вот он вбился в меня одним мощным движением бедер. Я заорала его имя, заорала в потолок, и он стал врываться и вырываться в почти отчаянном ритме, пытаюсь смирить свое тело и мое и *ardeur*, и это тянулось и тянулось, и я извивалась и уже в стену над головой выкрикнула его имя:

— Этан!

И ногтями вцепилась в кровать, ища якорь для себя, для нас, и он скакал надо мной, и я чувствовала, как он заполняет меня, заполняет весь.

— О боги! — взревел он.

Я посмотрела на него и увидела, что меняются серые глаза. Были они просто тигриными, сейчас стали тигриными цвета янтаря и утреннего неба. Я знаю этот цвет.

Еще раз ударили в меня его бедра, загоняя так глубоко, что ощущение задрожало на острие между невероятным наслаждением и почти болью, но он и меня потянул за собой, и мы помчались вдвоем на волне оргазма, и *ardeur* начал свой пир. Я насыщалась от его тела у меня между ног, от проливающегося в меня из него жара, от собственных ногтей, царапающих его плечи и руки, и он приподнялся надо мной в последней судороге, мы душераздирающе вскрикнули, и тело его отдало все. Человеческая оболочка, нависшая надо мной, пролилась густым горячим дождем, превратилась в золотисто-меховое с полосами темного янтаря, и те же полосы обрамляли лицо и каре-синие глаза.

— Анита! — зарычал он. — Что ты сделала со мной?

Я погладила светлую сухую шерсть его рук, невероятно мягкую.

— Вернула тебя домой.

Он рухнул на меня, и пришлось в последнюю секунду оттолкнуть его, чтобы его потяжелевшее тело не придавило меня к кровати. Он все еще был во мне, но в этой форме тоже стал больше, и я повернулась, чтобы мы оба лежали на боку, одна моя нога закинута ему на бедро. Чтобы обвиться вокруг него, надо было шевелиться, а на это я не очень еще была способна.

Наверное, он попытался из меня вытащиться, но не привык к своему новому размеру, и только что у него был секс, а потом — бурное превращение, оставившее его без сил. Он заморгал, глядя на меня.

— Это не я.

— Я учуяла в тебе золото при первой встрече, — ответила я, и голос прозвучал хрипло.

— Не может быть. — Он сумел положить мне руку на бок, увидел на моей белой коже свой золотистый мех. Он заурчал чуть тише от удивления, от изнеможения, от потрясения, и сумел из меня выйти — от этого движения вздрогнули мы оба. Когда к нам вернулась речь, он сказал: — Четырех форм ни у кого нет.

— У тебя есть, — ответила я, и положила руку на его мускулистую грудь.

В человеческом виде у него были прекрасные мышцы, но сейчас стали еще даже больше — он был похож на бодибилдера. Мне подумалось, как же должны выглядеть в человеко-звериной форме те оборотни, которые всерьез занимаются бодибилдингом. Секс в полузвериной форме — вещь необычная, поэтому я никогда их так близко не видела.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

Я перевела взгляд с его груди на лицо, странно-привлекательный гибрид человеческого лица с кошачьей мордой, и сказала единственное, что могла сейчас:

— Что ты красив.

Он улыбнулся по-кошачьи, отвел губы, блеснув зубами, которые могли меня разорвать в клочья. Заключил меня в объятия — самым сухим предметом в этой постели был его мех. Я никогда не могла понять, как это жидкость от превращения заливает все вокруг, оставляя мех сухим.

— Я тебя всего измажу, — сказала я.

— Это же моя грязь, — прошептал он, притянул меня к себе, залитую этой остывающей густой жидкостью. Обнял меня, и мне пришлось ткнуться в него лицом, устроиться под мышкой, на груди, на животе, возле него всего, но сейчас это был уже не секс, а уют. Он обнял меня крепче, привлекая к себе, и его начало трясти. Я не сразу поняла, что Этан плачет.

Я гладила его мех и мышцы, он был такой высокий, такой сильный, способный разорвать меня без малейшего усилия, но все это тело льнуло ко мне. Он льнул ко мне и плакал, а я обнимала его, гладила, утешала. Я не спрашивала, отчего он плачет. Не важно, какая печаль выходит из него слезами на меня, на мокрые простыни, важно было лишь обнимать его и говорить, что все, все будет хорошо.

Глава 25

До того, как мчаться раскрывать преступления, мне надо было принять душ — я была почти с головы до ног в густой прозрачной слизи. По прошлому опыту я знала, что она засыхает быстро и сразу становится жесткой и стягивающей. И очень мне не хотелось надевать поверх этого всего чистую одежду, тем более объяснять другим копам, что это такое и почему я вся в этом вымазана, — собственно, почему я и была в душе, когда постучался Этан.

— Анита! — позвал он, перекикая шум воды, но ему это удалось только со второго раза. И постучал он тоже второй раз, громче. — Анита!

Я выключила воду, схватила полотенце вытереть лицо, взяла с полочки за душем свой смит-вессон. Полочка для того, чтобы мыло не намокло, пока ты принимаешь душ, но черт с ним, с мылом, — там лучше держать маленький пистолетик.

— Что стряслось? — спросила я, держа пистолет в одной руке, полотенце в другой. После его ответа буду знать, есть ли у меня время подвязать волосы.

— Там у дверей какой-то маршал. Я же не могу ему открыть в таком виде.

Он оставался в получеловеческой форме и был абсолютно прав. Оборотни — полноправные граждане с некоторой медицинской проблемой, но для полиции они — ходячая общественная опасность. Некоторые сперва стреляют, а потом уже Бог и бюрократы пусть разбираются.

— Иду! — ответила я и сунула пистолет назад на полку, чтобы обернуть волосы полотенцем. Потом в другое полотенце завернулась — постаралась вытереться побыстрее. Неинтересно мне, чтобы какой-нибудь свехусердный маршал увидел в щелку тигра-оборотня и решил, что меня нужно спасать. Если какой-нибудь коп застрелит Этана, или мне придется застрелить копа, спасая тигра, — в любом случае это как-то хреново.

Закрепив полотенце и на всякий случай придерживая его левой рукой, я постаралась держаться с достоинством, максимально возможным в ситуации, когда нет времени одеться. Не надо, чтобы из-за моей застенчивости Этана застрелили.

Вышла я из ванной в полотенце и с оружием.

— Иди туда, — сказала я.

Он заморгал на меня сине-золотыми глазами:

— Я скрываюсь?

— Да нет, разве что с глаз скройся, пока я объясню тому маршалу, что ты свой.

Этан снова улыбнулся кошачьей улыбкой — оскалил зубы.

— А я свой?

Я еще успела ему улыбнуться под довольно требовательный стук в дверь.

— Еще какой.

Пистолетом я показала на ванную, и он пошел туда, пригнувшись в дверях. Когда за ним закрылась дверь, я пошла к двери номера.

— Кто там?

— Анита, это я! Бернардо Конь-В-Яблоках!

Я прямо застыла на месте. Бернардо я последний раз видела в Лас-Вегасе, где они с Эдуардом и другим маршалом гонялись за серийным убийцей из противоестественных. Маршалом он стал под своим настоящим и единственным именем, но до того, как получил значок, работал с Эдуардом как солдат удачи, свободный охотник и наемный убийца.

Опустив пистолет к ноге, я отперла дверь и открыла ее. Именно этот момент полотенце выбрало, чтобы начать соскальзывать, и я подхватила его как раз, когда дверь распахнулась.

— Вот это правильно, именно в таком виде должна женщина открывать дверь, — сказал Бернардо.

Я на него посмотрела сердито. Грудь я закрыла полотенцем, и соски видны не были, но все равно куда больше голой кожи, чем я планировала.

Он улыбался, на меня глядя. В стильных темных очках он выглядел идеальным, как модель — если кому нравятся высокие, смуглые и мужественно красивые. По внешности он — Индеец-С-Обложки для «Джей-Кью», но по манере — скорее для «Плейгёрл». Волосы почти до пояса разметались по плечам, такие темные, что в косых лучах солнца из окон отсвечивали синевой. Широкие плечи и торс в черной кожаной куртке, прилегающей как вторая кожа и подчеркивающей черноту джинсов, слишком хорошо очерчивающих контуры тела и уходящих в сапоги до середины икры.

— Я в душе была.

— Это заметно.

Улыбка у него была не привычная его «А поди-ка сюда», а выражала чистейшее, незамутненное удовольствие.

— Да прекрати свои шуточки и дай мне полотенце завязать получше.

— Дразнишься, — сказал он.

Я мрачно на него посмотрела, зашла за полузакрытую дверь и завязала полотенце снова. Закрепив его как могла, я снова открыла дверь и позвала его войти.

— На тебе так вообще только простыня была, когда я тебя впервые увидела.

Он вошел, держась ближе к стене, снял очки, оглядел комнату.

— Ты тогда на меня сразу произвела впечатление, так что с моей стороны все предложения были искренними. Но если с тобой за это время не случилось коренной перемены, ты мне такое бурное гостеприимство предлагать не станешь.

Его глаза рассматривали комнату, отмечая детали. Этан содрал с дальней кровати все до матраса — наверное, когда я была в душе, но это было правильно — если мы не хотим оплачивать мотелю новый матрас. Но, черт возьми, секс можно учуять носом, если он был только что.

Бернардо посмотрел на меня, несколько посерьезнев:

— На шторах видна была тень, намного тебя выше. Почему ты его прячешь ?

— Я думала, это кто-то из местных маршалов, — ответила я.

— Ты уже большая девочка, зачем скрываться?

Он посмотрел на меня очень пристально. Когда мы несколько лет назад впервые встретились, он изображал из себя красавца кавалера и скрывал, что к этому классному телу прилагается острый ум. Когда хочешь что-то скрыть, умные куда опаснее красивых.

— Этан, выходи, все в порядке! — крикнула я, не отводя глаз от лица Бернардо.

Он действительно вытаращил слегка глаза, но и только. На лице, впрочем, можно было прочесть: «Да, этого я не ожидал». Я его потрясла или по крайней мере удивила, и он попытался скрыть это, засовывая дужку от очков в нагрудный карман, потом занялся молнией на куртке.

Я оглянулась назад — Этан остановился примерно на полпути. Солнце из большого окна подсвечивало тонкие шторы — неудивительно, что Бернардо видел снаружи тень. Но сейчас Этан был обрисован этим ярким пробивающимся светом в полумраке номера, будто стоял посреди леса и солнце просвечивало сквозь листья. Будто ворвалась в будничный номер мотеля дикость джунглей, ворвалась золотистым тигриным мехом и золотом глаз. И еще он в этой форме был не ниже шести футов шести, а то и восьми дюймов. Бернардо сам был шесть и один и привык быть высоким. Левая рука у него отошла куда-то слегка назад, за выпуклость ягодицы, а я знала, что короткая куртка не без причины коротка — свое главное оружие он носил на поясице. Короткая куртка хуже греет, но не мешает быстро выхватывать пистолет. Скрытое ношение оружия зимой — всегда поиск компромисса между опасностью замерзнуть и опасностью быть убитым, завозившись с выхватыванием ствола.

— Бернардо, остынь, это свой, — показала я рукой на Этана.

Этан покачал головой:

— Он вооружен и он меня боится. Я лучше подходить не буду.

Я посмотрела на Бернардо недовольно:

— Бернардо, расслабься. Это мой... — *а кто он мой?* — ...любовник. Все в порядке.

— Эдуард мне сказал, что ты с местным тигром. Сказал, что ты утоляешь *ardeur*.

— Тогда почему ты не убираешь руку от пистолета?

— Потому что, судя по запаху и по виду кровати, он только что перекинулся, а значит, голоден.

Ты с ним в любви, тебя он не тронет. Меня он не знает.

— Оборотни-новички действительно вынуждены сразу после превращения есть. Но когда опыта побольше, это проходит. Ты правда думаешь, что я оказалась бы наедине с таким желторотым оборотнем, что он не может собой владеть?

— Ты вроде меня, Анита. Не всегда принимаешь правильные решения, увидев новый скаल्प.

— Мне не нравится формулировка. Никто из моих любовников не был и не будет просто «новым скальпом».

Он пожал плечами, но руку пока не убрал.

— Хорошо. Когда мы видим кого-то, с кем хотим переспать, не всегда продумываем все последствия.

Про меня это тоже правда? Конечно, правда про *ardeur*, который выбирает быстро и императивно, и не всегда наилучшим образом. Я сейчас лучше его контролирую, но... в общем, если он прав, то прав, и бог с ним.

— Анита, номер тесный, и если бы я тебе не доверял, то уже пистолет был бы направлен на твоего белокурого друга. И готов к выстрелу, потому что это единственный шанс против быстроты ликантропа на таком малом расстоянии.

— Знаю, — кивнула я.

— Так чего же ты ворчишь, что я держусь за пистолет?

Разумные слова. Я пожала плечами, отчего полотенце снова начало соскальзывать, но на этот раз я успела его подхватить раньше.

— Ладно. Этан, это маршал Бернардо Конь-В-Яблоках.

Этан помахал рукой — такой здоровенной, что мог бы обхватить голову Бернардо. Ну, вряд ли я могу что-то сделать, чтобы Бернардо себя непринужденно чувствовал с огромным оборотнем-тигром в тесном номере мотеля. А потом я сообразила еще одно: Этан ведь голый. Как почти все оборотни, он абсолютно этим не смущался, но в таком виде он не влезет ни в какую одежду, которую принес на себе в человеческом виде, когда он ниже шести футов. Трусы разве что?

Но многих мужчин напрягает видеть других мужчин голыми, особенно если те одарены природой как следует. У мужчины всегда в уме есть мерная линейка — когда дело доходит до определенных вещей. Кто выше ростом и у кого... ну, кто больше.

Я посмотрела на Этана в этом виде с мужской точки зрения и поняла, что не по одной причине может быть с ним неуютно мужчине-человеку.

Я снова посмотрела на Бернардо, и теперь моя была очередь была улыбнуться до ушей:

— А что, тебя смущает, что он голый?

Бернардо мотнул головой, но глазами стрельнул вниз. А я улыбнулась еще шире:

— Из всех мужчин-людей, которых я видала голыми, Бернардо, меньше всего про тебя подумала, что тебя можно подавить размером.

Я невольно рассмеялась.

— Ты хочешь сказать, что он в виде человека такой же большой, как я в этом виде?

Мало кто из мужчин мог бы спросить так прямо, как Этан.

Я посмотрела на Бернардо:

— Насколько я помню, да.

Бернардо выдал мне смягченную версию своей соблазнительной улыбки, но глаза не смеялись. Они были все так же насторожены, так же следили за самым опасным предметом в помещении. Он вполне готов флиртовать, но только если убедиться в безопасности тигра. Судя по его поведению, вряд ли он сочтет безопасным тигра-оборотня в получеловеческой форме.

— Он был твоим любовником? — спросил Этан.

— Нет, — ответила я, еще улыбаясь от уходящего смеха.

— Тогда откуда ты знаешь, как он оснащен? — спросил Этан.

Я на него посмотрела:

— Ревнуешь?

Кошачье лицо скривилось, но в глазах светился очень человеческий ум.

— Кажется, да, прошу прощения. Я знаю, что с тобой это не проходит, и в красном клане это тоже не принято. Женщины свободно выбирают мужчин, так что я не могу сказать, будто это свойственно моей культуре. — Он развел огромными руками. Я знала, что легким движением мышц выпускаются когти достаточного размера, чтобы меня вскрыть насквозь. — Просто очень давно уже ничего не было, и начать делиться так сразу — это несколько огорчает.

Я подошла к нему и обнаружила, что руки у меня заняты полностью. Отложив пистолет на край матраса, я обернулась к этой меховой башне, возвышающейся надо мной. Давно я уже знала, что физически подавляющая внешность не гарантирует, что твои чувства не будут ранены. Сердце у всех одного размера.

Я обняла его одной рукой, и его руки сомкнулись вокруг меня, прижимая к нему так, что давление наших тел удерживало полотенце на месте. Тогда я обняла Этана и другой рукой, перебирая мягкую густую шерсть у него на спине. Он наклонился надо мной, прижался лицом к макушке, выдохнул мне в волосы — так многие кошки поступают, нечто среднее между вдохом и выдохом и тихий звук, которым они разговаривают с котятами или с любимыми людьми. Хороший звук, нежный.

Я обняла его крепче, потерлась щекой о теплую грудь. Спереди шерсть была реже, и можно было коснуться кожи. Очень теплой.

— Спасибо, — сказал он и выпрямился.

Из-за объятия и движений полотенце стало сползать, но Бернардо была видна только голая спина. Пусть себе видит. Я обняла большого тигра и посмотрела вверх, ловя взгляд этих сине-золотистых глаз.

— Всегда пожалуйста. И тебе спасибо, что содрал белье с кровати.

— Иначе бы матрас пропал.

— Я знаю, но спасибо, что ты об этом подумал. Люблю мужчин со склонностью к домашнему уюту. — Я улыбнулась ему, но он был все так же слишком серьезен. Я зашла с другой стороны: — Я тебя действительно хочу и зову тебя к себе в Сент-Луис, когда закончим с этим делом.

Он улыбнулся — полыхнул страшными зубами, но я достаточно общалась с животными формами, чтобы видеть у него на лице радость и счастье в его глазах. Вдруг он поднял меня с пола — без малейшего усилия, поднял, чтобы заглянуть мне в лицо. В звериной форме нет губ, которые можно целовать, но я уже давно встречаюсь с ликантропами и знаю, как прильнуть лицом к лицу, как дать потереться меховой щекой о мою щеку — одну и другую. Я потерлась о его лицо в ответ, обняла его. Заметила, что полотенце меня уже больше не прикрывает, и у меня был выбор: загубить эту минуту ради стеснительности или плюнуть, что Бернардо смотрит на мою голую задницу. Я решила не париться и думать лишь о том, чтобы держалась эта радость на лице Этана. В конце концов, если можешь сделать мужчину счастливым, не наплевать ли на условности — тем более, между друзьями?

Глава 26

— Мы завернули золотистого Этана в остатки простыней и заставили сложиться так, чтобы влезть на заднее сиденье арендованной машины Бернардо. Еще в номере Этан сказал:

— Я мог бы подождать, пока ты вернешься.

— Это несколько часов — может быть, до утра.

— Подожду.

Я улыбнулась:

— Если бы эти сволочи не убивали тигров, я бы согласилась, но сейчас не хочу оставлять тебя одного.

— Ты думаешь, я не смогу себя защитить?

Опять это мужское самолюбие.

— Тебе сейчас после смены форм нужно поесть. Хотя очень не хочется, чтобы кто-нибудь знал о твоей золотистой форме, но единственное безопасное укрытие, которое я могу для тебя придумать, — это в красном клане.

— Но не навсегда? — спросил он, и даже при всей этой золотой шкуре и клыках, предназначенных для раздиранья мяса он был очень взволнован, почти испуган.

— Обещаю, Этан, что не навсегда. А сейчас мне пора ловить преступников.

И он спрятался на заднем сиденье, а я позвонила Алексу, чтобы кто-нибудь его встретил у входа. Алекс как раз собирался на работу (репортерскую, его ждала пресс-конференция), но обещал, что его встретят два охранника.

— Я принц клана, Анита. Они сделают, что я скажу.

— Если не возразит твоя мать, королева.

— Да, — рассмеялся он. — Именно в этом случае.

Но два охранника ждали Этана, чтобы отвести в подземелье и взять на хранение все оружие, которое ему в этой форме некуда было нацепить. Когда сквозь покрывало с кровати мелькнул золотистый мех, они приподняли брови.

— Больше никто не знает, — сказала я им, — и мне хотелось бы, чтобы так оно и осталось.

— Мы должны доложить нашей королеве, — возразил один из них.

— А если я запрещу это делать, что тогда?

Они переглянулись.

— Ты — маленькая королева. Но ты не убьешь нас, если мы что-то сохраним от тебя в тайне. Она — может.

— Если узнают про эту новую форму Этана и что-нибудь с ним из-за этого случится, а я сочту виноватыми вас — вы серьезно думаете, что я вас не убью?

— То есть его сохранность — наша сохранность?

— Вроде того.

— Анита, я себя сам могу защитить, ты это знаешь, — сказал Этан.

— Против кого угодно, кроме тех, кого мы сейчас преследуем. Я видела, как один из них разорвал вас десяток на месте. Мне хочется, чтобы ты был вне опасности.

Он обернул меня покрывалом от кровати, обнял меховой мускулистой рукой.

— Никогда ни одна женщина еще так обо мне не пеклась.

Я на это не стала говорить, что меня в основном заботит возможная потеря одного из немногих золотых тигров, не принадлежащих к линии, которую скрыли когда-то хорошие арлекины, а также генетическое разнообразие и прочие общие соображения, не сказала, что я еще не люблю его. Пусть верит в то, во что ему надо верить, а я вернусь к Эдуарду и прочим копам — нет у меня времени обсуждать с Этаном, что есть желание, что есть любовь, и какая между ними разница — такие разговоры получаются слишком долгими.

Бернардо завез меня по дороге к какому-то фаст-фуду. Не самое здоровое питание, но мне было нужно мясо, и бургер вполне подошел. Он поможет отсрочить следующее необходимое кормление, а я хотела его отсрочить, не теряя способности заживления ран. На правой руке у меня остался едва заметный шрам, и я сама была виновата, что вовремя не позаботилась о метафизике.

Пока мы ждали заказа, Бернардо сказал:

— Пока мы еще не приехали к Эдуарду, я тебе должен сказать кое-что. Он взял с меня обещание.

— Звучит зловеще, — ответила я, глядя на него. Он огладил большими смуглыми руками руль, и жест этот показался мне нервным. Плохо. — Давай выкладывай.

Он снял темные очки, сделал глубокий вдох.

— Пока ты лежала раненая, Эдуард не только меня позвал на подмогу.

Я сперва не поняла, потом дошло.

— Господи, но ведь не Олафа же!

Бернардо смотрел на меня карими глазами, темными, как мои.

— Да, он позвал этого верзилу.

Я села на сиденье и сложила бы руки на груди, но слишком мешали куча оружия и бронежилет.

— Блин, — сказала я, вложив в одно это слово очень много чувства.

Олаф — он же маршал Отто Джеффрис. Этот псевдоним позволяет ему работать на вооруженные силы в некоторых специальных проектах, а также значится на его значке федерального маршала. Насколько мне известно, он на территории США никогда не нарушал закон, но в других странах под своим настоящим именем — бывало. Деньги зарабатывает как солдат удачи и наемный убийца, но у него есть хобби — убивать женщин. Мужчин он тоже убивает и пытается, но это только по работе. Его любимые жертвы — миниатюрные темноволосые женщины, и я отлично понимаю, что подхожу под этот профиль. Он мне это с первой встречи объяснил.

— Зачем он пригласил в игру Олафа? — спросила я.

— Он не знал, сколько времени ты еще будешь не в строю, а ему нужен резерв. Поскольку у него на руках ордер, он имел право вызвать кого хочет. Если не тебя, то нас.

В голосе Бернардо звучало некоторое недовольство.

— Какой-то ревнивый тон, — заметила я.

Он нахмурился, выводя машину вслед за предыдущей в очереди к выдаче.

— Несколько ущемляет самолюбие — наше с Олафом, что он предпочитает тебя. Ты не служила в армии, тебе не приходилось делать много такого, что делали мы трое, но все равно: как свой главный резерв Эдуард предпочитает тебя.

— То есть я — не большой сильный мужчина, и потому ты чувствуешь себя униженным, что он предпочитает меня?

Я позволила себе интонацией выразить свое отношение к такому подходу.

Бернардо посмотрел на меня непроницаемым взглядом. Лицо оставалось красивым, но в глазах появилось нечто такое, что когда-то могло бы заставить меня занервничать. Однако давно уже взгляды в упор меня не выводят из равновесия. Они не ранят, да и вообще это не было похоже на самый суровый взгляд, доступный Бернардо. Он не пытался меня задавить взглядом.

— Ты знаешь, что я не об этом.

— Точно нет? — спросила я, ответив ему таким же непроницаемым взглядом.

Что-то мелькнуло у него в глазах, потом он улыбнулся:

— Черт, будь я проклят!

— Возможно, будешь, — ответила я, — но о чем ты сейчас подумал?

Он посмотрел на меня вопросительно, покачал головой, будто отгоняя нерешенную загадку, и ответил:

— На самом деле именно об этом. Я считал себя более окультуренным, но ты оказалась права. Я именно такой здоровенный мачо, обученный тому, чему тебе и не снилось, — а Эдуард предпочитает, чтобы спину ему прикрывала ты. Он разбирается в людях лучше всех, с кем я имел дело, кроме одного сержанта. — Он снова мотнул головой. — Но не в этом дело. Я о том, что если Эдуард считает, что ты лучше меня или Олафа знаешь нашу работу, он может быть и прав. Конечно, мое самолюбие ранит, когда ты сидишь вот здесь такая вся из себя ути-пути симпатюшечка, а на самом деле куда опаснее, чем я вообще могу быть. Обидно ведь, черт побери.

Я улыбнулась — не могла сдержаться. Чертовски честно он это все говорил. Мало кто из мужчин сказал бы это вслух, даже если бы так и подумал. У меня мелькнула мысль, что Бернардо хорошо побеседовал с психотерапевтом, но вслух я этого не стала говорить, а сказала другое:

— Мне лестно, что Эдуард думает, будто я настолько умелая, потому что я знаю, насколько хорошо работаете вы с Олафом — ну, когда его не отвлекают его серийные убийства или когда тебя не отвлечет какая-нибудь баба.

— Я тебя только что вытащил из чужой постели, чтобы ехать на охоту за преступниками. Анита, не надо бросаться камнями в мои маленькие увлечения.

— Мне надо было утолить ardeur, и ты это знаешь.

— Так-то так, но через какое-то время перестает быть важным, зачем ты что-то делаешь — важно, делаешь или нет. Сейчас ты не меньше моего уделяешь внимание сексу.

Я стала было спорить, но мы уже подъехали к окну платить. Я отдала Бернардо деньги, он попытался отдать их девушке в окне — она не брала. Она на него смотрела.

Он просиял своей ослепительной улыбкой и вложил ей деньги в ладонку, сложил ей пальцы, придерживая за руку. Она залилась краской, взяла деньги и попыталась, заикаясь, отсчитать сдачу. Наверняка ошиблась — слишком засмущалась.

Какие-то бумажки и монеты она ему отдала, он их передал мне. Я их развернула и стала проверять по чеку, держа его в руках.

— Это твоя девушка? — спросила она.

— Нет, просто вместе работаем.

Она уже почти справилась с застенчивостью, но тут, вновь вспыхнув, пробормотала:

— Я в пять заканчиваю работу.

— Извини, деточка, ты для меня слишком молода. И я сейчас на работе.

— Мне уже восемнадцать.

Что-то мне не верилось. Ему, очевидно, тоже.

— Документ можешь показать какой-нибудь?

Она опустила глаза, потом покачала головой. Стоящая за нами машина загудела. Вышел мужчина с табличкой «Менеджер» и зашел к ней в ячейку.

— Пожалуйста, к следующему окну, сэр, — пролепетала нам девица. Менеджер что-то ей рассказывал про поведение, а мы поехали к неожиданно пустой дороге — остальные машины успели получить еду, пока Бернардо флиртовал с девицей.

— С молодыми девками надо очень осторожно, — сказал он. — Врут, что им больше восемнадцати, а достается в случае чего не им. Полиция всегда готова поверить, что ты воспользовался неопытностью юной девушки. Была у меня одна шестнадцатилетняя, которая мне присылала свои фотографии в нижнем белье. В некоторых штатах я за получение их по почте мог влететь под обвинение в детской порнографии.

— И что ты сделал?

— Сдал ее копам. Сказал, что меня беспокоит, как бы она такое не послала другим, не отличающимся столь высокой моралью.

— Да врешь, — сказала я.

— Ни капли. Девчонки думают, что это игрушки, а в тюрьму идти не им. Да и не люблю я таких молодых. — Он посмотрел на меня, и я поняла: следующие слова будут колючкой под кожу и мне не понравятся. — А ты вот любишь, правда?

— Что люблю?

— Таких молодых. Или это вранье, что у тебя живет этот молодой тигр из Лас-Вегаса — Сидни или как его там?

— Синрик его зовут, и это не вранье.

— Шестнадцатилетние для меня слишком молоды, Анита. — Но он улыбнулся при этих словах: ему понравилось, что он морально выше. — А Синрик как раз и был шестнадцатилетний, хотя я мало что про него помню.

Что мне было сказать — что я не собиралась заниматься сексом с Синриком? Что он был одержим самым сильным и злобным вампиром из всех существующих — Марми Нуар? Это была бы правда, но объяснение это уже звучало затерто — слишком часто мне приходилось его повторять.

— Ему семнадцать, возраст вполне законный, и он сейчас в Сент-Луисе, поскольку он единственный найденный нами самец синего тигра. Он значится в ликвидационном списке у «Арле»... у плохих вампиров.

И тут я поняла, что это уже не так. Этан ведь тоже синий и вполне взрослый. Могу ли я отослать Синрика домой в Вегас? А если могу, следует ли так поступить? Он уже синий тигр моего зова, но Алекс — красный моего зова, и живет в другом штате. Конечно, «Арлекин» может его убить, просто чтобы насолить мне.

— Так что ты защищаешь Синрика от опасностей, — сказал Бернардо.

— Стараюсь.

— Трахаясь с ним?

— Спасибо на добром слове, Бернардо! — буркнула я.

Он усмехнулся мне и выехал на главную улицу.

Я продолжала сердито на него смотреть, разворачивая бургер. Очень мне не хотелось пытаться его съесть, пока мы вели этот разговор, но надо что-то в себя запихнуть до того, как мы приедем к Эдуарду и Олафу. Вот видеть Олафа на пустой желудок мне определенно не улыбалось. Нужна будет вся сила, которую я смогу собрать.

Я попыталась решить, не разозлиться ли на него всерьез, и если да, то почему? Потому что я чувствую себя виноватой перед Синриком, и это заставляет меня огрызаться, когда речь идет о нем.

Бургер я съела, не почувствовав вкуса, и подумала уже в который раз, что же, черт побери, делать с Синриком?

— И это все? — удивился Бернардо. — Больше ничего не скажешь? Раньше тебя легче было завести.

Я глотнула колы и прожевала ломтик картошки.

— Ты что, хочешь поругаться ?

Он улыбнулся:

— Ну, не всерьез. Просто забавно тебя поддразнивать.

Я ела жареную картошку, зная, что это сплошной жир с солью — наверное, потому она такая и вкусная. Почему столько есть вредных вещей таких вкусных?

Он глянул на меня, потом опять на дорогу:

— Либо тебе всерьез нравится этот мальчик, либо он тебя по-настоящему достает.

Я вздохнула, поедая жареную вкусность и пытаюсь не горбиться на пассажирском сиденье. Очень мне не хотелось вести этот разговор с Бернардо, но он впервые встретил Синрика тогда же, когда и я.

— Ты же одновременно со мной его увидел, Бернардо. Он был девственник, потому что белый клан подобен всем прочим кланам: главное — чистота крови, а их королева Бибиана любит, чтобы мужчины у нее были моногамны.

— Потому что мужа своего она заставляет быть Моногамным с большой буквы и не может требовать от главного вампира Вегаса того, к чему не принуждает своих тигров.

— Ага, — ответила я. — И еще: бывает, что молодой оборотень при первом оргазме не может удержаться от превращения и съедает партнера.

— А у синего мальчика как насчет самоконтроля? — спросил он.

Я пожала плечами, подчеркнуто на него не глядя.

— Нормально. И не надо его так называть, у него есть имя.

— Синрик — для семнадцатилетнего мальчишки вроде как не настоящее имя, — сказал Бернардо.

— Он себя называет сокращенным.

— Рик?

Я покачала головой.

— Других сокращений нет, — сказал Бернардо.

— Есть.

Он стал вливаться в поток. Очевидно, скоро мы доедем до съезда с дороги. Я не особенно обращала внимание на то, где мы, и город не очень хорошо знала.

— Так как он себя зовет?

Я что-то промямлила в ответ.

— Как?

— Ладно, Син. Он любит, когда его называют Син⁵.

Бернардо расхохотался, запрокинув голову и широко разинув рот.

— Ага, ага. Смейся, смейся. Смехунчик.

Отсмеявшись, он сказал:

— Анита, это слишком хорошо. Слишком просто.

⁵ Син (Sin) — грех (англ.).

— Я пыталась его отговорить, но его кузена Родрика называют Риком, и он считает, что имя занято.

Он засмеялся этим чисто мужским смехом.

— Син. Ты трахаешь семнадцатилетнего мальчишку по имени Син. Ну и ну. Когда мы с тобой познакомились, ты была как королева-девственница. Такая недотрога, и вот — смотри ты...

— Слушай, заткнись. И без того тошно.

Он посмотрел на меня, пережидая поток машин, чтобы выехать.

— С чего бы это? Ну, молодой он, так что?

— Ты сам сказал, он был шестнадцатилетний. Я его девственности лишила, Бернардо.

— Ты была подчинена воле Темной Мамаши, и Синрик тоже.

— И еще примерно четыре тигра-оборотня. Не должен первый раз происходить в наведенной вампиром оргии. Но так вышло.

— Не твоя вина, Анита. Я был в Вегасе. Тебе повезло, что осталась живая. И тиграм тоже.

Я пожал плечами и остаток еды сложила в пакет. Желудок сводило узлом, и еда казалась не совсем уместной.

— Ну, на этот раз им выжить не удастся.

— И не твоя вина, что Темная Мамаша пустила вампиров по следам тигров.

— Может быть.

— Слушай, засунь эти католические комплексы вины подальше куда-нибудь.

— В смысле?

— В смысле делай то, что надо делать, и старайся получать от этого удовольствие. Как все мы.

— Ты же сам стал меня подначивать насчет Синрика.

— Я думал, ты меня пошлешь ко всем чертям, как обычно. Не думал, что ты позволяешь себе по этому поводу переживать. Если бы знал, что так, не стал бы поднимать тему.

— Что ж, спасибо.

Я отвернулась к окну, глядя на узкие улицы, по которым мы сейчас петляли.

— А чего ты так переживаешь?

— Ему семнадцать.

— Значит, восемнадцать будет в следующем году.

— Он еще школьник, Бернардо. Жан-Клод — его опекун по закону и обязан был определить его в школу. Он, блин, приходит домой и уроки делает, а потом залезает в кровать за сексом. Мне это чертовски дико.

Он замолчал, пробираясь по все более узким улочкам.

— Ты даже не спросила, куда мы едем.

— К Эдуарду.

— Да, но мы не в полицейский участок едем, и ты даже не спросила почему. — Он покосился на меня. — Тебе же всегда надо быть в курсе всего, что делается. Почему ты не спрашиваешь?

Я подумала над вопросом и ответила:

— Не знаю. Такое ощущение, что это не важно. В смысле, я полагаюсь на тебя, полагаюсь на Эдуарда, даже на Олафа полагаюсь — в смысле работы. Я в смысле себя на него не полагаюсь.

— И не надо.

— О'кей. Мы едем на место нового преступления, или что?

— Ты спрашиваешь, но так, будто тебе все равно, будто это совершенно не имеет значения. А для тебя все имеет значение, Анита — это одна из твоих и восхищающих, и раздражающих черт.

Он улыбнулся, но я не чувствовала потребности улыбнуться в ответ.

— У меня что-то вроде тоски по дому. Надоело мне гоняться за преступниками. Эдуард говорил тебе о своей догадке — что Марми Нуар убивает тигров, чтобы выманить меня из Сент-Луиса, подальше от всех моих близких? Последний из ее охранников мне говорил, что я ей нужна живая. Это уже дважды нас спасало. Моя смерть ей не нужна.

— Он что-то про это говорил. Она действительно может овладеть твоим телом?

— Она думает, что да.

— А ты что думаешь?

— Думаю, что это возможно.

— Меня бы это напугало до чертиков.

— Можешь мне поверить, Бернардо, я именно так и напугана.
— Это незаметно. Заметно, что ты чем-то отвлечена.
— Может, я просто не умею быть испуганной. А может, это отвлечение такое.
— Что бы это ни было, а тебе надо включить голову в игру, Анита. Ты нам нужна. Нужна Эдуарду, и уж точно тебе понадобится голова, когда встретишься с Олафом.
— Он все еще хочет, чтобы я была его подружкой по серийным убийствам?
— Он все еще считает, что ты и есть его подружка по серийным убийствам.
— Класс.
— Ты не спросила, едем ли мы на место нового преступления.
Я на него взглянула, наконец-то заинтересовавшись:
— Они никогда не убивали в одном городе дважды.
— Не убивали.
Я мрачно скривилась:
— Кончай дурака валять, Бернардо. Скажи, куда мы едем, и к чему такая таинственность.
— Эдуард позвонил Жан-Клоду.
Я сама почувствовала, какая у меня стала изумленная физиономия:
— Зачем?
— Он придумал способ, как тебе получить телохранителей, и думает, что так нам будет проще найти этих гадов.

То, что Эдуард так горячо одобрил совместную работу с охранниками Жан-Клода, было для меня самой высокой оценкой, которую только можно себе представить. Я знала, что они высококласные профессионалы, но что Эдуард в этом со мной согласен — это и приятно, и интересно.

— Так что мы едем к ним, — сказала я.
— Ага, но сперва скажешь «здрасьте» Олафу.
— Зачем?
— Потому что Олаф считает, будто состоит с тобой в отношениях, и если вы увидите до работы и наедине, он может эту иллюзию сохранить. Эдуард опасается того, что может сделать Олаф, если поймет, что ты не будешь его подружкой по серийным убийствам.
— Я с этим серийным убийцей наедине видаться не буду.
— Мы с Эдуардом там будем.

Он нашел пустое место и профессионально выполнил параллельную парковку — плавно, без задержек.

— Ты живешь в городе, — сказала я.
Он заглушил мотор.
— А что? Умею параллельно парковаться?
Я кивнула:
— В городе чаще всего другого варианта не бывает. Или ты вырос там, где только так и можно было.

— Не надо меня вычислять, Анита.
— Извини. Может, я просто поражена твоим умением?
Он задумался на минуту, потом пожал плечами.
— Тогда просто скажи: «Высокий класс» или что-то в этом роде. Не строй гипотез.
Я кивнула:
— Ладно: высокий класс параллельной парковки. У меня она очень хреново получается.
— Сельская девушка?
— Почти всю жизнь.
— Я тебе почти всю свою биографию рассказал в первый раз, когда мы увиделись. Никогда никому столько не рассказывал, рассчитывал тебя смягчить — но тебя никогда ничего не смягчает.
— Я тебе процитирую Ракель Уэлч⁶: «Не бывает каменных женщин, бывают ватные мужчины».
— Вранье, — ответил он.

6 Ракель Уэлч — американская актриса и секс-символ 1970-х годов.

— В нормальном мире это чертовски верно.

Он вдруг улыбнулся — ослепительно белой улыбкой на смуглом лице.

— С каких это пор хоть кто-то из нас живет в нормальном мире?

Я не могла не засмеяться в ответ, пожала плечами:

— Да ни с каких.

Мы выбрались из машины, чтобы я повидалась с Олафом и оставила его в убеждении, что у него есть какой-то шанс еще залезть мне в штаны — иногда приходится врать, потому что об альтернативе даже думать страшно. Мы все — Эдуард, Бернардо и я — очень боялись того, что сделает Олаф, если окончательно потеряет надежду на секс со мной. Наверное, все мы знали, что, если он утратит надежду на мое добровольное согласие, попробует что-нибудь менее добровольное. В это «что-нибудь» включались цепи и пытка. Когда-нибудь мне придется убить Олафа, но дай бог, чтобы не сегодня. Дай бог.

Глава 27

Это был старый викторианский дом, поделенный на квартиры. Та, в которую завел меня Бернардо, была пуста — совершенно голые светлые стены, на которых еще держался резкий запах свежей краски. Бернардо вошел первым, закрывая мне обзор широкими плечами. Сперва появился Эдуард, суровый и мрачный, потом они оба отошли в сторону, и я увидела Олафа.

Он стоял у дальней стены, сбоку от эркера, и смотрел на улицу — или что-то там высматривал. Под десятифутовым потолком он казался ниже, чем на самом деле, но в нем без пары дюймов семь футов. Самый высокий из всех, кого я лично знаю. Но у него в отличие от большинства высоких людей был некоторый объем. Его трудно было разглядеть за черными джинсами и черной кожаной курткой, но я знала, что под этой одеждой — мышцы. Голова, как обычно, голая и гладкая. Так как ему приходилось бриться дважды в день, чтобы быть чисто выбритым, я всегда гадала, бреет ли он голову, но никогда не спрашивала. Когда он смотрел на меня, это переставало быть важным.

Он обернулся, и меня поразили две вещи. Во-первых, на нем была белая футболка, хотя до сих пор я его видела только в черном. Во-вторых, у него были вандейковская борода и усы. Цвет у них был такой же, как у бровей, выгнутых изящной дугой над глубоко посаженными глазами. Его истинная сущность всегда выглядывала из этих глаз — для меня по крайней мере. Я знала, что другие женщины ее не видят, но от меня он никогда глаз не прятал. Когда мы увиделись впервые — чтобы я его испугалась, а потом, мне кажется, он был рад, как и Эдуард, что есть кто-то, от кого можно не прятаться. Я знала, кто он такой, но не удирала с воплями ужаса. Может быть, единственная женщина, которая знает о нем правду и при этом как-то поддерживает «нормальные» отношения. Возможно, отчасти это его ко мне и привлекает — то, что я знаю.

— Так это хороший Олаф из «Южного парка» или плохой Олаф, как в старом «Звездном пути»? — спросила я.

Он улыбнулся, действительно улыбнулся, хотя темные-темные глаза почти не изменились. Впрочем, они вообще черные, так что заблестеть им трудно. Подстриженная растительность удачно обрамляла губы — это напомнило мне одного из наших вампиров, Реквиема, который теперь второй вампир Филадельфии после мастера — точнее, мастерши — города, а заодно этой мастерши главный любовник.

— Тебе нравится?

То, что он интересуется моим мнением, мнением женщины, — это был явный прогресс. Таких женоненавистников, каким он был несколько лет назад, я в жизни не видела. А видела я их много. Это был прогресс, и потому я ответила так, будто он не пугал меня.

— Да, нравится.

И действительно мне нравилось. Это добавляло странно голому лицу некоторую определенность. Почти все мужчины моей жизни были как Бернардо — с волосами до плеч или длиннее.

Олаф двинулся ко мне, не переставая улыбаться. Двигался он, как все делал, — с грациозной небрежностью. Странно было видеть грациозность у такого огромного мужчины. Если бы я не боялась

быть неправильно понятой, спросила бы, не занимался ли он танцами. Но вряд ли это укладывается в его идеал настоящего мужчины.

На полпути ко мне он остановился. Я не совсем понимала, что происходит, пока Эдуард не тронул меня за руку. Я посмотрела на него, он глянул на меня со значением. А, вспомнила. Для Олафа было бы слабостью пройти весь путь ко мне. То, что он хотя бы на половине меня встречал, было колоссальным прогрессом.

Я пошла к нему. Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов: когда я подойду, что мне делать?

Я протянула руку, хотя в прошлый раз, когда я это сделала, он сгреб мою руку обеими своими и напомнил мне наш единственный поцелуй — над телом, которое он только что вскрыл. Это был плохой вампир, и нам надо было вынуть ему сердце и отрезать голову, но Олаф вел себя так, будто для нас обеих кровь — афродизиак.

Рукопожатие — самое нейтральное, что я могла предложить.

Олаф обхватил мою руку своей большой ладонью, притянул меня в этакое объятие двух нормальных мужиков. Ну, когда рукопожатие превращается в объятие — одна рука на плече партнера. Но это было неожиданно. Я сделала то же самое, но... лучше бы получилось, когда бы не два фута разницы в росте. Он имел в виду привлечь меня к своему плечу, а получилось, что я ткнулась головой ему в туловище ниже грудной клетки. Ну и здоровый же парень.

У меня достаточно друзей-мужчин, так что я машинально обняла его за талию — мышечная память. Он меня обнял своей ручищей, и объятие, которое должно было быть быстрым и мужественным («мы не геи») превратилось во что-то более серьезное. Рука вокруг меня напряглась, прижимая меня к телу. Моя правая рука была у него в ладони, его другая рука обнимала меня за спину, а левой рукой я обхватывала его неожиданно тонкую талию.

В тот момент, когда его рука стала жестче, я вся напряглась, перебирая варианты. Если я шевельну левой рукой, он почувствует, поэтому о попытке достать оружие будет знать раньше, чем она начнется.

Он прижимал меня к себе, я напряжинилась, сердце стучало, пульс колотился в горле, я ждала какой-то жути, и тут я поняла, что он меня обнимает. Просто обнимает. Из всех возможных действий Олафа это было самым для меня неожиданным. Отпустив мою правую руку, он просто меня обнимал, крепко. Настолько неожиданным это было, что я растерялась, но правая рука оказалась между нами, и я сделала две вещи для сохранения душевного комфорта: держала между нами дистанцию, чтобы мы не прижимались друг к другу, и я в любой момент могла коснуться рукояти смит-вессона в наплечной кобуре. Мне показалось, что его руки сжимают меня слишком крепко — показывая, как он чудовищно силен. Не так, как оборотень, но для того, чтобы сделать больно, не надо способности поднять грузовик. В его хватке было достаточно силы, чтобы сделать мне больно. Вряд ли намеренно — скорее всего он просто не привык обниматься.

Я решила сместить равновесие в сторону осторожности. Прижалась к нему левой рукой и телом, чуть изогнувшись, как свойственно девушкам и мужчинам поменьше. Я надеялась, что это отвлечет его от факта, что одновременно я правой рукой вытаскиваю из кобуры пистолет.

— Ты достала пистолет, — сказал он низким голосом, соответствующим огромному телу.

Я постаралась не напрягать мышцы, приставила пистолет ему к боку:

— Да;

Он склонился надо мной и поцеловал в макушку. И опять же так неожиданно, что я не знала, как мне быть. То есть не могла же я в него стрелять за поцелуй в макушку и дружеское объятие — это был бы истерический поступок. Но этот новый Олаф с его нежностью адски меня озадачил.

— Многих женщин держал я в объятиях, но ты первая, кто смог вытащить оружие.

Несколько неудобно было говорить ему в живот, но пистолет, уткнувшийся ему в бок, придавал уверенности.

— Они не понимали, кто ты.

— Под конец они понимали, Анита.

Его подбородок лежал у меня на волосах.

— Но тогда уже было поздно, — ответила я, и мне не показалось глупым сильнее нажать стволом на твердые мышцы бока. Так надежнее.

У меня за спиной Эдуард сказал:

— Она тебя убьет, если ты дашь ей повод.

Олаф чуть отодвинулся, чтобы лучше его видеть, но продолжал меня обнимать.

— Я знаю, что она выстрелит, если сочтет нужным.

— Так отпусти ее.

— Именно возможная опасность тянет к ней нас обоих — каждого по-своему.

— Мы с тобой о ней думаем по-разному, — ответил Эдуард, и голос его стал холоднее.

Я знала этот голос. Сдвинулся в сторону того, которым он говорит, когда убивает.

Я хотела сказать Олафу, чтобы отпустил меня, но увидела, что он двигается. У него не было быстроты оборотня, но близко к тому. Я думала, что у меня хватит скорости отодвинуться так, чтобы он не попытался выбить у меня оружие, но а вдруг как не хватит? Тогда мне придется стрелять, чтобы сохранить оружие в руках и не подпустить к себе Олафа.

Эти мысли казались глупыми, когда он просто нормально меня обнимает — ну, настолько нормально, насколько я у него вообще видела в отношении меня.

— Олаф, я отойду на шаг, — сказала я и стала высвобождаться из объятий, хотя продолжала упираться стволу ему в бок. — В последнюю очередь я отодвину пистолет.

Я думала, что он будет сопротивляться, но он не стал. С той минуты, как я вошла в комнату, он не сделал ничего такого, чего я от него ожидала.

Потом точкой соприкосновения с ним остался только пистолет. Я не смотрела в середину его тела, как учат в боксе, я смотрела скорее чуть в сторону. Как в лесу, когда высматриваешь движение в листве: больше увидишь, если не смотреть.

Ствол отодвинулся от его тела, но все еще смотрел в середину. Движение Олафа я ощутила чуть ли не раньше, чем он его начал. Что именно шевельнулось, я не могла бы сразу сказать, но что он сделает сейчас, я знала. Он хотел меня обезоружить, и будь я по-человечески медлительна, у него бы получилось. Хватило бы и скорости, и навыка.

Я сдвинулась в сторону, пропустила его руку мимо пистолета, мимо бока и ударила по запястью рукояткой пистолета. Можно было бы ударить ногой по колену и выбить сустав, но он вроде на нашей стороне, и не хотелось калечить его перед охотой. При всех его странностях серийного убийцы боец он ценный.

Он замахнулся другой рукой, но я уже прижала пистолет ему к сердцу и один из наручных ножей — к паху.

— Хватит! — заорал Эдуард.

— Ты быстрее, чем мне помнится, — сказал Олаф.

— Забавно. То же самое мне сказал тигр-лазутчик.

— Я тебе говорил, что она прибавила скорости, — сказал Эдуард.

— Я должен был увидеть сам.

Я чувствовала тяжесть его взгляда, но не отвлекалась от двух своих целей. Пусть себе смотрит, пока глаза не лопнут — у меня свои приоритеты.

Я стала говорить тихо и размеренно, чтобы случайно излишним напряжением мышц не загнать нож в тело. Если я когда-нибудь пырну его ножом в пах, то это будет не случайно, а с намерением убить.

— Если ты будешь и дальше меня испытывать, Олаф, кому-то из нас придется плохо.

— Я отступлю назад, если ты уберешь оружие.

— Я уберу оружие, если ты отступишь.

— Патовая ситуация.

— Анита, я у тебя за спиной, — сказал голос Эдуарда. — Сейчас я встану между вами, и вы разойдетесь к чертовой матери.

Он появился в моем поле зрения и стал делать то, что обещал — становиться между нами.

Я не сопротивлялась, когда он отодвинул меня назад, и Олаф тоже. Когда Эдуард оказался между нами, я наконец подняла глаза к лицу Олафа, и увиденное меня не успокоило. Он был возбужден: глаза горели, губы раскрылись. Ему нравилось быть ко мне так близко, нравилась опасность, а может, что-то такое, чего я не понимаю даже. Но обозвать его гадским извращенцем вряд ли было бы продуктивно в смысле совместной работы, хотя удержаться от искушения было очень непросто.

— А теперь, — сказал Эдуард, строго глядя на нас по очереди, — идем встречать резерв Аниты — и на охоту за врагом, а не друг за другом.

— Мне придется отклониться от маршрута ради одного дела.

— Какого? — спросил Эдуард.

Ответил стоящий у двери Бернардо — оказался там, очевидно, когда мы с Олафом начали свой танец.

— В больницу заехать. Она ему руку сломала.

Мы с Эдуардом оба посмотрели на Олафа, на его руку. Она не торчала под неправильным углом, так что перелома со смещением не было, но держал он ее неподвижно, несколько скованно, возле своего бока.

— Сломана? — спросил Эдуард.

— Да, — ответил Олаф.

— Плохо?

— Не слишком.

— Стрелять этой рукой сможешь?

— Для чего же мы все тренируемся стрелять левой? — ответил Олаф, что означало, очевидно, «нет».

— Блин, — сказала я.

— Ты же не собиралась ломать ему руку? — спросил меня Эдуард.

Я покачала головой.

— Я в лесу заметил, насколько ты стала быстрее. Наверное, ты и сильнее, чем сама осознаешь. Я бы на твоём месте бил осторожнее.

Судя по его лицу, он не был сейчас мной доволен, и его можно понять. Я только что вывела из строя одного из его бойцов, одного из самых опасных маршалов. И притом не нарочно. Но я живу, тренируюсь, спаррингуюсь с вампирами и оборотнями, охочусь за ними, убиваю их. Когда я в последний раз работала просто с человеком? Даже не вспомнить, черт возьми.

— Я его отвезу в больницу, — сказал Бернардо, — но что мы там скажем?

— Скажем, ссора влюбленных, — предложил Олаф.

— Ага, над моим мертвым телом.

— В конечном итоге.

— Олаф, не будь гадским извращенцем.

— Анита, я знаю, кто я. Это вот ты не хочешь смотреть правде в глаза.

— Какой именно правде?

— Не начинай, — сказал Эдуард, и я не очень поняла, кому из нас предназначена реплика.

— Ты охотишься и убиваешь, как и я. Как все мы. В этой комнате нет никого, кто не был бы убийцей.

— Ох, сказал бы ты мне лучше что-нибудь такое, чего я не знаю.

Я это говорила совершенно искренне.

Мне было приятно, что у Олафа стало удивленное лицо:

— Так чем же ты отличаешься от меня?

— Я не нахожу в убийстве радости, а ты находишь.

— Если это единственная между нами разница, Анита, нам следует завести роман.

Я мотнула головой и шагнула назад:

— Отвези его в больницу, Бернардо, пусть ему наложат гипс, надают таблеток, лишь бы его здесь не было.

Бернардо поглядел на Эдуарда, тот кивнул и сказал:

— Давай. Позвони мне из больницы, скажи, насколько серьезна травма.

Бернардо вышел, качая головой.

— Я твой должник за это, Анита, — сказал Олаф.

— Это угроза? — спросила я.

— Естественно, — ответил Эдуард. — А теперь ты — проваливай отсюда к чертям. А ты, — он показал на меня, — прекрати с ним разговаривать.

Мы послушались. Вопрос только был в том, сколько времени я смогу работать с Олафом, не разговаривая с ним, и что он сочтет достаточной расплатой за перелом запястья? Удалось мне наконец выбить у него из головы манеру думать обо мне как о возможной подружке и просто жертве, или же я зародила в нем какое-то идиотское соперничество? И так плохо, и так плохо. В вариантах на выбор

должен быть хоть один правильный ответ, но бывают личности, у которых все ответы неправильные. Как липовые тесты, которые можно только завалить. Так или иначе, работу с Олафом мне предстоит завалить, и кто-то из нас не выживет. Просто класс: «Арлекин» хочет меня взять живьем, Темная Мамаша хочет уничтожить мою душу и взять себе тело, а один боец с нашей стороны хочет меня трахнуть или убить, или то и другое вместе. Может ли быть хуже? Так, не надо отвечать, ответ я знаю. Пока что «Арлекин» меня не поймал, Темная Мамочка не завладела, и мы с Олафом оба живы и друг друга не трахнули. С такой точки зрения день совсем не так уж плох.

Глава 28

Мы уже настроились на охоту с поддержкой прибывшего из Сент-Луиса резерва, когда нам обоим позвонили. Вызывали в офис, дабы мы представили объяснения. Никогда до сих пор никакое начальство меня на ковер не требовало. Я спросила у Эдуарда, впервые ли это с ним, и он только кивнул. Мы бы на этот вызов наплевали, но за нами приехали несколько полицейских в машинах с мигалками, чтобы доставить нас «на беседу».

— Ты кого достал, пока я валялась без сознания? — спросила я у Эдуарда.

— Насколько я знаю, я никому ничего не сделал.

Он пожал плечами, и мы сели в его машину, чтобы за вежливыми полисменами ехать на разговор с нашим главным полисменом. Формально говоря, мы могли отказаться, но тогда поставили бы приехавших полисменов в очень дурацкое положение. Мы постарались оставить моих мальчиков вне этой истории: дескать, мы с Эдуардом поедем разговаривать с другими маршалами, а ребята подождут в гостинице. Но у полисменов был приказ: доставить маршалов Форрестера и Блейк, а также их незаконный резерв. После этих слов нам стало понятно, зачем нас вызывают для дачи объяснений.

Это маршал Рейборн настучал на нас училке. Вообще-то не его ордер, так что и не его дело. Но то, что ордер не Рейборна, еще не означало, что он не устроит нам геморроя. Вот он и поднял такой шум, что мы вернулись в местный офис маршалов для дискуссий, вместо того чтобы выслеживать убийц. Мои «незаконные» бойцы сидели в коридоре, как нашкодившие ученики, ожидающие своей очереди на разнос у директора. Напрасная трата времени и сил. Наступит ночь, поднимутся вампиры, а мы тут залипли в ведомственном политиканстве. Лучше не придумашь.

— Нельзя же притаскивать шайку наемных бойцов и говорить, что они представляют службу маршалов! — говорил Рейборн.

Он обращался к своей непосредственной начальнице, маршалу Рите Кларк. Для женщины она была высокой, но до рейборновских шести футов не дотягивала. Зато она лучше держала форму: ни унции лишнего веса. Каштановые волосы до плеч, болтаются кое-как, похожи не на прическу, а на утренний беспорядок. Кожа загорела до бронзы, морщины от солнца возле губ и глаз, но они шли ей, будто все улыбки оставили след на коже и создавали впечатление, что она более склонна смеяться, чем хмуриться. Приятно, что начальницей Рейборна была она. Мне в службе маршалов нравилось то, что здесь в нормальном направлении служило больше женщин, чем в любом другом правоохранительном органе. И эта служба первой открыла должности для женщин. Мне это очень нравилось.

— Маршал Форрестер представил нам список имен еще до того, как прилетели помощники маршала Блейк. Мы проверили их биографии. Ни у кого нет преступного прошлого, тем более что с точки зрения закона это все равно не имело бы значения.

— А должно было бы иметь, — возразил Рейборн, снова встав и расхаживая у дальней стены. Кабинет был достаточно просторен, чтобы Рейборн мог нервно расхаживать — если осторожно.

— Возможно, — сказала она, наблюдая за его передвижениями, — но в том виде, в котором написан закон, это не предусмотрено.

Она перевела взгляд с него на нас с Эдуардом. Мы сидели напротив ее стола, и Эдуард улыбался ей доброй улыбкой старины Теда. Я сидела с терпеливым и спокойным лицом. Если бы я была начальником, кто мне внушал бы больше симпатии: разъяренный мужчина, расхаживающий в углу, как назревающая проблема, или два спокойных улыбчивых человека разумного вида? Вопрос был для меня ясен. Глядя в серые глаза маршала Кларк, я видела, что она со мной согласна.

Рейборн шагнул к ее столу, оперся на него руками, уже несколько нависая над ней. Глаза у нее сузились, смеховые морщинки стали глубже. Если бы я увидела такое выражение лица того, кто может мне сильно насолить, я бы сдала назад.

— Да вы посмотрите на них! Это же громилы, если не хуже. Если их ни разу не привлекли, это еще не значит, что они невинны.

Я подавила желание выглянуть в коридор, где сидели мои ребята. Я знала, как они выглядят, и действительно, слово «невинные» вряд ли бы кто-нибудь выбрал для их описания.

— Во-первых, Рейборн: по закону. Кто не привлекался, тот ни в чем не виновен. Вам бы следовало это помнить.

Голос у нее с каждым словом становился спокойнее, но накал эмоций возрастал. И снова я бы увидела признаки предупреждения и сделала бы выводы, но Рейборна уже занесло. Злость увела его туда, откуда уже не так просто выбраться. А может, я слабо понимала, как функционирует нормальное подразделение той службы, значок которой я ношу.

Она положила локти на подлокотники, руки сжаты в кулаки.

— Во-вторых. Уберите к чертовой матери руки с моего стола.

А, понятно. Нормальное подразделение функционирует совершенно нормальным образом.

Он заметно опешил, выпрямился, отступив, только сейчас заметив, что опирался на ее стол. Он настолько хорошо знал меня лично, чтобы так ненавидеть, но я ему достаточно неприятна, чтобы ради этого рисковать своей карьерой. Что за черт?

Она неспешно встала — и при своих пяти футах восьми дюймах и в сапогах оказалась достаточно высокой, чтобы он еще попятился. У нее получалось нависать и выглядеть куда выше, чем она была. Мне говорили, что я тоже так умею, но забавно смотреть на это с другой стороны.

— Маршал Блейк как федеральный маршал противоестественного направления имеет право привлекать в помощники лиц, которым она доверяет, для выполнения ордера наиболее эффективным и безопасным для мирных граждан способом.

— Закон написан для чрезвычайных ситуаций в полевой работе, — возразил Рейборн, — когда у маршала нет возможности позвать на помощь других маршалов. Он не для того был написан, чтобы разрешить нам выбирать себе помощников для конкретной работы, когда есть достаточно других маршалов.

— Если мне не изменяет память, Рейборн, существуют три типа власти. Мы относимся к тому, которая исполняет закон в том виде, в котором он написан и нам дан. Если законодательная и судебная власть решат позднее, что закон следует изменить, они его изменят, и вот тогда приходите ко мне обсуждать выбор помощников маршалом Блейк. А пока что будем выполнять закон в том виде, в котором он написан, и действовать в его пределах. Вам ясно, маршал Рейборн?

Шея Рейборна стала заливаться краской — не смущения, скорее гнева. Крепко сжав губы, он процедил:

— Так точно, мэм.

Она посмотрела на нас.

— Вы — идите и работайте, — Перевела взгляд на Рейборна: — А вы не болтайтесь зря у меня в кабинете и не путайтесь у них под ногами.

Мы с Эдуардом встали и пошли работать, как было сказано. Рейборн слегка помедлил, я даже услышала, как он набирает воздух, и подумала, не будет ли он настаивать дальше, но это уже не мои проблемы. Меня прикрывает Кларк, и этого достаточно.

Мой резерв ждал меня в коридоре. Носители значков поглядывали на них искоса и были, наверное, так же недовольны, как Рейборн, но у них хватало ума не цепляться. Можете сами сообразить, кто из моего резерва служил когда-то в армии: эти ребята держались прямее и видно было, что при нашем появлении им пришлось подавить импульс встать по стойке «смирно». Бобби Ли несколько похудел, волосы выгорели на солнце, кожа стала смуглее, чем обычно бывает у блондинов. Карие глаза смотрели на меня из-под золотых очков. Он был старше нас всех, но это выдавали только морщинки в уголках глаз и несколько дополнительных складок на лице. Он всегда был высоким и поджарым, но последнее время мотался где-то за границей по делам общины крысоловов и похудел еще сильнее. В его глазах читалось что-то — не испуг, но что-то такое он видел или делал, что вымотало его душевно не менее, чем телесно.

— Так как, лапа, мы остаемся или уезжаем?

Южный его акцент казался еще сильнее, чем был раньше. Вряд ли потому, что он побывал в местах обитания этого акцента — скорее это было напоминание о родине, которое он возил с собой.

Я ему даже не сказала, чтобы не называл меня «лапа» — ничего личного в этом не было, ему просто нужно было все его домашнее обаяние для защиты от того, от чего у него глаза потускнели.

— Остаетесь, — сказала я.

Он улыбнулся и слегка кивнул. К нему подошел Лисандро — высокий, смуглый, красивый, черные волосы убраны в хвост, спускающийся по плечам. Он не такой красавчик, как Бернардо, но шел как на пружинах. Выглядел как пресловутый испанский киногерой. У него жена и двое детей, он тренирует команды европейского футбола. У нас с ним был однажды секс — в чрезвычайных обстоятельствах нужно было утолить ardeur и тем обезоружить Марми Нуар. Чтобы его жена не попыталась нас обоих убить, мы согласились, что больше такого не будет. Мы даже делаем вид, что ничего и не было. У меня вроде бы получается.

— Чего Рейборн на тебя взелся?

— Без понятия, честно.

Лисандро посмотрел на меня с сомнением. Я улыбнулась:

— Не вру. Я его впервые вижу. — Обернувшись к Эдуарду, я сказала: — Подтверди.

— Он сразу Аниту невлюбил.

— Может быть, дело в том, что она женщина, а по работе лучше, чем он, — предположил Сократ.

Кожа у него была цвета кофе с каплей сливок, волосы короткие, ежиком, но так, что можно причесать. Сегодня, впрочем, он не стал этого делать, и они свернулись в мелкие кудряшки. Выглядело... да, симпатичней, чем обычно, но он мне объяснял, что так естественнее, а копы не любят, когда ты для работы наводишь марафет. Как бывший коп он знал, что говорит. В росте он уступал двум первым — на несколько дюймов до шести футов не дотягивал. У него была привычка сутулить плечи, слегка горбиться, будто он рано и быстро вырос и не избавился от привычки это скрывать, пусть теперь он уже не самый высокий в классе.

— Думаешь, все так просто? Рейборн — женоненавистник?

Он улыбнулся, в темно-карих глазах мелькнули искорки.

— Можем сказать так: женщин он ставит очень невысоко.

Я улыбнулась в ответ и пожала плечами:

— Ну, что делать, если я не просто красотка? У меня широкий диапазон.

— Вы попроще выражались бы, мэм, а то мы народ простой, телохранители, даже не поймем, о чем вы, — сказал Арес.

Я обернулась к нему. Чуть ниже шести футов, белокурый, кареглазый. Загар пустыни, с которым он у нас появился, уже сошел. Некоторое время назад его комиссовали из армии, но эти самые «мэм» и «сэр» были при нем, как прямая спина и расправленные плечи. Он пытался отрастить волосы, но потом снова коротко постригся, оставив только на макушке, но они у него были настолько прямые, насколько у Сократа курчавые. Он то и дело откидывает волосы, будто они ему мешают. Наверняка при следующем походе в парикмахерскую он их еще короче сделает. Сократ пытался помочь ему сделать из них шипы, когда они были достаточно длинные, но это Аресу никак не подходило. Не подцепи он ликантропию, остался бы в армии на всю жизнь.

Но по-настоящему анимешные волосы были у Ники. Он достаточно белый, чтобы иметь соломенно-желтые волосы, подбритые на висках, но длинные сверху, и они рассыпались по половине лица длинным белокурым треугольником. Рядом с Аресом по контрасту было заметно, что у Ники волосы волнистые, а у Ареса — прямые как палка. У Ники падающие на глаза волосы легли плавным изгибом. Вдвоем они выглядели так, будто идут в клуб или на фестиваль аниме, но Арес волосы красил, напоминая себе, что больше уже не на службе, а Ники такие волосы отрастил, чтобы скрывать отсутствие одного глаза.

Женщина, воспитавшая его, формально — его мать, вырвала ему глаз, когда он пытался воспротивиться сексуальному насилию с ее стороны. Женщины редко бывают активными насильницами, но когда такое случается, они действуют очень грубо. С детством Ники не повезло. У него остался красивый голубой глаз, а вместо другого была пустая орбита, заросшая рубцовой тканью. Волосы ее полностью скрывали, и он при этом умудрялся выглядеть как картинка из модного журнала. Из-за волос его могли бы воспринимать недостаточно серьезно, но рост у него шесть футов, и тело прилагается к нему такое, что при виде его Ники недооценить трудно. У нас все охранники таскают

железо, это входит в обязательную программу тренировок, но либо Ники таскает его усерднее других, либо наследственность у него хорошая, потому что даже в джинсах, футболке и куртке у него выпирают плечи и бицепсы. Он не самый высокий из ребят, которые меня ждали в коридоре, но самый крупный.

— Привет, — сказал он тихо.

— Привет, — улыбнулась я ему.

Не самые романтические слова, но эмоций в них было больше, чем в обращенных ко всем прочим. Ники был моим любовником и моей Невестой — как в фильме «Дракула, князь тьмы». Это нас сближало больше, чем мог бы любой роман. Из-за встречи с Олафом и потом с копами, появившимися на сцене, у меня не получилось его нормально приветствовать. Помахала рукой, сказала «здравствуй» — и тут пожалуйста: копы.

Домино сделал, шаг от стенки, и я на него посмотрела. Наверное, Ники и Домино я оставила напоследок, потому что они меня отвлекают. У Домино волосы — черные и белые кудри, сегодня в основном черные лишь с некоторыми проблесками белого. Это значит, вероятно, что когда он перекидывался последние пару раз, то превращался в черного тигра — цвет у него потом отражается на волосах. Интересно, меняется ли цвет волос у Этана после превращения. Домино был в темных очках, скрывающих глаза, потому что глаза у него тигриные. У них цвет — красновато-оранжевый с золотыми спиралями, что генетически более свойственно черному тигру, нежели белому. В росте он всего дюйм уступает Ники, но любит сапоги на каблуках, и это ему пару дюймов добавляет. Ники все больше ходит в кроссовках, но он по поводу своего роста ни капли не парится. Да и Домино тоже, просто он любит сапоги. Еще он — один из тигров моего зова. С Ники у нас связь иного рода: свободную волю Домино сохранил. Он может со мной спорить, ссориться, говорить, что я не права. Ники тоже это может — пока не получит от меня прямой приказ, тогда он его не может не выполнить. Домино тоже выполняет мои приказы, но на то есть его добровольное согласие.

В куртке Домино выглядел не таким мускулистым, как на самом деле, но одежда вообще много может скрыть хорошего, и я знала: то, что скрывает эта одежда, — очень хорошо.

Я уже разулыбалась в сторону Домино так, как он того заслуживал, когда раздался голос Ареса:

— А меня тут, кажется, игнорируют.

Я глянула на него:

— Ну, прости.

Он тоже мне улыбнулся и хотел что-то сказать, но уставился куда-то мне за спину. Все туда смотрели, и не очень дружелюбно. Я обернулась — к нам подходил Рейборн. Когда он закрывал дверь в кабинет Кларк, она говорила по телефону.

— Рейборн, что вам надо? — спросила я.

— Кто командует вот этими? — спросил он, постаравшись, чтобы голос звучал агрессивно.

— Анита, — ответил Ники, ткнув пальцем в мою сторону.

Рейборн поглядел на него, и на лице у него было написано: «Хватит врать-то».

— Меня это тоже огорчает, — сказал Арес, ухмыляясь, — но это она.

— Она — кто? — спросил Рейборн.

— Начальник, шишка, главный босс — то есть боссиха, — пояснил Арес. — Это она и есть.

— А чего вы ее слушаетесь?

Арес поглядел на меня:

— Мы обязаны ему давать объяснения?

— Нет.

Арес обернулся к Рейборну с сияющей улыбкой. Оливково-зеленые глаза светились радостью:

— Так что вот так.

— Вы ее все трахаете?

Эдуард рядом со мной напрягся.

— Коллега, это уже за гранью.

Голос Теда стал суровым, но по-настоящему страшными выглядели остальные ребята. Они затихли, и это была тишина хищника, присевшего перед прыжком в траве у тропы. Напряженная и ждущая тишина, а исходящая от них энергия заставила подняться волоски у меня на руках и зашевелила позвоночник.

— Ребята, спокойнее, — сказала я.

— Так нельзя с тобой разговаривать, — ответил Домино низким голосом.

— А он и не будет. — Я вздохнула и повернулась к Рейборну: — Хотите, чтобы я против вас выдвинула обвинения в сексуальных домогательствах?

— С каких это пор правда стала признаком сексуального домогательства?

Глаза у него были злые и вызывающие. Наверное, прав Сократ: все дело в том, что я женщина. Копы делят женщин-полицейских на две категории: заразы и шлюхи. По своей репутации я попадаю в обе.

У меня было несколько вариантов ответов — и ни одного целесообразного.

— Значит, правда? — спросил Рейборн.

Я медленно выдохнула, улыбнулась.

— На самом деле я трахаюсь... — Я показала на Ники, он шагнул вперед. — И вот еще... — показала на Домино, и он встал рядом с Ники. — Никого не забыла? — спросила я, оглядывая строй.

Они с очень серьезными лицами покачали головами. А Бобби Ли просто смотрел на Рейборна, и нехороший был это взгляд. Или очень хороший — для тех, у кого инстинкт самосохранения отсутствует.

— Видите, Рейборн? Я только с двумя из них трахаюсь. Легче стало?

Он покраснел, да так, что краска поднялась выше линии волос и не осталась красной, а даже посинела слегка. Вряд ли он смутился — скорее он был настолько зол. Но как бы там ни было, реакция была мне приятна.

— Другие вопросы ко мне есть? — спросила я.

Он готов был испепелить меня взглядом, но у нас за спиной раздался голос Кларк. Наверное, она закончила телефонный разговор и открыла дверь настолько тихо, что ни я, ни Рейборн не услышали.

— Маршал Рейборн! Мне нужно, чтобы вы поехали в Орегон, прямо сейчас.

Он оглянулся на нее, отодвинулся так, чтобы видеть и ее, и нас. Наверное, не так он глуп, как кажется.

— У нас серийный убийца в Сиэтле, а вы меня посылаете куда-то по липовому поручению?

— Как ваш непосредственный начальник я приказываю вам сегодня же отправиться к дальней границе штата Орегон. Если вы еще раз позволите себе пререкания, я найду для вас задание в дальнем углу Аляски. Вопросы есть?

— Но почему?

— Потому что мне надоело ваше отношение, и потому что имею право. Еще одно слово — и я вам обещаю такую долгую экскурсию, что к вашему возвращению дело будет закрыто.

Он крепко сжал зубы, губы стали тонкими от злости. Лицо, которое уже стало почти нормального цвета, опять побагровело. Если это у него давление такое, то стоит научиться держать себя в руках, иначе удар хватит.

Он молча кивнул. Она протянула ему лист бумаги:

— Вот куда вы должны поехать и вот что оттуда привезти.

Он едва глянул на лист, повернулся на каблуках и вышел чуть ли не строевым шагом. Очевидно, боялся потерять самообладание, если еще останется рядом с нами хоть секунду.

Кларк посмотрела на меня, на Эдуарда, потом все-таки на меня.

— Привлекать любовников в помощники — это вряд ли улучшит вашу репутацию, Блейк.

Я вздохнула:

— Знаю, маршал Кларк. Но все эти ребята — не просто пустые красавчики. Они — серьезная помощь в деле, иначе бы мы не позвали их.

— Хорошо, если они не просто мальчишки по вызову. Без обид, джентльмены.

— Без обид, — согласился Ники.

Домино только смотрел на нее молча. Настал ее черед вздохнуть.

— Докажите мне, что они не просто красавчики или наемные бойцы. Докажите мне, что они могут нам помочь поймать этих тварей.

— Тварей? — спросила я.

— Кто бы ни убивал тигров-оборотней, это не человек. Тот, кто нанес ранения маршалу Карлтон, тоже не человек. Те, за кем гонялись мои маршалы вместе с вами по лесу, уж никак не люди. У нас в морге тело, обгоревшее в получеловеческой-полуживотной форме. В этом деле ничего нет

человеческого, и пока не появится другого слова, они для меня твари и монстры. А теперь идите и займитесь чем-нибудь полезным.

Она вернулась в свой кабинет, а мы двинулись по коридору, будто у нас была какая-то цель.

— Этот Рейборн нам еще о себе напомним, — сказал Лисандро.

— Он постарается, — ответила я.

— И как ему помешать? — спросил Домино.

Ответил Эдуард:

— Исполнить ордер. Выполнить работу на отлично, чтобы он больше не мог к Аните цепляться.

— А работа — это убить... — Арес запнулся, чтобы не говорить слово «Арлекин», — тех убийц?

— Ага, — ответила я.

Арес улыбнулся:

— Это мы умеем.

Остальные просто кивнули, и я поняла в этот момент, что мы — стая, мы — прайд, мы — боевая единица. Мы — это мы. И впервые с той минуты, как я поняла, что за убийствами тигров стоит «Арлекин», я почувствовала... да, надежду.

Глава 29

Мы шли по парковке, Эдуард справа от меня, Ники слева. Он коснулся пальцами моей руки, и я пожалала их, и почти сразу Эдуард сказал:

— У нас гости.

Ники тут же оказался в шаге позади меня, как положено хорошему телохранителю. Даже не глядя, я знала, что Домино у меня за спиной; я ощущала его как жар. Остальных моих ребят я тоже держала в сознании, но как элементы обстановки или просто как мужчин, но не так, как этих двух: эти связаны со мной узами, которых с другими нет.

Возле нашей арендованной машины стоял маршал Ньюмэн. На лбу у него красовалась аккуратная повязка. Был он слегка бледноват на солнце, и потому немногочисленные веснушки выступили резче. Я их вчера не заметила — или это было позавчера? Не соображу. Короткие каштановые волосы Ньюмэна выглядели так, будто он их не дал себе труда причесать, уходя из больницы. Прислонившись к машине, он ждал нас. Подойдя поближе, Эдуард спросил:

— Как голова?

Снова жизнерадостный голос Теда — будто в его шкуре поселилась совершенно новая личность. Я вроде бы уже привыкла, но все равно жутковато.

— Нормально, — ответил Ньюмэн, вставая ровно. Мы не стали расспрашивать, но оба мы знали, что не нормально пока. Он мог действовать, мог работать, но голова наверняка болела дьявольски. Но так бы ответил на его месте любой из нас. Нормально.

— Вот с Карлтон хуже.

До меня дошло: последнее, что я слышала о Лайле Карлтон — она ждала результата анализов.

— Мне говорили, что она должна выкарабкаться.

— Физически с ней все в порядке, — кивнул Ньюмэн.

— Ага, — сообразила я и опустила глаза, собираясь с мыслями. — Так что: ликантропия — положительно?

— Ага, — ответил он.

— Какой вид? — спросила я.

Он глянул удивленно:

— А это важно?

— Важно, — кивнула я.

— И еще как, — сказал кто-то из окружавших меня ребят.

Ньюмэн оглядел их.

— Ребята, так вы все — ликантропы?

Ликантропы, — ответила я за них, и Ньюмэн снова посмотрел на меня.

— Я не спросил, что за ликантропия у нее будет. Не знал, что это важно.

— Это по многим причинам важно.

Вперед шагнул Сократ и спросил:

— Я слышал, что случилось с маршалом. Как она восприняла эту новость?

Ньюмэн глянул на него и только покачал головой.

— Так вот плохо? — спросил Сократ.

Ньюмэн смял шляпу, которую держал в руках.

— Думаю, если бы не ее родные, она бы ствол в рот сунула.

— Блин, — сказала я и обернулась к Эдуарду: — Так какой у нас будет план теперь, когда есть резерв?

— Вернемся к месту их последнего нападения и кого-нибудь из твоих друзей попросим пойти по следу.

— В смысле, использовать их, как я тогда вервольфов в Сент-Луисе против серийного убийцы?

Тогда вышло отлично, и я надеялась, что этот способ станет стандартной практикой для полиции во всей стране. Это же было бы как иметь розыскную собаку, которая может общаться с тобой словами — но слишком глубоко въелось в полицейских предубеждение против оборотней. Привести оборотня на место преступления можно, но не в животной форме — а в человеческом облике у них обоняние немногим лучше, чем у обыкновенного человека.

Он кивнул:

— Красиво. Но шансов, что они окажутся достаточно близко для отслеживания, маловато. Времени прошло прилично.

— Маловато, но это какой-никакой, а все же план.

— Что ж, ничего лучше придумать не могу, — сказала я, потом подумала и добавила: — Ты возьми с собой нескольких ребят, и идите по следу. Если найдешь что-то стоящее, звони мне.

— А ты куда? Почему не с нами?

— Я хочу в больницу, Карлтон повидать. Надо ей объяснить, что жизнь не кончена.

Эдуард чуть отвел меня в сторону от Ньюмэна, чтобы поговорить с глазу на глаз.

— С каких это пор ты должна держать за ручку другого маршала?

— С тех самых, как Мика сделался главой «Мохнатой коалиции», и я поняла, как важно поговорить с другим оборотнем, когда узнаешь о себе страшную правду. Чтобы тебе сказали: «Вот посмотри: у меня то же самое, и ничего». Это помогает.

— Ты чувствуешь свою ответственность за то, что с ней случилось?

Я пожала плечами:

— Некоторую. Но я знаю, что полезно будет поговорить и с ней, и с некоторыми охранниками.

Он пристально смотрел мне в лицо:

— Мне не хотелось бы разделять силы.

— Мне тоже, но со мной будут хорошие бойцы, и с тобой тоже. И проведу Олафа. Я не хотела ему руку ломать.

— Я не подумал, что он будет тебя испытывать. Моя вина.

— Что его заставило так испытывать свою удачу? Это было серьезнее, чем в прошлый раз.

— Я думаю, слухи обо всех твоих мужчинах — и еще о том, что у тебя быстрота и сила оборотня.

— Комбинация мужской и рабочей ревности?

— Вроде того.

Я покачала головой.

— Дошло до него наконец, что в подружки серийного убийцы ему меня не заполучить?

— Не знаю.

Я только глаза закатила к небу.

— Ну, класс. Вот только этого нам сейчас не хватало.

— Олаф когда приехал, стал задавать вопросы насчет твоих новых мужчин. Особенно его интересовал Синрик.

— А почему Син особенно?

— Син? — переспросил Эдуард.

— Ему всего семнадцать, для такого пацана «Синрик» — слишком серьезно.

— Но почему Син ?

Я пожала плечами:

— Будь он другого типа мальчишкой, ходил бы бледный в черном и писал стихи о смерти. Мне тоже его ник не нравится. Но почему именно Синрик так заинтересовал Олафа?

— Думаю, что из-за возраста.

— Из-за его возраста или из-за разницы между ним и мной?

— Могу только гадать, как и ты. Он не говорит на эту тему, но задавал вопросы о Синрике. Хотел знать, верно ли, что ты взяла себе в любовники мальчишку.

— Он так и спросил?

Эдуард подумал секунду, затем кивнул.

— Он спросил: «Правда ли, что Анита взяла к себе жить мальчишку-подростка?» Я ответил, что да, и тогда он спросил: «Правда ли, что он ее любовник?» Я снова подтвердил.

— Он когда-нибудь спрашивал конкретно о ком-нибудь из моих любовников?

— Нет. Спрашивал, правда ли, что у тебя столько любовников, сколько приписывает тебе молва. На это я ответил, что с таким количеством мужиков никто не может трахаться.

— Ты ему не хотел говорить, со сколькими мужчинами я сплю?

— Ненависть Олафа к женщинам отчасти возникает из убеждения, что все они потаскухи и пытаются мужиками вертеть. Когда вы только познакомились, ты вообще ни с кем не спала, и это ему помогло не иметь на твою тему тараканов. Вот я и подумал, что лучше число любовников не уточнять.

С этим ходом мысли я не могла спорить, но...

— Ты думаешь, что в представлении Олафа я переступила некоторую черту? И теперь я ему уже не подруга и не возможная любовница, а обыкновенная шлюха, которую надо похитить, пытаться, изнасиловать и зарезать?

Эдуард снял темные очки и потер глаза.

— Анита, я не знаю. Честно, не знаю.

— Черт, до чего же все это усложняет ситуацию!

— И еще ты ему руку сломала, и он будет теперь пытаться доказать, что ты не лучше его в профессии. Да практически любой мужчина попытался бы.

— Я не хотела ухудшать ситуацию, Эдуард.

— Знаю.

Он смотрел на меня светлыми усталыми голубыми глазами из-под ковбойской шляпы. Я все еще не привыкла, что «Тед» носит шляпу, а Эдуард — нет. Эдуард шляп не любит. Он солнечные очки закладывает так, что они прячутся под рубашкой, а не сверху. Там они меньше мешают стрелять.

— Так что мне с ним делать?

— Да вот не знаю я, Анита. Если он решил, что ты просто шлюха, то уже никогда, никогда тебе с ним не работать. И он может попытаться заняться тобой всерьез.

— То есть сделать меня своей жертвой.

— Да.

Мы посмотрели друг на друга.

— То есть мне не надо его навещать в больнице, когда я поеду говорить с Карлтон?

Он покачал головой, снял шляпу, провел рукой по волосам. Снова надел шляпу и сдвинул на затылок, в то же удобное положение, с которого начал. Последние несколько лет он больше был Тедом, чем собой. Может, теперь Эдуард тоже полюбил шляпы?

— Мне вообще не нравится, что ты поедешь в больницу, когда там Олаф, Анита.

— Но ты же не пытаешься убедить меня не говорить с Карлтон?

Он снова покачал головой:

— Я слишком хорошо тебя знаю.

— И знаешь: я не могу допустить, чтобы страх перед Олафом встал между мной и моей работой.

— Утешать Карлтон не входит в твои рабочие обязанности, Анита.

— Нет, но я не хочу, чтобы Мика ехал сюда, пока тут «Арле...»... блин, пока тут они. Он станет мишенью или заложником.

— Верно.

— Значит, приходится мне самой.

— Я знаю, что ты будешь осторожна.

— Как девственница в брачную ночь, — пообещала я.

Он улыбнулся, но как-то невесело. Сунув руку назад, он достал темные очки из-за ворота, надел их, чтобы я не видела, какие у него недовольные глаза.

— Я не хочу убивать Олафа до того, как он нам поможет поймать этих гадов. — Очень было в его манере — сказать, что не хочет убивать Олафа до того, а не вообще не хочет убивать. Не хочет убивать, пока тот полезен. — Ладно, езжай сострадать своей Карлтон. Я попытаюсь послать с тобой Ньюмэна, а ты попытаешься их обоих оставить в больнице.

— Он не был бесполезен в лесу, Эдуард.

— Нет, но он новичок, только что с курсов. Это значит, он не привык к нашей свободе в обращении с правилами.

— Никто не обращается с правилами так свободно, как мы.

— Неправда. Маршалы прежних времен — сплошь и рядом.

Я подумала и согласилась:

— Совершенно верно.

— Вот если включить Бернардо и Олафа, тогда никто так не насилует правила, как мы.

— Включу, — улыбнулась я.

И он тоже улыбнулся. Интересно, улыбнулись ли глаза за темными очками.

— Ладно, иди теряй время в больнице, а я буду выслеживать злых и страшных вампиров.

И он двинулся прочь.

— Эдуард! — окликнула я его.

— И ты прости, но пока я не буду знать намерений Олафа относительно тебя, я не хочу, чтобы ты была не рядом со мной.

Я дотронулась до его руки, отчего он посмотрел на меня.

— Ты и правда сильнее опасешься того, что меня похитит Олаф, нежели... Те-Кого-Нельзя-Называть?

Он сделал, очень глубокий вдох, выдохнул медленно и старательно, потом кивнул.

— Они дадут Злойной Твари Мира завладеть моим телом, Эдуард. Это было бы хуже смерти.

— Но они не будут тебя пытаться, а я знаю, что ты физически крепкая — это значит, что у нас будет шанс тебя вернуть. Если тебя заполучит Олаф, спасти будет некого и нечего. Ты понятия не имеешь, что он творит с жертвами.

— А ты имеешь?

Он кивнул. И побледнел под летним загаром.

— Ты видел?

Он снова кивнул:

— Мы закончили работу и отмечали. Пошли в один бордель, а я тогда не знал правила Олафа, что он после работы расслабляется.

— И что было?

— Какой-то клиент напился, вошел не в свой номер — и заорал. А потом вдруг замолчал. Мы все, кто еще не был пьян, бросились туда с оружием. Ты же знаешь, что означает такой резко прерванный вопль.

— Да.

— Тот, кто кричал, лежал на пороге мертвый. Женщина была привязана к кровати.

— Тоже мертвая.

— Нет.

Эдуард сказал это еле слышно.

Я посмотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Мы сперва подумали, что мертвая, но ошиблись. Лучше бы она была мертва. Я бы его убил, но он стоял, направив на меня пистолет. На всех нас. И стал с нами торговаться.

— Как?

— Можем все умереть, можем все жить. Мы остались жить.

— Как ты вообще мог с ним после этого работать?

— Очень немного есть в нашей профессии людей моего класса. Он один из них, Анита. Кроме того, в договор вошло условие: когда он работает со мной, он не расслабляется потом.

— Так что ты заключил сделку с дьяволом, чтобы он больше не убивал женщин?

— Да.

— Бернардо тоже там был?

— Нет. Он лично работы Олафа не видел, иначе никогда бы не стал с ним опять работать.

— Его потрясти проще, чем тебя.

— Чем меня или тебя, — ответил Эдуард. Я оценила комплимент.

— Что ты мне советуешь? — спросила я.

— Если тебе покажется, что Олаф наметил тебя очередной жертвой — убей его. Не жди удобного выстрела, не жди, чтобы подозрения перешли в уверенность, не жди, чтобы не было свидетелей, — ничего не жди, просто убей его на месте. Обещай, Анита. — Он взял меня за руку, крепко сжал. — Обещай мне.

В темных очках я видела свое отражение.

И я ответила единственное, что могла:

— Обещаю.

Глава 30

На больничной кровати Лайла Карлтон казалась маленькой, лицо у нее стало очень круглое, и со своими кудряшками она казалась пятилетней — серьезной и печальной пятилетней девочкой. Может быть, это впечатление усиливалось и тем, что трое мужчин, стоявших рядом с ней, были ребята здоровенные. Все трое не ниже шести футов четырех дюймов, сложения крепкого и плотного. Двое младших были мускулистыми и худощавыми. У старшего из молодых был плоский живот, намекавший на булыжную мостовую под футболкой. Самый младший был во всех смыслах помягче — хотя ходил в тренажерный зал, но до брата не дотягивал по крутизне. Самый старший был очень похож на них, но постарше. Наверное, отец Карлтон и братьев-футболистов.

Увидев в палате этих троих, я порадовалась, что оставила Ники и Лисандро в коридоре. Нам с Сократом едва хватило места.

— Анита, — сказал Лайла, и большие карие глаза вдруг заблестели так, словно слезы подступили. Боже мой, да я же всего только и сделала, что вошла в палату.

— Привет, Лайла, — ответила я, направляясь к ее койке.

— Это мой папа и братья.

— Я помню, ты рассказывала. Только ты не сказала, какие они огромные.

От этих слов все улыбнулись, на что я и надеялась, но я действительно в присутствии этих ребят чувствовала себя карликом. Один еще куда ни шло, но трое сразу — как будто вдруг целая груда домов сошла с мест и протянула руки — это Лайла их мне представила.

Отца звали Уэйд Карлтон, старшего брата — Роберт, младшего — Эммет. Лайла его звала Эм, будто его имя состояло из одной буквы «М», но Роберта — всегда полным именем.

— А это Рассел Джонс, — сказала я, жестом подзывая Сократа от двери, где он остановился.

Рассел — это было его настоящее имя, с которым он прибыл в Сент-Луис в группу гиенолаков. Их Оба, то есть вожак, давал им новые имена, обычно греческих философов или героев мифов. Многие группы зверей выбирают себе ту или иную систему наименований.

Все пожали друг другу руки, только Лайла смотрела на меня вопросительно.

— Рассел был когда-то копом, — сказала я.

Она перевела взгляд с него на меня:

— Был когда-то?

— Пока один бандит не оказался оборотнем и меня не покусал.

Она вытаращила глаза, и снова блеснули непролитые слезы.

— Так вы... — Она осеклась.

— Оборотень, — подсказал он жизнерадостно.

Трое мужчин возле нее напряглись, будто от произнесения вслух это слово стало правдой или вызвало у них чувство опасности. Ребята крупные, привыкли быть крупными и сильными, но вдруг оказалось, что Сократа, который на дюймы ниже и в плечах поуже, надо учитывать. Оборотень — это значит, что ты можешь и не оценить взглядом его физические возможности. Теперь размер — уже не все. Джентльменам по фамилии Карлтон такая ситуация не часто встречается, я думаю. И что-то

изменилось в их осанке, и я всмотрелась в их лица. Они рассердились, а младший брат не мог скрыть страха за этой злостью.

— Господи, парни, вы так подобрались, будто Рассел сейчас вот тут на месте перекинется и всех загрызет.

Братья посмотрели на меня несколько озадаченно, но отец даже не изменился в лице, сохраняя злость и хладнокровие.

— Ничего лично к мистеру Джонсу не имею, но он инфицирован фактором, превращающим его в животное.

Я начинала понимать, откуда берутся некоторые проблемы Лайлы. И сказала с улыбкой:

— Мистер Карлтон, можем мы с вами сказать друг другу пару слов в коридоре?

Он посмотрел на Сократа:

— Мне было бы неуютно оставить моих детей в обществе мистера Джонса.

— Мистер Джонс работает со мной. Он приехал помочь в поимке преступника, напавшего на Лайлу.

— Монстр для охоты за монстром, — ответил Уэйд Карлтон.

— Папа, он такой же, как я. Такой же коп, пострадавший на работе. Ты меня тоже считаешь монстром?

Уэйд повернулся в некотором ошеломлении:

— Нет, что ты, детка. О тебе я никогда так не стал бы думать.

— Стал бы. Ты меня даже за руку не берешь.

Он протянул к ней руку — но остановился на полдороге. На его лице отразилось страдание, но заставить себя коснуться собственной дочери он не мог. Тогда Эм, младший брат, взял ее руку в свои, прижал к груди, глядя на отца недобрый взглядом. И глаза у него тоже заблестели.

Роберт, старший, положил руку ей на ногу под простыней — он сидел в изножье кровати. Он ни на кого не смотрел, и глаза у него тоже блеснули, когда он отвернулся.

— Мистер Карлтон, мы с вами должны прямо сейчас побеседовать в коридоре. Рассел будет говорить с Лайлой.

— Я не могу оставить с ним моих мальчиков.

Ну, все. На этом деликатность у меня кончилась.

— Ваших мальчиков. А Лайла уже не ваша девочка? Она не умерла, мистер Карлтон, она просто стала оборотнем. И даже не перекинется до следующего полнолуния. Она осталась вашей дочерью. И вообще кем была, тем и осталась.

— Только не федеральным маршалом. — Это сказала Лайла. Я обернулась к ней, у нее по щеке бежала первая слеза. — Значок у меня отберут.

— Это уже тебе сказали? — спросила я.

Она нахмурила брови.

— Нет. Но я знаю правила.

— Для обычных копов это так, но в противоестественном отделе службы гибкости больше.

— Ты не меняешь облика, Анита, вот почему тебе значок оставили.

— Может быть, но я знаю, что, пока ты не перекидываешься, у тебя никак не могут отобрать значок. Разве что с большим скандалом.

Она посмотрела на меня, и ее младший брат теперь тоже. Роберт свободной рукой вытирал лицо, другой все еще касался сестры. Его слишком обуревали эмоции, чтобы на кого-нибудь смотреть.

— Вы тоже оборотень? — спросил Эм.

— Нет, но я — носитель ликантропии. Так показывают анализы крови. Просто я не перекидываюсь.

— Может ли быть, чтобы Лайла тоже не меняла облика? — спросил Эм.

Я пожала плечами:

— Скорее всего это произойдет, но опасной она может стать не раньше недели полнолуния.

— Этого вы не знаете, — сказал Уэйд.

Я посмотрела на него — хорошо, что у меня здорово отработано умение смотреть на очень высокого собеседника и при этом иметь суровый вид. Я постаралась, чтобы Уэйд увидел в моих глазах гнев, потому что именно гнев он у меня вызывал. У дочери положение ужасное, а он его еще усугубляет. Отцу такое не положено.

— Я это знаю, — ответила я, — потому что уже несколько лет живу с двумя оборотнями.

— Они вас и заразили, — сказал он так, как мог бы про чуму или СПИД.

— Нет, не они. Я получила порезы от одного преступника и одного оборотня, который влез в драку, чтобы меня спасти. А бандит не собирался меня заражать, он хотел меня убить.

Ко мне подошел Сократ, и я заметила, что Уэйд Карлтон слегка дернулся.

— Когда меня ранили, моя сестра отнеслась к этому, как вы. Ни ее, ни моих племянников я уже пять лет не видел. Мама и мы все по ним скучаем.

Уэйд посмотрел на Сократа:

— В смысле — вы скучаете по своим родственникам?

— Нет. Мама меня позвала на первый же День благодарения после того, как это со мной случилось. Сестра, когда меня увидела, собрала детей и уехала, сказала, что ноги ее здесь не будет, пока я тут. Сказала, что я опасен, что я зверь. Мама очень не любит, когда кто-нибудь поливает ее детей, так что я на все праздники — у родных. Я из пятерых старший, и видел всех своих племянников и племянниц с рождения, и на все дни рождения и школьные матчи приезжаю, когда могу выбраться. Сестра перестала приезжать, думая, что я там буду. А потом два года назад ее старший связался с дурной компанией, и я помог его вытащить — бандиты не меньше вас боятся оборотней. Я проследил, чтобы мальчишка исправился, и в последнем семестре он попал в список награжденных и получил футбольную стипендию хорошего колледжа.

Уэйд посмотрел на Сократа, и я этот взгляд не совсем поняла, но явно понял Сократ, потому что он добавил:

— Его отец крупнее меня, похож скорее на вас и ваших ребят. — Сократ вдруг улыбнулся — счастливой улыбкой на смуглом лице. — Я видел, как он одним ударом прорывал линии защиты.

— Вы играли в футбол?

— В школе. Для команды колледжа у меня ни массы не хватало, ни квалификации, а у Джона — вполне. Он может стать таким, каким был бы его отец, если бы кто-нибудь его вовремя вытащил из банды.

— Вы знали его отца?

Сократ кивнул:

— Мы вместе в школе учились. Потом он попал в банду и подсел на наркотики.

Они смотрели друг на друга, и я постаралась сделаться невидимой — сейчас я совсем была не нужна.

— Я тренирую команду городской школы. Мы много ребят теряем.

— Слишком много, — согласился Сократ.

— Ваш племянник где-то в этих местах играет?

— Нет, в Детройте.

— Как его фамилия?

Сократ ответил.

— Я его знаю, — подал голос Эм. — Мы в футбольном лагере вместе были. Он единственный был там такой большой, как я, и такой быстрый.

— Помню его, — кивнул Уэйд. — В каком он сейчас колледже?

И они заговорили про футбол, будто и не было больше «они и мы» — только мужики и спорт. Никогда в жизни не была так счастлива, услышав, как мужчины обсуждают футбол.

Сократ отвел Уэйд а и Эма немножко в сторону — поговорить о футболе и колледжах. Роберт пересел и взял Лайлу за руку. Я подошла с другой стороны и накрыла ладонью ее руку, лежащую на одеяле. Она даже встрепенулась — мы не так уж близко с ней знакомы.

— Я не буду тебя успокаивать, но я тебе только скажу, что ничего плохого с тобой не случилось. Ты нормальный человек, Лайла.

Она замотала головой, повернула руку, чтобы взяться за мою, и слеза побежала у нее по лицу.

— Неправда. У меня заберут значок.

— Я тебе сказала, что пока еще этого сделать нельзя.

— Потом заберут.

— Может быть, — ответила я. — Вероятно. Не буду тебе врать: если ты сохранишь значок, станешь первым ликантропом, которому это удалось. Но вот сейчас ты — федеральный маршал противоестественного отдела и благодаря своей ликантропии быстро выздоравливаешь. Так ведь?

Она кивнула:

— Меня тут держат, чтобы уговорить поехать в правительственный сейфхауз, где я не буду ни для кого опасна.

— Фигня, не нужен тебе сейфхауз. В этом году их наверняка запретит Верховный суд — в частности, за незаконное содержание под стражей. Ты не опасна для других, Лайла.

Сдавленным голосом она сказала:

— Буду опасна.

Я встряхнула ее руку, заставила ее поглядеть на меня.

— Да, первые месяцы или даже первую пару лет тебе в полнолуние понадобится поддержка стаи, чтобы держать себя в руках. Но это делается для всех новичков.

— Стаи?

— Твоей группы. Ты какого рода оборотень?

— Рода? — Она моргала, все еще плача.

— Какой вид животного?

— Волк. Я — вервольф.

Она это сказала так, будто сама не могла поверить.

— Тогда «стая» — точное слово. У разных зверей группы называются по-разному.

— Да, я помню. На курсах говорили.

— Так что у тебя есть фора, раз вы изучали вервольфов.

— Их преступления.

Она снова стала всхлипывать.

Брат погладил ее по руке, и когда она даже не подняла глаз, я сказала:

— Лайла, посмотри на меня. — Она не посмотрела. — Маршал Лайла Карлтон, смотреть на меня!

Может, из-за обращения по званию, но она сделала, как я сказала, и глаза ее полны были страдания и утраты.

Мне пришлось проглотить слюну и сообразить, что у меня тоже слезы близко. Они всегда рядом.

— Ты хочешь поймать преступника, который это с тобой сделал?

Она нахмурила брови, потом кивнула.

Я еще подержала ее за руку, потом отпустила и поглядела строго, как ей было нужно.

— Тогда вставай, одевайся, собирай свое барахло и поехали его ловить, гада.

— Я не...

— Ты получила четыре колотых раны, которые, благодаря ликантропии, уже зажили. Больничные койки — для больных, а ты здоровая. Вставай, мать твою так и этак, одевайся и пошли ловить монстра, который хотел тебя убить!

Она была ошеломлена.

— Выражения, — сказал за моей спиной Карлтон, будто машинально.

Я не стала извиняться. Секунду назад дело было в нем и в Сократе, сейчас главное было — Лайла и я.

— Ты хочешь поймать того типа, который с тобой это сделал?

— Да, — ответила она чуть хрипло.

— Вставай и пошли.

Она смотрела на меня, почти недоумевая, и вдруг на губах у нее появилась тень улыбки.

— Ты всерьез?

— Нет, блин, шучу. Одевайся наконец.

Она улыбнулась до ушей, вдруг и чудом, еще со слезами на щеках. Роберт на той стороне кровати привлек мое внимание, когда одними губами сказал мне «спасибо».

Иногда бывает, что дело не в ловле преступников. Иногда надо просто своему помочь, когда ему плохо. Мне понадобились годы, чтобы понять: второе ну никак не менее важно, чем первое.

Глава 31

Сократ остался с Лайлой — объяснить ей и ее родственникам, что для нее будет значить быть вервольфом. Я поехала, чтобы привезти ей чистую одежду из мотеля. Ники шел за мной, отставая на шаг, и мы уже подходили к выходу из больницы, когда меня кто-то окликнул:

— Анита!

Я знала этот голос.

— Черт побери, — сказала я и обернулась к Олафу.

Он решительно направлялся ко мне, а за ним — вприпрыжку Бернардо. Мало за кем шестифутовому Бернардо пришлось бы поспевать вприпрыжку. Сестры открыто тарасились на Бернардо, наслаждаясь зрелищем. А на Олафа только косились украдкой, будто с испугом. Среди этих взглядов были тревожные — очень уж он здоровенный, но были и такие, какие кидает женщина на привлекательного мужчину, хотя не такие откровенные, как на Бернардо. Может быть, сами того не осознавая, они что-то такое в Олафе чуяли. Знай они, какие у него сексуальные предпочтения, — рванули бы отсюда подальше, но Олаф, как и большинство серийных убийц, не казался с виду чудовищем. Излучаемую им хищную энергию он приглушил, направляясь к нам. А на правой руке у него сверкал ярко-синий гипс.

Блин!..

Ники и Лисандро встали от меня по обе стороны, чуть впереди. Это давало нам пространство для маневра, а их выводило на передний край на случай драки. Их работа — меня охранять, но одно дело — прятаться за спиной Эдуарда, а другое — за спинами мужчин вообще. Это могло в глазах Олафа безнадежно поместить меня в раздел девчонок, то есть потенциальных жертв.

И я сделала то, что должна была сделать: вышла вперед. Ники не стал спорить, просто шагнул назад и уступил мне лидерство. Домино заколебался, но когда Ники отступил, мы с ним оказались на одной линии, что вполне годится. Ни за чью спину я не пряталась.

Но Лисандро увидел, как я поступила, и шагнул вперед. И он, и Ники вполне были в себе уверены, им не надо было никому доказывать, что они — настоящие мужчины. Это мне в них обоим нравилось.

А вот в крупном мужике, стоящем перед нами, я сомневалась. Вполне было ожидаемо, что он тоже уверен в себе, но это оказалось не так. И дело не в том, что они оборотни, а он нет. Я стояла и смотрела на него, осознавая, что будь он моим другом, я бы задала ему кое-какие вопросы, но он им не был. Настоящему другу можно доверять, что он тебя не станет похищать, пытаться и насиловать, а не станет ли Олаф — я точно не знала. И от мысли с ним дружить меня дрожь пробирала.

Бернардо догнал его и сказал, несколько торопясь:

— Тут в больнице есть еще кто-нибудь?

Он встал так, чтобы видеть нас обоих, но как-то так, чтобы не оказаться точно между нами.

— Мы приезжали к маршалу Карлтон, — ответила я, не сводя глаз с Олафа.

— Которая подхватила ликантропию? — уточнил Бернардо.

— Ага.

Олаф смотрел на меня глубоко посаженными глазами, будто двумя пещерами в лице, где в темной глубине мелькает далекий огонь.

— Как она переживает потерю значка? — спросил Бернардо, и это наводило на мысль, что вопрос ему безразличен.

Каждый маршал противоестественного отдела жил с мыслью, что он может быть следующим. Когда охотишься на оборотней, это входит в профессиональный риск.

— Формально у нее пока не могут отобрать значок, — ответила я.

Бернардо нахмурился:

— Почти любой маршал отдал бы его сам, как только получил бы подозрительный анализ.

— Но он не был бы обязан.

Бернардо имел в виду другое, но вслух это произнес Олаф:

— Ты ее позвала с нами на охоту.

Голос его был ниже обычного, грудной рокот — словно из-за каких-то эмоций тембр изменился.

— Ага.

Я подавила желание передвинуть руку ближе к оружию. Он ничего не сделал, чтобы меня напугать. Просто стоял и смотрел. Для него этот взгляд был даже не враждебным, просто пристальным.

— Мне не нужна еще одна женщина на этой охоте. Помимо тебя.

— Не тебе выбирать, кто участвует. Ордера принадлежат мне и Эдуарду. Он уже позвал с собой Ньюмэна.

— Мальчику надо учиться, — ответил Олаф. — А девочка станет вервольфом, месяца не пройдет. Ее учить — зря время тратить.

Он был прав — по сути дела.

— Ей это необходимо, Отто. — Я успела вспомнить, что официально он — Отто Джеффрис. Маршал Отто Джеффрис.

— Она будет обузой, — сказал он, глядя мне в глаза, но именно в глаза.

Я не могла бы его обвинить, что он таращится на мою грудь или что-то в этом роде. Я в глаза умею смотреть, и обычно мне это нравится, но во взгляде Олафа что-то было, отчего сейчас казалось, будто у его глаз есть вес, который я держу — просто тем, что стою здесь. Если бы он был вампиром, я бы напустилась на него, считая, что он творит вампирские фокусы, о которых я не слыхала, — но нет, тут другое. Просто его личность. Тяжесть его личности — и нашей растущей общей биографии.

— Может быть. Все равно она с нами.

— Зачем? — спросил он, и я подумала, что вопрос искренний. Честная попытка понять, что я делаю и зачем, так что ответ тоже должен был быть честным.

— Потому что у нее рухнула самооценка, и она считает себя уже монстром. Отец не хочет даже взять ее за руку, как зачумленную.

Я мотнула головой, не пытаясь скрыть злости.

— Что тебе до нее? Она же чужая для тебя.

— Не уверена, что могу тебе объяснить.

— Когда-то я решил бы, что ты хочешь сказать, будто я слишком глуп и не пойму. Теперь я так не думаю.

— Нет, и так я никогда не думала.

— Тогда объясни мне, почему тебе не все равно.

— Потому что полагается помогать друг другу, Отто.

Я развела руками так широко, что даже плечами пожала — дескать, никакого лучшего объяснения не придумаю.

— Если человек ценен на нашей работе, то ты хочешь, чтобы он был здоров и мог тебя поддержать. Это просто здравый смысл. Но эта женщина-маршал бесполезна. Она психологически травмирована, а это замедляет реакцию. И она будет принимать неверные решения.

— Этого ты не знаешь, — возразила я.

Он улыбнулся самодовольно:

— Это я как раз знаю.

— Ты не знаешь Карлтон. И не знаешь, какова она сейчас будет в работе.

— Она женщина. Слабой она будет.

Вдруг оказалось, что мне совершенно не трудно смотреть ему в глаза. От злости многое становится легче сделать.

— Мне напомнить тебе очевидное?

— Если хочешь.

— Тебе не мужчина руку сломал.

Бернардо чуть вдвинулся между нами, заставив нас обоих посмотреть на него.

— Давайте с этим делом за дверь.

— Почему? — спросила я.

Он наклонился так, что его длинные прямые волосы соприкоснулись с моими. Пахнуло дорогим одеколоном — пряным и мускусным, но едва-едва, не слишком, только вблизи ощутимым. Не так, как бывает у мужчин, которые в нем купаются. Как бы ни был хорош одеколон, мужчина, выливающий его на себя в избытке, пахнет мерзко. Бернардо мерзко не пахнул.

— Потому что врачам мы рассказали совсем другое.

Ой!..

А вслух я сказала:

— Извини, конечно, Пойдем отсюда.

Мы вышли через большие двери во внешний мир. Меня остановила женщина в белом халате, с коротким хвостом каштановых волос. Почти сразу я узнала ее — она присутствовала, когда мне швы накладывали, среди интернов. Что ей нужно было от меня — я понятия не имела, но остановилась, если просят — для этого я достаточно женщина.

Мужчины остановились вместе со мной. Девушка-интерн несколько смутилась и жестом попросила меня отойти в сторонку. Я подумала, что она хочет мне задать вопрос по поводу моих способностей заживления ран, или даже попросит показать рану. Такое бывает у профессионалов-медиков: хотят видеть результаты своей работы.

Она была лишь чуть выше меня, пять футов пять дюймов примерно. Но когда она подалась ко мне, я посмотрела вниз и увидела каблук как минимум в два дюйма.

— У маршала Форрестера жена и дети, а другие маршалы, которые с вами?

Я не стала объяснять, что официально они с Донной не женаты. Они живут вместе дольше, чем мы с Микой и Натэниелом и лишь на пару лет меньше, чем тянется наш роман с Жан-Клодом.

— Тот, что с волосами в хвост, женат и дети есть. — Я засомневалась, что говорить о Ники. Формально говоря, он вполне свободен спать с другими женщинами. Я не моногамна, и несправедливо было бы ограничивать его мной, но здесь он присутствует, чтобы утолять *ardeur* и прикрывать мне спину. Так что я сказала: — А блондин со мной.

— Повезло вам.

— Спасибо, — улыбнулась я машинально. — Насколько мне известно, ни маршал Конь-В-Яблоках, ни маршал Джеффрис сейчас не заняты.

И тут я поняла, что передо мной темноволосая женщина. Чуть менее темная, чем он предпочитает, но вполне близко к его профилю жертв, чтобы я об этом вспомнила. А тогда и он мог о том же подумать, черт побери.

— Пардон, виновата. У маршала Джеффриса — это тот, который повыше — сейчас роман. Недавно началось, все забываю.

— Насколько недавно?

Я улыбнулась:

— Поверьте мне... простите, забыла ваше имя?

— Рид. Пэйшенс Рид.

Я выгнула бровь, а Рид засмеялась — хорошим, легким смехом. И сразу стала казаться еще моложе.

— Я знаю, что для доктора ужасно называться пациентом.

Молодая и неискушенная. Значит, держать ее подальше от Олафа.

— Действительно забавное имя для врача. Ну, в общем, Олаф очень серьезно относится к этой новой женщине в его жизни, а вот Бернардо свободен и вполне готов к роману.

— Бернардо его зовут?

Она глянула мне за спину, и я, даже не оборачиваясь, знала, куда именно.

— Ага. Бернардо Конь-В-Яблоках.

— Он коренной американец?

— Ага.

Она поспешно отвернулась и чуть покраснела. Наверняка Бернардо подарил ей одну из своих неотразимых улыбок. Такую, от которой девушка на раздаче ему сообщила, когда у нее смена кончается.

— Он такой красивый, что даже страшно его приглашать, — сказала Пэйшенс Рид.

— Обязательно пригласи, — ответила я.

— Думаешь, он согласится пойти выпить кофе или чего-нибудь?

Я кивнула:

— Не знаю, сколько у кого-нибудь из нас будет времени на светскую жизнь, но дай ему свой телефон или какие-нибудь координаты. Вдруг у него выдастся окно — никогда же не знаешь.

— Да я как-то не могу вот так сразу.

И тут у нее глаза сузились. Я глянула назад — две сестры разговаривали с Бернардо. Он улыбался и отвечал.

— Я бы на твоём месте дала ему свой телефон, пока они не опередили.

Пэйшенс решительно зашагала к растущей группе, подошла и влилась в круг, оцепивший Бернардо. Нерешительность исчезла, девушка пробила через окружение трех других. Лисандро одну обожательницу отразил, подняв руку и показав обручальное кольцо — то есть девушка становилась назойливой. Очень шустрая была — пяти минут не прошло с начала разговора.

Ники стоял у другой стены, мило беседуя с блондинкой достаточно хорошенькой, чтобы у меня всплыло слово «красивая». Ей несколько не хватало округлостей, но при росте почти в шесть футов это обычное дело, зато у нее были длинные-длинные ноги. И почти наверняка блондинистые локоны на фоне светло-синего халата были натуральные. И глаза тоже должны быть светло-голубые, под цвет халата.

Ники обернулся при моем приближении. Вот только что он улыбался и флиртовал с блондинкой, и вдруг все его внимание переключилось на меня. Но груб он не был, даже представил нас:

— Анита, это Мишель.

Я улыбнулась, изо всех сил стараясь быть дружелюбной. Глаза меня не разочаровали — поразительно большие и нежно-голубые, но взгляд их не был нежен. Только что ей принадлежало все его внимание, и вдруг будто солнце отвернулось и стало светить другому — это подошла я. Я знала, что Ники умеет быть очаровательным. Он мне когда-то говорил, что умение флиртовать облегчало ему работу под чужим именем, и даже информацию он умел добывать, соблазняя женщин. Ночные разговоры очень способствуют сбору разведанных. Дома он, как правило, с женщинами-оборотнями и вампирами не флиртует. Это он объяснял тем, что дружеский секс у них бывает, но все они знают, что он мой, а он меня предпочитает им. Сурово, но сейчас я это сама увидела. Хотя я подумала сперва, что он всерьез заинтересовался блондинкой. Так это было или он только делал вид?

Он улыбнулся мне, и хотя мы друг друга даже не коснулись, даже за руки не взяли, но мы оказались вместе. Не знаю, как объяснить, но вот только что он подавал сигналы, что доступен, а потом ощутил мое присутствие — и снял себя с торгов. Блондинка глянула на меня, на него, и на миг у нее на лице отразилась мысль, что она не привыкла проигрывать другой женщине в борьбе за намеченного мужчину.

Я улыбнулась, не очень понимая, как реагировать. Старалась сохранить ситуацию дружелюбной, но она чувствовала себя в чем-то обманутой. Ники выдавал все признаки флирта и согласия как минимум на кофе, если не больше, и вдруг прекратил, будто повернул выключатель, явно показав свою преданность мне. Он может флиртовать, и даже более того, если представится такая возможность и я не против, но он мой. Бывали и другие женщины, с которыми он флиртовал, и я, быть может, слегка ревновала, когда он это делал, но на меня он среагировал немедленно и явно, хотя и тонко, показал, что на рынке его нет. Витринный экземпляр, а она хотела купить.

Натэниел, Жан-Клод, Ашер, Дев, Джейсон и Криспин — все флиртовали чаще и даже лучше, чем Ники, но все они, кроме Джейсона, поступали так же, как он. Джейсон был всего лишь близкий друг с некоторыми льготами, у него была постоянная девушка в другом штате, так что хорошо, что он так не реагировал, потому что он мне не принадлежит. Тот факт, что так не реагирует и Дамиан, стал одной из основ соглашения между ним, мною и его постоянной подругой, Кардиналом. Она меня из-за этого слегка недолюбливает, и я ее вполне понимаю.

И никак не могу винить эту блондинку Мишель, что тут же меня невзлюбила. Она с ним разговаривала несколько минут — слишком мало, чтобы почувствовать себя вправе, однако я такое видала у незнакомых женщин — у посетительниц по отношению к Жан-Клоду или Натэниелу, — но связывала это с тем, что оба чертовски красивы. Ники тоже красив мужественной красотой, соблазнителен, но либо я не вижу того, что видят другие, либо дело не в красоте, а в чем-то ином, чего я в упор не вижу. Пожав плечами, я не стала развивать эту мысль. Незнакомая женщина ревнует, что я нравлюсь Ники больше, — ее трудности.

И тут я заметила, что одного мужчины с нами нет. Где Олаф?

Глава 32

Олаф стоял на улице, под навесом чуть в стороне от входа. Он разговаривал с женщиной пониже меня ростом, в розовой больничной одежде. Черные волосы рассыпались по розовым плечам, Олаф

улыбался, наклоняясь к ней, чтобы слышать ее слова. Она что-то сказала, и он рассмеялся. Никогда раньше такого не видела. Это было как-то странно: словно собака вдруг стала поддерживать разговор. Нет, я понимаю, собака может общаться, но ведь не на безукоризненном английском? Я знала, что где-то у Олафа есть способность смеяться, но ведь не может быть такого доброго и улыбающегося лица. Оно изменилось, стало — ну, я уже сказала, — добрым. Либо эта женщина ему и вправду нравится, либо он актер почище Эдуарда.

Он посмотрел на меня поверх ее головы, и на миг перестал смеяться. Я увидела в этих глазах-пещерах, что она ему нравится, и очень, но не в хорошем смысле. На этом мужественном красивом лице отразилось, что он видит ее не только без одежды, но в конце концов и без кожи. Он дал мне это увидеть на миг, и тут она тронула его за руку, снова привлекая внимание. При такой разнице в росте она не видела его глаз, не видела того, что он показал мне.

Черт.

Она бегло оглянулась на нас, будто интересуясь, что его отвлекло. Судя по выражению лица, она увидела во мне возможную соперницу, пытающуюся чисто по-женски оценить, кто из нас красивее и не является ли она мне угрозой. Не знаю, что она решила, но она придвинулась к нему ближе и положила маленькую ладонь ему на бицепс — сделала заявку. Если я отреагирую недоброжелательно, значит, я тоже в нем заинтересована.

Олаф накрыл ее руку своей, прижал к себе и улыбнулся женщине. Пугающее выражение лица исчезло, смывтое волной донельзя нормального флирта. Вот черт!

— Я думал, ему не разрешено на работе охотиться не на монстров, — сказал Ники.

— И ты был прав.

— Тогда сделай что-нибудь, потому что он ищет жертву.

— Черт, — вздохнула я и пошла к ним, Ники на шаг за мной. За нами с шумом распахнулась дверь, и выбежал Лисандро.

— Анита, пожалуйста, больше так не делай.

Я спросила, не останавливаясь:

— Чего не делать?

— Не оставляй меня наедине с красивой женщиной, которая пытается меня закадрить.

— Большой уже мальчик, — ответила я. — Должен уметь сам справляться.

— Если я снова оступлюсь, жена меня из дому выгонит. Помогите мне избежать искушения.

Я бы сказала, что это нелогично — искать защиты от искушения у другой женщины, но мы уже подошли вплотную к Олафу и его собеседнице, и мне стало не до нелогичности Лисандро.

Олаф посмотрел на нас, продолжая улыбаться, с той же приветливой маской, скрывающей все, кроме едва заметного блеска глаз. Если не знаешь, что высматривать, не увидишь, а многие ли женщины будут высматривать блеск серийного убийцы в глазах мужчины?

Женщина снова коснулась его руки, но он на этот раз не стал накрывать ее руку своей. Она заметила эту перемену и посмотрела на нас. На меня она глянула хмуро, потом, увидев куртку федерального маршала, несколько успокоилась. Но потом, недовольно нахмурясь, крепче сжала его руку.

— Вам пора на работу?

— Я же говорил вам, что приехал сюда охотиться на монстров. — Он сказал это с улыбкой и отцепил ее руку со своего рукава, но сделал это бережно, без оскорбительной поспешности. — Это маршал Анита Блейк и ее помощники.

«Помощники» — это не совсем правда, но не было и неправдой, так что я не стала возражать.

— Привет! Извините, маршал Джеффрис, но нам пора на охоту. Прямо сейчас.

— Так вы просто вместе работаете, — сказала женщина, явно польщенная тем, он все еще держал ее руку в своих ладонях.

Я кивнула, но Олаф сказал:

— Только потому, что она отвергает мои ухаживания.

Женщина вопросительно на него посмотрела, пытаясь понять, шутит он, или это всерьез. А Олаф тщательно сохранял на лице провокационно-шутливое выражение. Что Олаф способен на такие эмоции, которые вроде бы демонстрировал, я и предположить не могла.

— Тогда она дура, — сказала женщина и обняла его за талию, а он притянул ее к груди, ее голова оказалась у него под мышкой.

Теперь она не видела его лица, и чарующее веселье просто исчезло. Только что это был флиртующий мужчина, в следующую секунду — Олаф. По его лицу, по глазам было видно — и он не скрывал этого, — что ничего «безопасного», ничего «по согласию» у него в мыслях нет. Он позволил себе показать свою суть монстра, не скрывая ее. У меня перехватило дыхание, я чуть не споткнулась. Этот хищный взгляд объяснил мне, что Олаф не изменился ни капельки. Разве что раньше больше от меня скрывал.

Ники взял меня за локоть и подтолкнул вперед, прошептав:

— Не давай ему себя напугать, именно этого он хочет.

Я кивнула, продолжая идти. Он убрал руку, но остался рядом. Лисандро шел следом.

— Отто, нам нужно сейчас к маршалу Форрестеру и остальным, — сказала я спокойным голосом, такой степени спокойствия, где вообще кончаются интонации.

Мне шаг оставался до той пустой тишины в голове, которая бывает, когда я убиваю. Последнее время мне даже не нужна эта отстраненность, чтобы спустить курок. Это должно было бы меня беспокоить, но — нет. Беспокоил меня Олаф. С монстрами надо разбираться в порядке очередности, даже если один из них — ты сама.

— Нам пора, маршал Джеффрис, — сказала я — тихо и без эмоций.

Олаф все еще держал руку этой женщины.

— Она хочет со мной встречаться.

Женщина посмотрела на него, потом на меня:

— У вас какие-то разборки?

Мы ответили в унисон: я — «нет», он — «да».

Она попыталась высвободить руку, но Олаф не отпустил. Не глядя на нее, он сказал:

— Она отвергла все мои предложения.

Олаф смотрел на женщину, снова натянув на лицо притворную улыбку.

Она глянула на меня — слегка обеспокоенно:

— Вы не его бывшая?

— Нет.

Она снова ему улыбнулась:

— Ну и отлично.

И даже положила другую ладонь ему на руку, ощущая его уже обеими руками. Женская версия обжимания обеими руками, хотя у мужчин это выглядит агрессивно, а эта женщина сейчас льнула к его руке как жертва. Или это я экстраполирую, зная, кто он такой.

— Нет, — сказала я и покачала головой. — Нет.

— Вы упустили свой шанс, — заявила она.

— Как вас зовут?

Женщина посмотрела недоуменно, но ответила:

— Карен. Карен Веласкес.

— Это не поможет, — сказал Олаф.

— Что не поможет? — спросила она.

— Сообщить ему имя, чтобы у тебя была личность.

— Чего? — спросила Карен Веласкес и убрала руку с его руки.

— Отто, тебе звонит Форрестер, — вмешался стоящий сзади Бернардо. — Ты опять телефон выключил?

Голос его прозвучал приветливо и нормально, и, как пленка масла на воду, только прикрывал то, что есть, но, по сути, не изменил ничего.

Бернардо шелк нам, будто и не было такого напряжения, хоть топор вешай. Он улыбался приятной улыбкой и снова остановился посередине между нами, но чуть в стороне.

— Нам надо туда, где они. Они нашли какой-то след.

Эдуард сперва позвонил бы мне, и в этом я была уверена на девяносто девять процентов, но оценила прием, которым Бернардо хотел убрать эту женщину от Олафа подальше. Я не думала, что он начнет ее уродовать здесь и сейчас, но если он договорится с ней о свидании, то оно будет именно таким, как хочет он. Кровь, смерть и такие штуки, которые не повторить, если ты не некрофил, а я отметила у Олафа желание, чтобы жертва ощущала боль, а то кайфа никакого.

Олаф поднес к губам руку Карен Веласкес и поцеловал, но при этом пристально смотрел на меня. Она и не заметила — просто улыбалась и чуть ли не таяла от удовольствия.

— Ты красавица, и мне не терпится с тобой увидеться, как только освобожусь.

— Позвони мне, — ответила она, сияя.

— Я тебя найду, — сказал он с улыбкой.

— Давайте по машинам наконец, работа ждет, — сказал Бернардо и замахал руками, изображая загонщика, направляя нас к парковке. Женщина крикнула Олафу:

— Позвони мне!

Он помахал ей рукой, но с лица исчезали и флирт, и веселье. Когда мы садились в машину, его лицо уже было прежним, если не считать бороды.

Я набрала воздуха, но меня опередил Бернардо:

— Ты знаешь условие, Олаф. Если ты будешь тешить свое хобби на американской земле, потеряешь все. Значок, обе работы, вообще все. И Эдуард тебя убьет, так что действительно все.

— Постарается убить, — поправил Олаф.

Я пропустила эти слова мимо ушей. Это реплику Олаф должен был подать, как и я должна была бы на его месте. Нельзя признавать ничье абсолютное превосходство, даже Эдуарда. Но эти детали сделки с Олафом были для меня новы.

— Так что не только ты, я и Эдуард знаем, кто он такой?

— Кое-кто еще, да, — ответил Бернардо. — Но все это держится на согласии Олафа свои инстинкты серийного убийцы здесь не применять.

Я глянула на Олафа:

— Наверное, ты очень хорошо умеешь делать что-то, им нужное.

— Я много что умею делать хорошо.

Он сказал это почти без интонации, и если бы я такое услышала от другого, восприняла бы как намек на флирт, но Олаф зря ни с кем не флиртует — только со своими жертвами, очевидно. Если ты ему нравишься по-настоящему, то настоящее и видишь. Обычно мне это в мужчинах нравится, но так как настоящее — это сексуальный садист, маньяк и серийный убийца, то получается несколько сомнительный плюс. Лестно, поскольку я наверняка видела его истинной сути больше, чем любая женщина, и чертовски страшно. Лестно и страшно — Олаф во всем такой.

— Верю, — сказала я совершенно серьезно.

— Правда?

Он посмотрел на меня, будто видя насквозь — или пытаюсь увидеть.

— Да.

— Тебе было неприятно видеть меня с той женщиной.

— Ты мне дал увидеть, что ты хочешь с ней сделать, Олаф. Естественно, мне это было неприятно.

— Нам обоим, — добавил Бернардо.

Олаф поднял глаза, и я думала, он смотрит на Бернардо, пока он не сказал:

— А вот тебе было наплевать. Правда, Ник?

— Правда.

Я обернулась к Ники, который стоял совсем рядом со мной, лицо спокойное, как обычно.

— Вы друг друга знаете?

— Вроде того, — ответил Ники.

— Да, — сказал Олаф.

Я посмотрела на одного, на другого.

— Так, рассказывайте. Откуда вы друг друга знаете?

— Наверное, всем остальным стоило бы отойти в сторонку.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы с чистой совестью сказать, что ничего не слышали, — пояснил Ники.

— Что?

Бернардо похлопал Лисандро по плечу.

— Давай, пусть поговорят.

Лисандро оглядел нас одного за другим, потом посмотрел на меня.

— Ты мне сказала дать вам поговорить. Я дам, но потому только, что Ники с вами. С маршалом Джеффрисом я бы тебя наедине не оставил.

Олаф посмотрел на него долгим взглядом:

— Ты сделаешь то, что скажет тебе Анита. Я это уже видел.

Лисандро покачал головой:

— И я тебя видел. С тобой я ее наедине не оставлю, даже если Анита мне прикажет.

Я попыталась что-то сказать, но Лисандро повернулся ко мне и покачал головой:

— Анита, мы все считаем, что тебя нельзя с ним оставлять.

— А меня уже и не спрашивают?

— Нет.

— Он тебя не уважает, — сказал Олаф.

— Я уважаю Аниту, но тебе, — он ткнул пальцем в возвышавшегося над ним Олафа, — с нашей начальницей быть наедине не разрешено.

— Если она правда командует, то ей решать, с кем ей оставаться наедине.

— Не в этом вопросе.

Олаф посмотрел на меня:

— И ты ему разрешишь собой управлять?

Вопрос-ловушка. Если я отвечу, что есть мужчина, который мною «управляет», это меня может перевести из подружек серийного убийцы в жертву серийного убийцы. Как ни беспокоило, что он думает обо мне как о возможной подруге, но это лучше, чем если будет просто считать меня мясом. Переходить в извращенных фантазиях из первой категории во вторую мне не хотелось никак.

— Лисандро мною не управляет, и никто не управляет, но если ты не заметил: Эдуард тоже не оставляет меня наедине с тобой.

Олаф нахмурился:

— Но если бы ты хотела со мной остаться наедине, он бы разрешил.

— А, я понял. — Бернардо снова встал почти между нами. Мы посмотрели на него. Он сказал: — Нет, Эдуард бы не разрешил. Он мне дал прямой приказ: если вы двое окажетесь наедине и что-нибудь случится плохое, он меня убьет.

При этих словах он улыбнулся, но глаза остались серьезными. Перспектива его не радовала.

— Ты не опекун мне, Бернардо, — сказала я.

— Я знаю, но это не важно, потому что Эдуард говорил серьезно.

— Я с ним поговорю.

Он пожал плечами:

— Можешь попробовать. Но если этот вот шкаф тебя действительно убьет, то Эдуард, когда убьет его, перебьет нас всех. Меня — потому что обещал, а остальных — потому что они твои телохранители и недолжны были такого допустить. Он всех нас убьет, Анита, так что сделай нам одолжение: не погибай, ладно?

На это я даже не знала, что сказать.

— Я большая девочка, я могу о себе позаботиться.

— Можешь, конечно, — ответил Бернардо, — но горевать Эдуард будет невероятно. Это будет ему очень, очень тяжело, а люди его склада стараются сделать все, чтобы такое горе не повторилось. И свое горе он распространит на всех нас — не потому что мы это допустили, а чтобы себя занять, отвлечься от страдания.

— Ты о чем вообще?

— Если он обвинит твою охрану и будет должен всех их убить и меня в придачу, на это уйдет время, и есть шанс, что мы его убьем до того, как он перебьет всех. Я отлично умею выживать и убивать, и твои ребята тоже это чертовски хорошо умеют. Даже для Эдуарда задача очень непростая, учитывая, что мы будем предупреждены.

— Так что перебить вас всех — это даст ему цель, работу, отвлечение от переживаний.

— Ага, — подтвердил Бернардо.

— Вы на эту тему много думали, я вижу.

— Когда тебе кто-то вроде Эдуарда говорит, что убьет тебя, тут будешь много думать.

С этим трудно было спорить.

— Еще это способ рискнуть самоубийством без самоубийства, — сказал Ники.

— Я тоже так думаю, — согласился Бернардо.

— Не думаю, что я уж настолько важна для Эдуарда, чтобы он на такое пошел. Он не будет рисковать, ведь для него это значит — оставить Донну и детей одних.

— Он сделает именно так, как я сказал, Анита. Сам он даже так не думает, или не знает, что так думает, но не сомневайся: если тебя убьют — особенно если он почему-то будет винить себя, — Эдуард превратится в разрушительную силу. Он себя и так винит в том, что вообще когда-то представил тебя Олафу. Если Олаф с тобой сделает то, что делал с другими жертвами, Эдуард, чтобы смыть эти образы, мир кровью зальет.

Я не знала, что сказать, хотя возразить хотелось. Хотелось ему сказать, что он не прав, но внутренний голос шепнул: «А что бы я сделала, если бы кто-то замучил Эдуарда, и я бы считала, что по моей вине?» Я бы не стала класть народ штабелями, но всякий, кого я сочла бы причастным, был бы убит. У меня больше правил, чем у Эдуарда, и если так чувствую я, то насколько больше натворит он, если убьют меня? Особенно если я погибну в не слишком нежных руках Олафа? Я не хочу, чтобы убили Ники и ребят, поговорю об этом с Эдуардом, и Бернардо тоже не надо. Они этого не заслуживают. Но смерть Олафа от рук Эдуарда — это да. И от мысли, что Эдуард будет его убивать медленно-медленно, стало тепло и хорошо.

— Я с ним поговорю про вас про всех. Не хочу, чтобы кому-то было плохо только потому, что меня нет.

— Можешь поговорить, — согласился Бернардо, — только это без толку. Я его не первый год знаю. Видел, как он делал такое, чего у тебя на глазах не стал бы. И поверь мне: я бы предпочел, чтобы за моим скальпом охотился кто угодно, только не он.

И снова мне нечего было сказать, кроме как согласиться:

— Я бы тоже не хотела быть объектом его охоты.

— При всем вышеизложенном ты выделила именно этот аспект?

Я посмотрела на него и пожала плечами:

— А что еще ты хочешь от меня услышать?

— Ну, ты мужик, Анита! В смысле, с виду ты девчонка, но поступаешь по-мужски. В упор не видишь всю эмоциональную муть и выделяешь только то, что Эдуард опасен. Черт побери!

— А ты всегда такая баба? — спросил Ники.

Бернардо глянул на него недобро, расправил плечи, чуть подался вперед. Многие думают, что драка начинается с мрачных рож, криков, но это не так. Она начинается с едва заметных движений — человеческий вариант вздыбленной шерсти у собаки. Но собаки знают, что это значит. Как и мужчины в большинстве своем.

Ники улыбнулся — это был еще один способ разозлить противника. Дело шло к драке, хотя нормальная женщина не поняла бы, что он сделал. Но я-то не нормальная.

— Ники, брось, — сказала я.

Он посмотрел на меня, стараясь сделать невинное лицо, но не получилось.

Бернардо придвинулся ближе, и я встала между ними.

— Из-за глупостей драться не будем, — сказала я.

— Ты мне не начальник. Пока что.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под этим «пока что», но знаю, что тратить время на свары мы не будем.

— Бернардо — новый, — сказал Лисандро. — Ты Ники не говорила, что с ним нельзя драться по-настоящему, а Ники уже давно тоскует без настоящей драки.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под настоящей дракой. Он спаррингует с другими охранниками.

— Спарринг — это не настоящее, — ответил Лисандро.

Я обернулась к Ники:

— Так, чего я не поняла?

— Не знаю, о чем ты, — ответил он.

— Отчего тебе хочется драться с Бернардо по-настоящему?

Он смотрел и молчал.

— Отвечай на мой вопрос, Ники.

Он скривился, вздохнул и ответил, потому что не мог иначе. Если я задавала прямой вопрос, у него не было выбора.

— Я теперь никого не бью, потому что никто мне за это не платит, и ты мне сказала, что я никого из твоих не имею права убивать, даже если драку начнут они, а не я. На тебя работают достаточно крутые парни. Убить их я бы мог, но если нельзя убивать, то они могут отлупить меня, и сильно. Поэтому я не дерусь.

— Спаррингуешь, — напомнила я.

Он посмотрел куда-то мимо машин, будто считал до десяти.

— Это не то же самое, Анита. Ох, насколько это не тоже самое!

— Если я правильно поняла, ты хочешь драться с Бернардо, потому что его можно побить или убить?

— Кого-нибудь побить мне очень хочется.

Большие руки сжались в кулаки, плечи и торс напряглись, будто сжатая пружина ждала освобождения.

— Почему?

Ники посмотрел на меня недружелюбно. Такой взгляд иногда можно увидеть в зоопарке, из-за решетки. Как бы ни была просторна клетка, сколько бы ни лежало у зверя в ней игрушек, всегда кто-нибудь из больших кошек будто помнит ощущение бега на свободе и знает, что клетка — всегда клетка, пусть и просторная, и хочет наружу. Лев Ники наполнил его здоровый глаз янтарем, но Ники моргнул, и глаз снова стал человеческим. Я все равно знала, что лев только что здесь был, выглядывал из клетки, которую я для него построила. Клетку, которую он — и Ники — презирал и ненавидел. Как я этого не видела? Не хотела видеть, не хотела понять, что как бы ни был укрощен Ники, он все равно тот же социопат, которого я увидела несколько лет назад. Я его не переменяла, лишь сломала и подчинила своей воле.

Блин!..

Ники склонил голову, длинный треугольник волос отклонился от лица, и шрамы пустой глазницы стали четко видны на солнце. Он не любит показывать эти шрамы, так что я поняла: он так расстроен, что забыл об этом. Изменилась осанка: перестала быть воинственной в ожидании схватки, ушло напряжение.

— Ты огорчена, и я это чувствую. Ты печальна. Я знаю, ты огорчена тем, что сделала со мной, Анита. Я не хочу, чтобы ты огорчалась.

Он поднял голову и посмотрел на меня. Какое-то страдание было в его лице, напряженное усилие — понять, что же он чувствует.

Я протянула к нему руку, он придвинулся, подставив под нее лицо, пристроился щекой к ладони и выдохнул, будто что-то тяжелое и неприятное исторг из себя. И это снова был мой Ники — или тот, которого я начинала считать своим. Прижав мою руку своей к лицу поплотнее, он шепнул:

— О господи!

— Жутковатое зрелище, — сказал Бернардо.

— Ты его укротила, сделала домашним котом, — отметил Олаф.

Мы с Ники оба к нему обернулись, и Ники снова подобрался. Я ощутила в руке вибрацию его зверя. Прижимая к лицу мою руку, он смотрел на Олафа недобрыми глазами. Трудно быть грозным, когда обнимаешься, но Ники вроде бы и в голову не приходило выпустить мою руку. Или желание быть рядом было сильнее желания быть грозным?

— Я слышал, ты Ника перевоспитала. Хорошая женщина перевоспитывает плохого мужчину, но это еще не все, я вижу. Нику необходимо было, чтобы ты перестала огорчаться. Он вынести не мог этого.

Олаф смотрел на меня, и у него на лице было выражение, которого я раньше не видела. Тихий ужас.

— Вы друг друга знаете? — спросила я.

Ники отодвинул мою руку от лица, не выпуская. Может быть, я слишком мало к нему прикасалась, когда он приехал сюда? Он смотрел на Олафа, поглаживая большим пальцем мою руку.

— Друг о друге знаем — да, — сказал он.

— В смысле?

— В том смысле, — пояснил Олаф, — что мы знаем о работе друг друга. У прайда Джейкоба есть репутация в определенных кругах. Его львы выполняли задачи, за которые другие наемники даже не взялись бы. И свою репутацию они оправдывали, пока не схлестнулись с тобой, Анита.

Интересно, сколько знает Олаф о том, что пытались сделать соплеменники Ники прошлым летом и какое жестокое фиаско потерпели.

— Ты и правда убила Сайласа ножом? — спросил Олаф, показывая, что кое-какие подробности знает.

На самом деле я его только ранила, а потом он меня послал в нокаут и чуть не убил. Второй шанс ткнуть его лезвием у меня возник лишь тогда, когда он от кого-то другого получил пулю. Я не знала, насколько быть откровенной, но Ники за меня ответил:

— Да, правда.

— Сайлас отлично владел ножом. То, что ты смогла его так убить — впечатляет.

Я сжала руку Ники, он пожал мою в ответ. Он мне советовал просто согласиться?

— Это легче было сказать, чем сделать, — ответила я, и Ники снова сжал мне руку, будто говоря: «а теперь хватит». Он не хотел, чтобы я рассказывала Олафу лишнее. Наверное, это разумно, а разумному совету я всегда готова последовать.

— Уж конечно, это должно было быть трудно. Я работал с Сайласом, когда он еще не был в прайде Джейкоба. И когда он еще не был львом-оборотнем, убить его было нелегко. Ты больше умеешь, чем мне показывала.

— Разве не Анита тебе руку сломала? Насколько больше надо было тебе показать? — спросил Лисандро.

Олаф повернул к нему голову, посмотрел. Просто посмотрел — но, наверное, своим многозначительным взглядом глаз-пещер. Лисандро ответил твердым взглядом холодных глаз, от которого почти всякий запнулся бы, но Олаф — не всякий. Лисандро, впрочем, тоже.

— Страшные глаза показывай гражданским.

У кого-то зазвонил телефон, и я не сразу сообразила, что у меня. Он заиграл мелодию «Плохой до мозга костей» из Джорджа Торогуда. Я давно уже сообразила, как убрать песню «Дикие ребята», поставленную основным рингтоном, но Натэниел выбрал много других индивидуальных рингтонов, и я еще не все их отловила. Ники нехотя выпустил мою руку, когда мне нужно было достать телефон, и это было ответом на вопрос, действительно ли ему не хватило внимания, когда он приехал.

— Да! — ответила я, когда наконец нажала кнопку.

Должна признать, что даже не ответила, а рявкнула.

— Анита?

Голос был Эдуарда, но интонация — вопросительная.

— Да, я здесь. То есть это я. В чем дело?

— Все у тебя там в порядке?

— Ну да, да. Что стряслось?

— Ты в приемном отделении столкнулась с Джеффрисом?

— У Олафа гипс на руке, но проблемы создает не он.

Я отошла в сторону, Ники за мной. Я хотела ему сказать, чтобы остался на месте, но вдруг он и другие охранники решили не оставлять меня одну? Спорить с ними мне не хотелось, хотелось говорить с Эдуардом.

Когда меня мог слышать только Ники, я сказала в трубку:

— Олаф в больнице заигрывал с сестрой. Миниатюрная, длинные темные волосы. Как раз его тип.

— Она на тебя похожа внешне, — сказал Ники, придвинувшись ближе ко мне.

Его широкие плечи закрыли меня от остальных.

Я посмотрела на него, и он был так близко, что пришлось чуть отступить, иначе лицо оказывалось не в фокусе.

— Вовсе нет.

— Что вовсе нет? — спросил Эдуард.

— Ник говорит, что эта сестра на меня похожа. Я считаю, что нет.

— Бернардо тоже думает, что она на тебя похожа?

— Не знаю.

Ники снова придвинулся, положил руку мне на плечо. Я было отодвинулась, но меня остановили две вещи. Во-первых, ему явно надо было меня касаться. Во-вторых, я почти не обратила на него внимания, когда он приехал. И третье: приятно было ощущать его руку у себя на плече. Так почти с каждым, у кого со мной метафизическая связь: приятно и трогать, и чтобы тебя трогали.

— Если Бернардо скажет, что она на тебя похожа, значит, так и есть.

— Не знаю, что скажет Бернардо, но знаю, что я подхожу под профиль жертв.

— Подходишь, хотя не абсолютно. Если он флиртует с сестрой, очень похожей на тебя, это может значить много. И ничего хорошего.

— Вообще ничего хорошего, что он ищет свидания с женщиной, Эдуард.

Ники положил руку на другое мое плечо, я сперва напряглась, потом расслабилась, прислонилась к нему спиной. Как только он почувствовал это, его самого полностью отпустило напряжение, он обнял меня за плечи своими большими руками, закрыл ими меня спереди. И мог бы обвить еще раз. Я положила свободную руку ему на бицепс, поглаживая выпуклые мышцы.

— Плевать мне на чужую женщину, Анита. Либо он с ней заигрывал, чтобы посмотреть на твою реакцию, либо пытается найти замену, поскольку ты его ухаживаний не принимаешь.

— Эдуард, нельзя позволить за кем бы то ни было ухаживать! Потому что он не ухаживает, а мучает и убивает.

Я прильнула щекой к руке Ники, жалея, что куртка мешает. Кожаная, новая куртка, которую я ему купила, но даже мягкая выделанная кожа не так приятна, как была бы его обнаженная рука. Сейчас, начав его трогать, я хотела большего контакта. Вот тут та проблема, что начнешь его трогать — останавливаться не хочется. С Домино было бы то же самое, да и с любым, с кем я метафизически связана. Интересно, будет ли на меня такое действие оказывать Этан. И я на него тоже.

— Он говорит, что хотел бы ухаживать за тобой, — сказал Эдуард.

— Я знаю, что он хочет со мной сделать.

— Я не в этом смысле говорю «ухаживать».

— Ты имеешь в виду ухаживать — как «ухаживать»? Ужин и кино?

— Насчет ужина и кино не знаю, но он попытался бы вести себя нормальнее обычного.

— Он тебе это говорил?

— Да.

— Не могу себе представить, как сидите вы с Олафом и болтаете о бабах.

— Я хотел добиться полной ясности, что он имеет в виду. Иначе бы не позвал его себе в резерв, Анита.

— Так что он тебе сказал?

— Он хотел бы иметь с тобой обычный секс.

Я попыталась отодвинуться от Ники, но он нагнулся надо мной, и я могла стоять прямее, но он все равно просто завернул меня в себя. В его обнимающих руках мне было тепло и надежно, и приятно было так прижиматься к нему спереди, так тесно. Настолько тесно, что он спереди начал увеличиваться. Секс входил элементом в ту «магию», которой я привязала Ники к себе, лишила его свободы воли. Он и его прайд похитили меня и угрожали, что убьют троих мужчин, которых я люблю. И чуть не убили меня, а потом лишили всех моих сил, кроме одной. Этой силой я и воспользовалась, чтобы заставить Ники предать всех и вся, лишь бы спасти своих любимых. До Ники я не понимала, что делаю или что это значит для того, с кем я это делаю, но с ним я действовала сознательно. Я сейчас позволила ему обнимать себя не только потому, что ему от этого было хорошо, но и потому, что мне неловко было за то, что я с ним сделала. Да, он был очень плохой, но нельзя никому взбалтывать мозги так, что не останется никого, даже социопата.

— Анита? — напомнил о себе Эдуард.

— Ты серьезно хочешь, чтобы я занялась сексом с Олафом? Не может быть.

Ники крепче меня обнял, поцеловал в темя. Я стала гладить его руку, обводя контуры мускулов под кожаной курткой.

— Хочу ли я, чтобы ты занималась сексом с Олафом? Нет.

— Тогда о чем ты вообще говоришь?

— Сам не знаю.

— Ты не знаешь? Как так? Ты всегда знаешь, что хочешь сказать.

Ники снова поцеловал мне волосы, крепче прижал, меня к себе, и я почувствовала как сильно он меня хочет. И мне передалось его возбуждение, по телу прошла дрожь, дыхание стало прерывистым. Он крепче вокруг меня обернулся, и ощущения стали еще сильнее.

— Эдуард, извини, минутку. — Я прижала телефон к животу и попросила: — Ники, чуть свободнее, а то очень отвлекает.

— Что очень отвлекает? — прошептал он мне в волосы и прижался сильнее сзади, чуть шевельнув бедрами, отчего я попыталась шагнуть прочь, но он держал меня крепко, продолжая прижимать к себе.

— Отпусти, Ники, — сказала я, и он отпустил, потому что не мог иначе.

Я схватила его за руку, и этот жест заработал мне улыбку на его радостном-радостном лице. Очень это нехорошо, что он так на меня реагирует. Так можно реагировать лишь на того, кого любишь, а Ники меня не любит. Или не так любит, чтобы простое пожатие руки вызывало такое сияющее лицо.

Я снова приложила телефон к уху, отвлекаясь от Ники и его излишне счастливого лица.

— Я здесь, Эдуард.

— Ты отвлекаешься, Анита. У нас тут... эти деятели, убивающие тигров, и Олаф. Ни с одним из этих вопросов разобраться не получится, если отвлекаться.

— У меня все под контролем, Эдуард.

— Правда?

Ники потянул меня за руку, привлекая чуть ближе. Я повернулась боком, чтобы не быть совсем уж вместе. Нельзя было позволить себе снова отвлечься так сразу.

— Мы сейчас едем за чистой одеждой для Карлтон. Как только ее экипируем, поедем к тебе.

— Да нет, тут ничего нету. Твой крысолод их выследил до опушки, а там след пропал. Либо они улетели, либо их ждала машина.

— Так что блестящая идея использовать оборотней для отслеживания убийц оказалась не столь уж блестящей.

— Идея хорошая, Анита, И когда попадем на место преступления посвежее, опять попробуем.

— Ты прав. Они еще будут убивать.

— Да, — согласился он.

— Бесит меня необходимость ждать нового убийства, чтобы поймать гадов. Как будто мы хотим, чтобы кого-то убили.

Ники наклонил голову, целуя мне волосы.

— Когда возьмете одежду для Карлтон, встретимся в мотеле. Надо снять номера для всех твоих помощников.

Я прислонилась головой к груди Ники.

— Как там Бобби Ли? — спросила я.

Я знала, что именно он перекидывался для работы по следу.

— Отключился на заднем сиденье.

— То есть уже перекинулся обратно, — сказала я.

Ники обнял меня за спину, пытаясь привлечь снова к себе.

— Да.

Я пыталась отстранить его и, повернувшись, уперлась ему в грудь плечом. Он попытался меня развернуть к себе, но я упиралась.

— Он несколько часов будет без сознания.

— От шести до восьми, — ответил Эдуард.

— Нет, Бобби Ли — сильный оборотень. Через четыре часа или меньше очнется.

— Приятно знать.

— С нами тут есть и такие, которые вообще не отключаются после обратного превращения.

С одним из них я как раз сейчас обнималась.

— То есть это очень сильные оборотни?

— Ага.

Я позволила себе обнять Ники за талию, и он попытался взять меня совсем в объятия, но я стояла боком, и хотя мы обнимались и сильное тепло его тела обертывалось вокруг меня, отвлекало все же не так сильно.

— Ты едешь с очень большими собаками, Анита.

— Я из тех, кто любит больших собак.

Я посмотрела Ники в лицо, он поцеловал меня в лоб — нежно-нежно.

— Анита, чем ты там занята?

— Разговариваю с тобой.

— У тебя голос все слабее и слабее.

Ники еще нежнее поцеловал мне бровь.

— Я же не шепчу, Эдуард.

— Я не сказал, что ты шепчешь. У тебя голос становится все слабее и нежнее. Не думал, что Лисандро или Ники так на тебя действуют.

— Лисандро — нет, — ответила я.

Ники целовал мне веко, губами щекоча ресницы. Я подняла голову — он поцеловал меня в щеку, согревая дыханием кожу.

— Если тебя Ники так отвлекает, то последи за собой, Анита.

— Послежу, — ответил я почти шепотом, потому что губы Ники оказались над моими.

— Увидимся в мотеле, — сказал Эдуард.

— До встречи, — прошептала я и нажала кнопку, так что когда губы Ники нашли мои, разговор уже закончился.

Он меня поцеловал, сперва осторожно, потом рука стала тверже, я обернулась к нему, телом к телу. Мы перестали держаться за руки, и я наконец стала таять в его руках, в его объятии, в его поцелуе. Он целовал меня крепко и настойчиво, губами, языком. Чуть прикусил мне нижнюю губу, я тихо застонала, и он прикусил сильнее, чуть оттягивая к себе.

Пришлось сказать:

— Хватит.

Он выпустил мою губу, отодвинулся, чтобы посмотреть мне в лицо — и засмеялся.

— Про твою помаду забыли!

Я заморгала, потом увидела, что у него губы в красной помаде, и даже на открытых в улыбке зубах ее следы. Покачала головой, улыбаясь, протянула руку к его губам, пытаюсь стереть алые следы.

Он тихо и коротко засмеялся:

— У тебя еще хуже.

Он провел пальцем под нижней губой, стирая следы помады, мне не видные.

— Обычно я про нее не забываю, — сказала я, но все еще смеясь.

— Значит, соскучилась по мне.

Вид у него был довольный-довольный.

— Мы его не можем вечно сдерживать! — крикнул Лисандро.

Мы с Ники обернулись к ним. Лисандро и Бернардо стояли перед Олафом, и Бернардо держал Олафа за туловище, не пуская. Олаф не очень старался его пройти, но и руки Бернардо просто напоминали ему, чтобы стоял, где стоит, а Лисандро встал вторым эшеленом обороны — на случай, если Олаф попытается прорваться.

Но пугало выражение лица Олафа. Это была ярость, невероятная ярость.

— Ревнует, — сказал Ники.

— Да, — ответила я.

— И сильнее ревнует ко мне. — Я отодвинулась от него, подумав, не смягчит ли это выражение лица Олафа. Ники протянул руку, коснулся моей руки. — Анита, не давай ему на себя давить. Он будет влиять на твою жизнь только в той степени, в которой ты позволишь.

Я не стала отбирать руку у Ники, потому что он был прав: нельзя, чтобы дурацкая ревность Олафа управляла моей жизнью. Чего я не поняла — это почему он так сильно среагировал на Ники. Может быть, он вышел на новый уровень одержимости мною, и сейчас любое мое взаимодействие с другими мужчинами его приводит в бешенство? Тоже плохо, но если дело именно в Ники, то это «плохо» другого сорта.

Понятия не имела, как убедить Олафа отойти от того, что мне казалось сумасшедшей и незаслуженной ревностью. Он мне не любовник, не бойфренд, даже не друг. У него нет права на такой гнев на лице, нет права быть мною одержимым — но как уговорить семифутового серийного убийцу,

что ты не его лапочка-зайчик? Уговорить так, чтобы он не попытался тебя убить, и тебе не пришлось его убивать? Я понятия не имела.

Глава 33

Бернардо разделил нас. Он взял Олафа, оставив Лисандро везти меня и Ники. Нам удалось расстаться по машинам и поехать в мотель, избежав того, чтобы Олаф потерял остатки самообладания. Но Олаф вдруг впал в полное и ледяное спокойствие. Эта резкая перемена настроения пугала больше, чем все, что он мог бы сделать, потому что не могла быть искренней. Как будто он взял эту бешеную ярость и просто запер в сундук, но она никуда не делась. Никуда не делась и найдет выход, да такой, что лучше себе этого не представлять.

Лисандро сел на водительское место. Я хотела сесть назад к Ники, но Лисандро попросил:

— Анита, садись со мной, впереди.

— Зачем? — спросила я.

— Вы с Ники там сильно отвлеклись. В частности, это так достало нашего здорового парня. Хотел вас растащить.

— Заставить перестать целоваться — или кости нам переломать? — спросила я.

— Похоже, Бернардо не знал, каковы его намерения, потому и остановил его.

— Я оценила, что вы с Бернардо нас прикрыли.

— Для меня это работа, а Бернардо Эдуарда боится больше, чем Олафа.

— Все равно спасибо.

— Ты садись вперед, это будет лучшая благодарность.

— Анита может сесть со мной, — сказал Ники.

— Мне не хотелось бы вести машину, пока вы двое там занимаетесь делом.

— Мы не для того садимся назад, чтобы «заниматься делом», Лисандро.

Он посмотрел недоуменным взглядом:

— Так отчего тогда не сесть вперед?

Я открыла рот и закрыла. Какая разница? Ники погладил мне пальцами руку, и совершенно естественно было их обнять ладонью. Сразу стало лучше, спокойнее. А, так вот почему это важно. Могла я пообещать, что мы не будем «заниматься делом» на заднем сиденье? Наверное, могла бы. А могла бы обещать, что мы не будем прикасаться друг к другу? Нет, да и какая разница? Что тут такого плохого? Я покачала головой:

— Сяду вперед.

Ники сжал мне руку:

— Начальник ты, а не он.

— Да, но я не могу пообещать, что мы начнем гладить друг друга и не зарвемся, Ники. Здесь он прав.

Я посмотрела ему в лицо, и увидела только желание, почти голод. С тех пор как Ники приехал в Сент-Луис, мы никогда не расставались так надолго. Я подумала: а уезжала ли я так надолго из дому с тех пор, как начался мой роман с Жан-Клодом? Я стояла и держала Ники за руку, и рука ощущалась как якорь во всей этой буре. Будь это Жан-Клод или Мика, насколько сильнее была бы тяга? Может, у меня не просто тоска по дому? Может быть, не только из-за неутоленного *ardeur*'а так сильно меня ранил корень дерева, что для лечения понадобился секс? Может, дело в том, что я не дома с Жан-Клодом и другими моими мужчинами, и потому так плохо заживала рана?

Я стояла, держала Ники за руку, и мне было хорошо, как не было много дней. Или это мне только казалось? Я не могла понять, и это тоже что-то значило. Вот блин!

— Я сяду впереди, потому что мне хочется тебя касаться. Похоже, дело не в том, что *ardeur* не утолен, а в метафизической связи, от которой желание тебя трогать сильнее нормального.

— И что это значит? — спросил он.

— Не знаю, но давай я сяду вперед и поедem в мотель. Оттуда выступим.

— Я не понимаю, Анита.

— Я тоже, — ответила я, и мы тему развивать не стали. Но села я впереди рядом с Лисандро, хотя когда Ники положил мне руку на плечо, я ее накрыла ладонью, и так мы проехали всю дорогу.

Глава 34

Лисандро заехал на парковку.

— Паркуйся перед офисом, надо узнать, хватит ли номеров на всех, — сказала я.

Он не стал спорить, просто свернул в другую сторону от наших номеров. Ники прислонился к спинке моего сиденья, рука все еще в моей руке, но теперь он лицо просунул сбоку от подголовника и ткнулся носом мне в щеку. Я подалась ему навстречу, будто не в силах удержаться, но сказала:

— Мы еще не остановились. Застегни ремень.

Он ответил тихим голосом, губами мне в волосы:

— Анита, мы едем десять миль в час. Ничего со мной не случится.

Я подавила желание сказать ему, чтобы все равно застегнул, — я несколько сдвинута на том, что ремни безопасности нельзя расстегивать до полной остановки машины, но Ники был прав. И он, черт побери, оборотень, то есть может на полной скорости вылететь через ветровое стекло и остаться в живых. Почему-то мелькнула мысль, что будь мама оборотнем, она бы не погибла, когда мне было восемь. Момент прозрения: я подумала, не потому ли я встречаюсь лишь с мужчинами противоестественной природы, что они выживут?

Лисандро нашел место под окнами офиса. Мне, чтобы выйти из машины, пришлось оторваться от Ники, но как только мы оба вышли, он взял меня за руку. Рука была правая, моя стрелковая, но так как он тоже правша, одному из нас приходилось отвлечь стрелковую руку. Мне пришлось заставить себя сделать то, что обычно я делаю машинально: высвободить руку и несколько минут молча пытаться определить, кто из нас должен усложнить себе выхватывание оружия. Но я только знала, что это буду не я. Такова одна из причин, по которым мы с Ники не слишком часто держимся за руки на публике: еще и потому, что он — мой телохранитель. Тот факт, что оба мы готовы были занять правую руку, при этом когда идет охота на опасных тварей, тоже наводил на мысль, что моя тяга быть рядом и в физическом контакте с мужчинами моей метафизической связи несколько неестественна. Надо будет позвонить Жан-Клоду, когда проснется, и спросить, что он скажет.

Но как бы там ни было, мы с Ники вошли в офисную дверь вслед за Лисандро рука в руке. Нас сразу окутал густой и темный аромат кофе, струящийся будто отовсюду. До меня дошло, что я уже и не помню, когда в последний раз кофе пила. Как так получилось? День выдался хлопотный, но все же...

Портье, который на месте преступления волновался, не потеряет ли он работу, отвернулся от полного кофейника и улыбнулся. На этот раз короткие каштановые волосы у него были аккуратно расчесаны и не слишком подходили к просторной футболке супергероя, джинсам и привычным кроссовкам, будто причесывала его мама, а одевался он сам.

— Свежий кофе, не хотите? — спросил он, подвинул к переносице сползшие очки в серебряной оправе. Жест автоматический, как у многих очкариков бывает.

— Пахнет настоящим кофе, — сказала я, таща за собой Ники к источнику соблазнительного запаха. Да, надо бежать ловить преступников, но даже рыцарям добра нужен кофе.

Он широко улыбнулся:

— Босс говорит, что у меня кофе должен быть готов в любое время. А что кофе должен быть фальшивым — такого он не говорит.

— Ход ваших мыслей мне нравится, — ответила я.

Он поставил три чашки и стал наливать очень темный и густой кофе.

— А ты кофе любишь, — сказал Лисандро у меня за спиной.

— Спасибо, мне не надо, — попросил Ники.

Клерк (как его зовут, я забыла начисто) остановился в процессе, уронив капельку на внешнюю сторону чашки.

— Прошу прощения. — Он поставил кофейник на кофеварку, достал салфетку и вытер вторую чашку. — Я рад, что среди вас кто-то его пьет. Обидно, когда хороший кофе зря пропадает.

Мы с Лисандро взяли себе по чашке, Ники вернулся в состояние бдительности, будто кто-то мог сейчас выломиться из стены и напасть. Но он был прав. Ему и мне надо было научиться справляться с тем, что заставляло нас все время тереться и касаться друг друга, или же мне придется отправить его домой. И точно так же было рядом с Домино — только с ними двумя из прибывших из Сент-Луиса была у меня метафизическая связь. Раз так, значит, что-то не так у меня с метафизикой, а это плохо.

Я вдохнула запах кофе, позволила себе закрыть глаза на миг, просто насладиться минутой. По запаху уже было ясно, что тут не нужны ни сахар, ни сливки. Этот кофе и сам по себе хорош.

— Чем я могу быть вам полезен, маршал? — спросил меня портье.

Я открыла глаза, улыбнулась:

— Извините, кофе меня отвлек.

Он тоже улыбнулся и пожал узкими плечами:

— Рад, что мог чем-то улучшить вам жизнь. Очень неприятная вышла история с раненой девушкой... маршалом.

— Спасибо, — ответила я. — Мы вообще-то приехали взять из ее комнаты одежду и отвезти туда, в больницу.

— Так она поправилась?

Я пожала плечами и улыбнулась неопределенно. Вряд ли служба маршалов хочет, чтобы о превращении Карлтон в вервольфа стало широко известно, и уж точно не хочет этого Карлтон.

— Нам всем нужны номера, — сказал Лисандро.

Я кивнула, и он был прав, вернув меня к делу. Что со мной за чертовщина? Я теряю сосредоточенность в разгаре дела — а это на меня не похоже. В такой степени, по крайней мере.

Портье зашел за конторку и спросил:

— Сколько вас? И согласны ли вы жить не в отдельных номерах?

Я стала было отвечать, но в офис вошли Бернардо и Олаф. Олаф едва не задевал головой потолок — у меня мелькнула мысль, как неудобно быть таким высоким, что потолки тебе низковаты. Хотя у меня такой проблемы нет.

— Горячий кофе! — радостно предложил портье, стуча по клавиатуре. — Сколько вам номеров?

Я посчитала про себя, отпивая глоток кофе. Вкус вполне соответствовал аромату — объедение.

— Три с двумя отдельными кроватями каждый.

— Спасибо, Рон! — сказал Бернардо еще издали и направился к кофейнику.

То, что Бернардо помнит имя портье, улучшило мое мнение о нем. Будь портье женского пола, я бы этого ожидала, но что он запомнил имя мужчины, чтобы быть дружелюбным, навело на мысль: а что если заигрывания Бернардо — всего лишь уровень общения, на который я с незнакомыми людьми не выхожу?

— Значит, места для шестерых, — подытожил Рон, стуча по клавиатуре.

— Ага.

Олаф подошел к конторке.

Рон бросил на него беспокойный взгляд, вроде бы оценивая, насколько лысая макушка Олафа близка к потолочным плиткам.

— Кофеварка вон там, — сказал он.

— Нет, спасибо, — ответил Олаф своим рокошущим голосом.

— Он ни кофе, ни чаю не пьет, — пояснила я.

— Буду знать, — сказал Рон, и видно было, каких ему трудов стоит не паяться все время на Олафа.

— Мы только вражью кровь пьем, — сказал Ники.

— Как?

Рон перестал печатать и уставился на Ники.

— Он шутит, — пояснила я, глядя на Ники сурово. Этот взгляд ясно говорил ему: перестань.

— Есть два номера наверху возле ваших прежних номеров и один внизу. Вас устраивает?

— Нам нужно быть рядом с номером Аниты, — сказал Ники.

— Аниты... то есть маршала Блейк?

— Да.

Рон ввел еще что-то.

— Очень жаль, но ничего лучше пока нет, пока никто не выехал.

Лисандро стоял возле двери, выглядывая наружу и попивая вкуснейший кофе. Он явно оценил напиток, хотя добавил к нему сливок до цвета загорелой кожи, и сахару, наверное, тоже насыпал. Я хотела назвать его слабаком, но решила, что оно того не стоит, потому что и сама тоже стала иногда добавлять сахар и сливки. Не надо бросаться камнями, камень может отскочить и стукнуть тебе по лбу.

У меня вдруг закружилась голова. Я удержалась на ногах, оперевшись на конторку, Ники поймал меня за руку.

— Что с тобой?

— Голова закружилась, — ответила я.

Колени стали подкашиваться, кофе пролился на стенку конторки. Ники поймал меня за локоть, не дал упасть.

Лисандро свалился мешком. Пустая чашка покатилась по полу. «Блин, это же кофе!» — подумала я, но сказать это вслух не получалось. Я потянулась за пистолетом, но руки слушались слишком медленно. Ники держал весь мой вес на одной руке, прижимая меня к себе, вытащив уже пистолет. И у Олафа был пистолет в руке.

Бернардо с пистолетом в руке свалился на пол. Проклятый кофе пятном разлился по вытертому ковру.

Рон, портье, протягивал руки:

— Я не знал...

Олаф выстрелил ему в грудь, и выстрел прозвучал как взрыв. Я старалась сосредоточиться, остановить проклятое кружение, качающийся мир, и в какой-то момент увидела за стойкой открытую дверь, черную и пустую, но я знала, что она не пуста. На секунду отчетливо был виден черный плащ и белая маска, мгновенно исчезнувшая размытой полосой, так что выстрелы Ники и Олафа пришлось в темноту.

Я услышала звон дверного колокольчика, и последнее, что я видела перед тем как весь мир закружился в черном вихре, была волна летящих на нас черных плащей. Последняя мысль у меня была: «Господи, надеюсь, это подсыпанный дурман, а не их реальная скорость».

Ники в темноте выкрикивал мое имя.

Глава 35

Холодно. И жестко.

Я лежала на чем-то жестком и холодном, прижимаясь щекой к шероховатой ледящей поверхности. Руку свело судорогой, запястья оказались связаны за спиной. Глаза широко раскрылись, пульс бился в глотке, сердце гулко стучало. Передо мной была каменная стена с темными пятнами. Я попробовала двинуть руками — туго завязанная веревка врезалась в запястья. Шевельнула ногами и поняла, что лодыжки тоже связаны. Их защитили сапоги, но связаны они были так же туго. Сердце готово было меня задушить, его будто надо было проглотить, чтобы спустилось обратно в грудь, и страшно было так, что кожа холодела — не от бетонного пола.

Я попыталась собраться с мыслями, одолевая панический страх. Есть здесь кто-нибудь? Видели, как я шевелюсь? Шевеление было так незаметно, что ускользнуло от внимания похитителей, или же я одна? Возле той стены, которую я видела, не было никого. Стена в потеках — может быть, поэтому и был пол влажным. Я заставила себя подмечать детали, но мало чего можно было подметить. Однако это помогло мне умирить пульс и подавить панику. Я связана, но не ранена — насколько я сама могла судить. Мне случалось очнуться в местах и похуже, где и происходило со мной тоже намного худшее.

За спиной что-то шевельнулось. Может быть, я это услышала, но ощущение было как от движения воздуха, и стало понятно: там кто-то есть, и близко. Я постаралась не напрячься, но почти невозможно не напрягаться, когда ты связана по рукам и ногам и понятия не имеешь, кто приближается сзади. Полная беспомощность вызывает напряжение.

— Вот если бы просто пошла с моим мастером и со мной, все было бы куда проще.

Глубокий рокошущий голос — оборотень из мотеля, который ранил Карлтон и превратил ее в вервольфа.

Так что я хотя бы знаю, какого вида оборотень. Немного, но хоть что-то.

Сглотнув слюну, я смогла сказать вслух:

— Проще — для кого?

— Для кого, спрашиваешь ты. Для кого — когда ты у меня лежишь на полу связанная и беспомощная.

Послышались шорох одежды и тихие звуки, которые трудно было определить, но я бы поставила на то, что это он полз ко мне.

Сперва я ощутила тепло его тела позади, потом над моим плечом возникла белая маска и клобук. Он наклонился надо мной, и я увидела, что глаза у него бледно-зеленые и не человеческие. На человеческом лице — волчьи глаза, и это могло объяснять, почему голос у него рычащий. Значит, он провел слишком много времени в образе волка — то ли ему так нравилось, то ли это было вынуждено, в наказание. Глаза обычно меняются первыми, потом зубы, а потом более глубокие отделы рта и глотка — поэтому голос и остается более низким.

Глаза у него были так близко ко мне, что я видела уголки глаз и знала, что он хмурится.

— Ты не боишься, и ты о чем-то думаешь. О чем же ты задумалась, что позволило тебе избавиться от страха? Секунду назад ты боялась.

Я решила, что от правды вреда не будет.

— Кто тебя продержал в животном образе, пока глаза у тебя не стали волчьими даже в человеческом образе?

Он зарычал на меня, все ближе и ближе склоняясь белой гладкой маской, так близко, что я уже не видела зеленых волчьих глаз, а видела лишь размытую белизну. Снова зачастил пульс, и я ничего не могла с ним поделать. Связанная, беспомощная, а он нависал надо мной. Я бы и от человека такого не хотела, тем более от вервольфа, но если честно, не это меня тревожило. Тревожила белая маска и невероятная скорость, которую видела я в ту первую ночь. Он из «Арлекина» — значит, я в их руках. И вот это меня пугало до судорог.

Из-за маски послышался глубокий вдох, белая гладкая маска прижалась к моей щеке, вервольф втянул воздух ноздрями.

— Вот теперь ты боишься. Это хорошо.

Он свернулся около меня сзади, прижавшись к моей щеке прохладным искусственным лицом. Все поле зрения заполнила размытая белизна маски. Одна рука вервольфа проползла по мне спереди, прижала к нему. Он был настолько меня выше, что к моей спине прижималась в основном его верхняя половина.

Я старалась смирить пульс и частоту сердечных сокращений. Он хочет, чтобы я боялась, — значит, я не должна этого делать. Ничего не делать, что хочет он.

Пульс успокоился, сердце замедлило ритм. Вервольф зарычал тяжелой низкой нотой, вибрацией груди и шеи, отдавшейся в моем теле. Рычание поразило ту часть моего мозга, где еще сохранилась память о том, как надо жаться к огню поближе от страшных тварей ночи, и когда кто-то рычит из темноты — это значит, тебя хотят убить. Я не смогла унять быстро забившееся сердце, и оно разгоняло кровь по телу горячо и быстро. А волк зарычал сильнее, вибрацией отозвался мой позвоночник, предупреждая, что сразу за звуком появятся клыки.

Как полузабытые духи возник аромат мускуса, и вервольф прижался крепче. Что-то шевельнулось во мне — белая тень поднялась во тьме разума. Волчица встала и встряхнулась белой шерстью, как любая собака после дремоты.

Волк за моей спиной застыл неподвижно, и голосом еще более глубоким, полным такого рычания, что человеческая глотка не могла бы издать его без боли, спросил:

— Что это?

— Нос у тебя есть? — спросила я с лишь едва заметной дрожью в голосе. — Его спроси.

Он втянул воздух, глубоко, медленно-медленно, по каплям его выпустил, пробуя, как пробуют драгоценное вино, глотая медленно, чтобы ощутить все его оттенки. Моя волчица втянула этот воздух, будто тоже ощутила запах вервольфа.

— Волк? Ты не можешь быть волком! — прорычал он.

— Отчего это? — спросила я, почти шепотом так близко было его лицо, что чуть громче — и это уже был бы крик.

— Будь ты вервольфом, ей бы не было нужно твое тело, — прорычал он рядом с моей щекой.

— Отчего это? — повторила я.

— Она волками не управляет.

И он напрягся. Наверное, ему не полагалось это разглашать.

— Только кошками, — сказала я.

— Да.

Рычание чуть стихло, стало больше похоже на низкий шепот, будто он боялся, что нас подслушают. Однажды «Арлекин» напихал жучков во все наши заведения в Сент-Луисе, так что нас, наверное, подслушивали — а может, и наблюдали за нами. Прямо сейчас.

Я очень постаралась не шевелить губами, и даже не прошептала, а выдохнула:

— Мать тобой не управляет?

Моя волчица порысила по длинной темной дороге где-то в глубине — такая у меня визуализация невозможного. Невозможно, чтобы во мне жили звери, которые хотят вырваться через кожу, но они во мне есть, и я «вижу», как они топают по длинной тропе, которая не тропа, которая отделяет меня от них. В достаточно реальном смысле они и есть я. Сознанием я это понимаю, но, чтобы не свихнуться, представляю себе тропу.

Он стал жадно нюхать, будто хотел втянуть меня в ноздри, придвинулся еще ближе. Между нами были мои руки, так что прижаться полностью он не мог, и лицом он прикасался к моему, поэтому в руки мне упирался его торс. Я старалась удержать руки там, где они были. Уж лучше пусть прижимается, чем угрожает. Мне только не спешить и ничем ему не напомнить, что его задача — меня устроить.

— Нет, — ответил он шепотом и рукой прижал к себе сильнее.

— Она тебя заставила принять форму волка, — выдохнула я.

— Она не могла бы. Это сделал мой мастер.

Я прижалась щекой к холодной глади маски, стараясь как можно лучше спрятать лицо от камеры, если тут она есть. В этой позе сильнее ощущался его волчий запах, и моя волчица быстрее припустила по невидимой тропе. Стало светлее, я видела ее темный чепрак на белой шкуре, она мелькала в полосах света и тени от деревьев. Эти деревья, как и весь ландшафт, я никогда не видала в реальности.

Снова я стала вдыхать его запах, и по длинной метафизической связи учуяла другого волка, несколько других волков. Это был запах моей стаи, и он мне всегда нравится: запах сосны и толстой лесной подстилки.

И он еще принюхался, потом обнял меня крепче.

— От тебя не одним волком пахнет. Как это может быть?

— Я — лупа стаи, сука-королева.

Он зарычал из-под маски, отодвинувшись, чтобы заглянуть мне в лицо:

— Врешь!

— Если у тебя хватает силы превращать только когти, должно хватить и силы, чтобы чують ложь. Я лупа нашей стаи, клянусь, что это так.

— Но ты — человек! — взвыл он громко, почти завопил.

Волчица перешла на ровную размашистую рысь, почти бег, будто хотела доказать правду моих слов. Но в темноте вокруг нее возникли тени, не мы, будто я вызвала призраков нашей стаи. Со мной был их запах, не вид, но для волка запах реальнее вида. Одна из причин, почему волков не беспокоят привидения — если с привидением не приходит запах. Можешь выть и стонать с утра до вечера, но если ты ничем не пахнешь, волк и ухом не поведет.

В мужчине, лежащем рядом, я ощутила одиночество. Не потребность в сексе или даже любви, нет, он хотел чтобы еще чье-то мохнатое тело прижималось бок к боку, хвост к носу во время сна. Мне говорили, что *ardeur* — сексуальное вожделение, но в моем случае это скорее желание сердца. Чего ты хочешь — чего ты хочешь на самом деле? Та часть моей личности, что несет в себе *ardeur*, видит эту правду насквозь. Тот, кто обнимал меня сейчас, хотел не секса и даже не любви: он хотел стаи. Хотел бегать под луной с такими же, как он, хотел охотиться в стае. Ни один кот, даже в человеческом виде, этого одиночества не поймет.

— Ты — единственный волк, — сказала я шепотом.

— У нас был еще один, но он ушел от нас.

Сожаление в его голосе напоминало плач без слез.

— Я знаю, где он.

Джейк — один из арлекинов, что перешли на нашу сторону.

— Мы знаем, что он с тобой, — сказал он, на этот раз с рычанием, — но ушел он от нас намного раньше. Он нас предал.

— Он поступил, как поступают волки. Заботился о стае, а не об одном только себе.

— Тигры — не волки!

Он схватил меня за руки, посадил, встряхнул слегка — дал почувствовать свою силу.

— Нет, — согласилась я. — Но в Сент-Луисе у него волки есть. У него есть наша стая, он не одинок.

Пальцы впились мне в бицепсы, поющая в них сила плясала у меня на коже, будто он сдерживал себя, чтобы не раздавить мне руки — или не всадить в них когти. Когда предлагаешь кому-то исполнение его самых тайных желаний, одни бывают благодарны, но другие приходят в ужас. Потому что получить желание своего сердца — для этого нужно расстаться с частью старой жизни, прежней личности. Для этого требуется мужество — без него не прыгнешь. Если же не прыгнешь, у тебя три варианта: можешь ненавидеть или себя, что упустил возможность, или того, ради кого ты пожертвовал счастьем, или же того, кто тебе это счастье предложил. Вину за нехватку мужества переложить на него, убедить себя, что это было не на самом деле. Тогда можно ненавидеть не себя. Винить другого — всегда проще.

Я смотрела в зеленые волчьи глаза, видела внутреннюю борьбу.

— Мне говорили, что ты предлагаешь только секс, — сказал он рычащим голосом.

— Тебе врал, — ответила я тихо.

До намека, что могли соврать и о многом другом, пусть додумывается сам.

Он меня отпустил, будто ему руки обожгло, встал и направился к двери взметнувшимся вихрем черной пелерины. У двери остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Анита Блейк, ты победила меня дважды. Ты не просто суккуб, в тебе куда больше магии.

— Я никогда этого и не отрицала.

Он открыл дверь, вышел, и я услышала, как заскрежетал задвигаемый засов. Я была заперта, связана, но я сидела, дурман наркотика выветрился, и я была одна.

Быть одной — это ведь не так уж и плохо.

Глава 36

Комната была размером со спальню средних размеров, но стены каменные и пол бетонный, такой, будто залили слишком толстым слоем и не удосужились выровнять, и он застыл холмами и долинами. На стене, к которой я подобралась, были потеки воды, в углу она стояла мелкой лужицей. Неудивительно, что я очнулась, дрожа от холода. Мы в подземелье? В середине потолка висела тусклая голая лампочка. Из мебели в комнате был только большой деревянный стол, с виду прочный и тяжелый — почему, наверное, и оказался здесь: слишком трудно вытащить. Я даже оглянулась на дверь, прикидывая, не собрали ли стол прямо в этой комнате, иначе как бы он сюда попал? Потом я перестала заниматься расчетами передвижения мебели и стала рассматривать единственный другой имеющийся предмет: штабель деревянных ящиков у дальней стены, кое-как прикрытый грязным брезентом — будто кто-то начал их накрывать, но так и не закончил. Под брезентом могло быть еще что-нибудь, но мне надо было ползти туда дюйм за дюймом, извиваясь как гусеница. Кроме того, за мной наблюдали. И вряд ли мне разрешат подобраться к чему-нибудь, что может перерезать веревки.

Но все же стоило попытаться подлезть к ящикам поближе — это единственный предмет в комнате, внушавший какие-то надежды. Все остальное для перерезания веревок было бесполезно, насколько я могла оценить. Еще я поняла, что когда-то назвала бы это помещение темным, но год прожила в подземелье «Цирка Проклятых». Там помещения — часть системы пещер под Сент-Луисом, и у меня понятия о тусклом освещении сместились. Ночное зрение у меня всегда было хорошим, но, может быть, живущие во мне звери подарили мне не только силу и быстроту выше нормальных человеческих. Вроде ночное зрение стало улучшаться.

Я услышала, что у двери кто-то есть. Ничего не шевельнулось — кроме моей головы и тела, когда я повернулась к двери, ожидая, чтобы она открылась. Мне не пришлось шифроваться, скрывая что-либо, и это даже как-то обидно.

Вошел арлекин в черном плаще и белой маске под капюшоном. Он был выше вервольфа, следовательно, новый — или тот, кого в лесу мы с Эдуардом видели мельком. (Я не тешила себя надеждой, что Эдуард меня спасет: если кто это и сделает, так только я сама, но все равно было приятно, что он где-то есть. Я знала, что он землю и небо перевернет, чтобы меня найти. Знала — потому что сама для него сделала бы то же самое.)

— Тебе нужно будет убрать щиты, чтобы Мать Нас Всех взяла твоё тело.

Голос у него был совершенно человеческий, без всякого рычания, и звучал очень разумно, — если не вникать в смысл.

— В этом случае, я думаю, мне не захочется их убирать, — ответила я столь же рассудительным тоном.

— Мы предвидели этот ответ.

Он развернулся в вихре черного плаща, на миг закрыв от меня дверь. Наверняка эти упражнения с плащом были отработаны для вящего эффекта. Когда он от двери отступил, стали видны еще три арлекина — они стояли, держа кого-то на руках. Двое держали его за руки, скованные за спиной, третий — за скованные ноги. Черные густые волосы упали, скрывая лицо. Первая мысль была — Бернардо, но его энергия ударила в меня танцующими искрами. Оборотень.

Сердце у меня забилося в горле — ничего хорошего ждать не приходилось. Твою ж мать.

— Если перекинешься — застрелим, — сказал высокий с рассудительным голосом.

Лисандро — поскольку это наверняка был он — что-то промычал, и я поняла, еще не видя, что у него кляп. Глаза уже стали из темных черными — для него это начало превращения.

Рассудительный вытащил из-за спины пистолет.

— Не надо! — сказала я.

— Я его предупредил, — ответил арлекин и приложил пистолет к ноге Лисандро выше колена.

Лисандро смотрел на меня, в глазах его были гнев и энергия, но не страх.

Арлекин спустил курок — выстрел в каменных стенах прозвучал громом. Эхо отразилось от стен, заглушив почти все звуки, которые издал Лисандро. Он не завопил, но и молчать не мог, когда пуля разорвала ему колено. И не мог не вырываться, когда его корежило от боли, но три арлекина держали так, будто все его дергания — ерунда, и они могут так всю ночь. Когда он затих, из ноги текла струйка крови и стекала на пол. Трое похитителей смотрели прямо перед собой, как солдаты на параде. Это отсутствие реакции пугало сильнее выстрела.

На фоне звона в ушах высоко и тонко прозвучал голос разговорчивого арлекина:

— Это была свинцовая пуля, рана быстро заживет. — Он вытащил из-за спины другой пистолет — я подумала, что же у него за кобура такая. — Этот заряжен серебряными. Сперва я тебя искалечу, потом убью. У нас хватит других заложников, Лисандро. Какое симпатичное имя для такого мужественного красавца. — Арлекин обернулся ко мне: — Как по-твоему, он красив, Анита?

— Ты знаешь наши имена. Как зовут тебя?

— Мы — Арлекины. Этого достаточно.

— То есть вас всех называть Арлекинами, как всех собак — Бобиками? Брось, у вас наверняка есть имена.

— Мы — Арлекины.

— Ладно, Арлик, чего ты хочешь?

— Ты знаешь, что меня зовут не Арлик.

— Скажи свое имя, я тебя буду им называть.

— Мать Нас Всех запретила сообщать тебе наши имена.

— Трахать меня нельзя, имя называть нельзя. Что она еще запретила со мной делать?

— Я тебе задал вопрос, считаешь ли ты Лисандро красивым. Ты вопрос проигнорировала.

— Да, он симпатичный. Его жена тоже так думает.

— Значит ли это, что он не входит в число твоих любовников? Какое разочарование.

Я проглотила слюну, глянула в карие человеческие глаза Лисандро. Наверное, у него была та же мысль, что у меня: какой ответ больше всего нам поможет? Сильнее они будут его мучить, узнав, что

он мой любовник, или меньше? А если они решат, что он не любовник мне, не убьют ли они его просто так? У них есть другие заложники — кто? Кто?! Господи, спаси и помилуй...

Арлик — за неимением лучшего имени — встал между нами, чтобы мы не переглядывались.

— Анита, это простой вопрос. Он входит в число твоих любовников?

— Если честно, я пытаюсь решить, какой ответ больше тебе понравится.

— Больше всего мне понравится правда, Анита.

Не нравилось мне, что он называет нас фамильярно по именам, будто старый знакомый. Я бы любую сумму поставила, что раньше этого голоса не слышала.

— А ты согласишься, если я скажу: «и да, и нет»?

Он отодвинулся так, чтобы я видела Лисандро и приставленный к его голове пистолет.

— Может быть, я просто его убью. Смерть одного из них, мне кажется, должна склонить тебя к сотрудничеству.

— Не надо, — сказала я.

«Не надо, — сказали мне глаза Лисандро. — Если они чего-то хотят, не делай этого».

Арлик повторил вопрос, подчеркивая каждое слово, и на этот раз в его голосе были гнев и жар, сменившие рассудительный тон:

— Он — входит — в число — твоих — любовников? Если учую вранье — убью его, Анита.

— У нас однажды был секс, но мы, уважая чувства его жены, с тех пор вели себя прилично. Так что видишь, я не врала, говоря «и да, и нет».

Я говорила правду, но Арлик, похоже, хотел помучить Лисандро. Может, он из тех, кто любит причинять боль.

— Чувства его жены? А поконкретнее?

Ствол пистолета был по-прежнему приставлен к затылку Лисандро. Мне не хотелось видеть, как у него вылетят мозги. Не хотелось сообщать его жене и детям, что он погиб у меня на глазах.

— Ну, она сказала ему: если он еще хоть раз ей изменит, она уйдет и детей заберет. Или убьет и его, и меня.

Он шевельнул волосы Лисандро дулом пистолета — как собаку почесал.

— И ты думаешь, она говорила всерьез?

— Что уйдет и заберет детей? Да?

— Нет, Анита, насчет убить тебя и его. Это она всерьез?

Я пожала плечами — насколько могла это сделать, когда руки за спиной связаны.

— Не знаю.

— Брось. Должно же у тебя быть какое-то мнение об этой женщине.

— Я с ней не знакома.

— Интересно, — сказал он и переставил дуло под подбородок Лисандро. Тот дернулся, но Арлик надавил сильнее, поднял ему подбородок пистолетом, чтобы посмотреть в глаза. — Твоя жена действительно убила бы вас обоих?

Лисандро смотрел свирепым взглядом.

— А, кляп! Забыл, простите за глупость. Ты кивни. Если бы вы с Анитой снова занялись сексом, жена бы вас убила?

Лисандро смотрел, не шевелясь.

— Отвечай, Лисандро.

— Может быть, он тоже не знает.

Арлик покосился на меня:

— Не подсказывай.

— Я только могу сказать, что почти у всех моих знакомых пар такие слова проскакивают в минуту гнева, хотя и не в буквальном смысле, но что детей забрала бы — не сомневаюсь. А он тренирует их команду по европейскому футболу и рисковать не стал бы.

Арлик стволом пистолета поднял голову Лисандро так, что это должно было быть больно.

— Лисандро, это правда? Ты дорожишь своей семьей?

На этот раз Лисандро слегка кивнул — насколько позволяла задранная шея.

Арлекин убрал пистолет, давая опустить голову.

— А ты дорожишь своим телохранителем, Анита?

Лисандро полыхнул на меня гневными темными глазами. И снова мы оба думали, какой ответ нам поможет, а какой навредит.

— Он мой телохранитель и дело свое знает отлично. Я всеми дорожу, кто хорошо работает.

Я говорила спокойно и рассудительно, но пульс на шее спокойным быть не хотел, и я боялась того, что будет дальше. На эту тему быть спокойной у меня не получалось.

— Твои слова — слова работодателя, но страх — за друга. Он твой любовник и твой друг?

— У меня много друзей, я легко их завожу.

Тут Арлик засмеялся, и это был хороший такой, искренний смех. В других обстоятельствах он вызвал бы у меня улыбку как минимум, но когда у него в каждой руке по пистолету, а на полу — кровь Лисандро, этот смех нервировал. Он не соответствовал обстановке. А ничего хорошего ждать не приходится, когда реакции врага не соответствуют нормальным человеческим. Это значит, у него под черепом что-то не так, и он реагирует не так, как ты ожидаешь. Непредсказуемый социопат. И эта непредсказуемость может тебя ранить или убить.

— Да, ты легко заводишь друзей, мы это слышали. — В голосе его была веселая нотка. — Положите Лисандро на стол.

Три арлекина отнесли его к столу. Кровавого следа от раненого колена не осталось — оно уже зажило. Лисандро подняли как груз и положили на стол лицом вниз.

— Лицом вверх, пожалуйста, — велел Арлик.

Его перевернули без вопросов и промедлений, даже не переглянувшись между собой. Что за черт? Арлекины в лесу такими не были: они были как Арлик или как арлекин — красный тигр. Чем же эти трое отличаются?

Арлик вложил пистолеты в кобуры и подошел ко мне, нависая сверху. Он был ростом около шести футов и снизу казался еще больше, как это всегда бывает. Глаза у него оказались светло-серыми. Он присел, взял меня на руки бережно, прижал к груди. Я напряглась — по той причине, что эта бережность была как тот смех: не соответствовала.

Оказавшись к нему так близко, я ощутила сладковато-острый запах леопарда. И леопардица во мне воспрянула темной тенью, кошачьим шагом двинулась по невидимой тропе.

Арлик сбился с шага; слышно стало, как он под маской втянул ноздрями воздух.

— Первому твоему похитителю ты пахла волком, мне ты пахнешь леопардом. Не верю, что это реально — и то, и другое. Это наверняка входит в состав отравленной сладкой приманки, который ты влечешь к себе оборотней.

Он снова заговорил рассудительно-рассудительно, но наклонился ко мне лицом, и я ощутила долгий глубокий вздох его груди, будто он хочет еще, пока можно, чуют от меня запах леопарда.

Страх резко повысил шансы, что восстанет кто-то из моих зверей, и запах леопарда выбрал, кто именно это будет. Леопардица двинулась по тропе.

Арлик осторожно положил меня рядом с Лисандро. Давно уже не бывало, чтобы я лежала навзничь со связанными за спиной руками, но, судя по воспоминаниям, с прошлого раза эта поза удобнее не стала.

— Перекинешься — мы его убьем, — прошептал Арлик.

— Я не умею менять формы.

Он приподнялся, разглядывая мое лицо:

— Судя по запаху, ты не врешь, но и леопардом от тебя пахнет. Как это можно — быть леопардом и не перекидываться?

— Заверяю тебя клятвенно, что я пока что не выбрала себе животную форму.

Он запустил руку в перчатке мне в волосы:

— У тебя волосы действительно такие мягкие, как кажется с виду?

— Нет.

Он снова засмеялся:

— Этого не надо было говорить. У меня теперь будет искушение снять перчатку и потрогать самому.

Вампирские силы от прикосновения возрастают. Я не была уверена, что эта сила вампирская, но мне понравилось, как он сразу заинтересовался, когда коснулся меня.

— Если хочешь потрогать мои волосы, я не смогу тебе помешать.

Его лицо было так близко, что по глазам в прорезях маски я поняла, что он улыбнулся.

— Отчего это мне хочется снять перчатку и потрогать твои волосы?

Я ответила чистую правду:

— Не знаю.

— Побуждение очень сильное.

Моя леопардица остановила бег, будто ждала чего-то, но я чувала ее у самой поверхности, будто дайвер считает минуты, чтобы всплыть, не рискуя получить кессонную болезнь. Сидишь в воде, считаешь пузыри и ждешь. Как-то ощущалось, что леопардица примерно этим и занята, но она не пускала пузырей, и леопарды не следят за временем. Или следят не так.

— Коснись меня, — прошептала я.

Он расстегнул манжету, отогнул перчатку — она была частью рубашки, — и запустил пальцы мне в волосы. Леопардица замурлыкала, потягиваясь, стала тереться об его руку, будто он трогал ее круглую голову, а не мои локоны. Я увидела мысленным взором, как она словно большая домашняя кошка трется об его пальцы, но потом она скользнула вдоль руки, прильнула к его телу. Я и лежала навзничь на столе, и ощущала, как чужая энергия трется об него спереди. Будто была одновременно в двух местах.

Его рука сжалась у меня в волосах, тело выгнулось и задрожало от прикосновения леопардицы. Он закрыл глаза, запрокинул голову, будто не мог своему счастью поверить.

Он открыл глаза и уставился на меня — мерцающе золотыми глазами леопарда.

— Опять так сделаешь — и Лисандро опять получит пулю.

— Мы все оглохнем, если ты тут будешь стрелять, — сказала я восхитительно деловым голосом.

— Тогда пустим в ход ножи.

Он сделал какое-то движение, и я успела, обернувшись, увидеть, как один из молчаливых арлекинов метнулся темной полосой. Вот он стоял неподвижно — и вот нож торчит из бедра Лисандро. Я же смотрела прямо на него — и ничего не успела увидеть. Черт возьми, быстрые же они!

— Ты сказал — «опять так сделаю». Я так не делала.

Он снова шевельнул рукой, и я успела увидеть, как тот же арлекин взялся за рукоять.

— Ой, блин! — сказала я.

Одним быстрым движением он выдернул клинок. Из разреза выступила кровь, образуя на джинсах новые пятна напротив огнестрельной раны. Лисандро посмотрел на меня, и глаза у него вылезали из орбит. Смысл был понятен: прекрати это!

— Я же ничего не делаю, — ответила я на несказанные слова.

Арлик шевельнул рукой — и один из двух других направился к оставленной открытой двери. Какой-то тайный язык жестов, или сигналы, как у спецназа, но этих сигналов я не знала.

Оставшиеся два арлекина шагнули вперед, один прижал плечи Лисандро, другой зафиксировал ноги. У меня сердце билось быстро и сильно, слишком быстро, слишком сильно.

— Не мучьте его, — сказала я.

Арлик нахмурился в мою сторону, снова погладил меня по волосам, по щеке.

— Почему так приятно тебя трогать?

— Я тебе клянусь, что не знаю. Разве что потому, что я Нимир-ра нашего местного парда.

— Ты человек и вампир, ты не можешь быть Нимир-ра.

Но даже пока произносил он эти слова, рукой взял меня за лицо, и рука была очень-очень теплой.

— Насколько мне известно, я — первая Нимир-ра — человек в истории парда.

И я потерлась щекой о жар его ладони. Он отдернулся как укушенный.

— Оставайтесь с ними, — велел он, повернулся и вышел.

Оставшиеся два арлекина впервые за все это время переглянулись. Что-то тут было, им непонятное. Может быть, они не знали, почему вдруг остались одни с нами — со мной.

— Как вас зовут? — спросила я.

Они посмотрели на меня, потом друг на друга.

— Почему Мать Всей Тьмы запретила вам называть свои имена?

Они смотрели прямо перед собой, удерживая Лисандро на столе. Если бы у меня были настоящие способности оборотня и умение превращать пальцы в когти, я бы избавилась от веревок с легкостью — вот почему я была связана, а Лисандро скован.

Напрягая пресс, я села на столе. Арлекины не столько шевельнулись, сколько напряглись.

— Раз вы не говорите, как вас зовут, я вас буду звать Номер Один и Номер Два.

Они снова переглянулись. У одного глаза были карие, у другого голубые. Оба они были ниже, чем Арлик или тот вервольф, но маски, клобуки и перчатки делали их всех одинаковыми.

Я стала пытаться спустить веревки вниз по бедрам. Если получится, я их через ноги переведу вперед, и смогу ноги развязать. Шансов было мало, что я смогу настолько ослабить веревки, а за те несколько минут, что у меня есть — практически нулевые. Они мне помешают? Они со мной заговорят? Несколько минут здесь будут только они и мы, а потом, наверное, Арлик вернется. И до этого мне нужны какие-то варианты.

Я подвинулась, извиваясь, к краю стола. Не знаю, что я хотела сделать, но знала: так лежать и ждать, пока еще моих ребят принесут сюда мучить, я не могу.

Передо мной появился Номер Два. Я его узнала по синим глазам, у Номера Один — карие. Номер Два покачал головой.

— Говорить умеешь? — спросила я.

Он кивнул.

— Почему тогда со мной не говоришь?

Он молча смотрел синими глазами.

Я спустила ноги со стола и стала думать, что он сделает, если я попытаюсь спрыгнуть. Подхватит меня? Дотронется до меня? Кажется, прикосновение ко мне действует на них на всех, как будто *ardeur* и мои звери соединились во что-то новое, чего не было раньше. Я еще не все это поняла до конца, но была практически уверена: если с кем-нибудь из них у меня будет достаточно продолжительный физический контакт, я его подчиню, как любой вампир подчиняет жертву. По крайней мере такой был у меня план. Случались у меня планы и получше, но сейчас, похоже, начинало кончаться время, и любой план будет лучше, чем никакой. Во всяком случае, это говорила я себе, отталкиваясь от стола.

Глава 37

Номер Два поймал меня, обхватив руками. Я оказалась прижатой к нему, и когда я соприкоснулась с ним грудью, до меня дошло, что это не он, а она. Что среди них есть женщины, я знала, но ожидала, что узнаю ее раньше, чем мы прижмемся вплотную. Вот такая, значит, у меня наблюдательность. Лицом я утыкалась в изгиб ее шеи, между маской и клобуком, но голой кожи не было — маска и клобук соединялись наглухо. Наверняка она их натягивала, как перчатки. Но мне не нужна была кожа, чтобы учуять внутри нее львиное.

Легко меня приподняв, она снова посадила меня задницей на стол. И качала головой, глядя на меня очень серьезными синими глазами.

— Вам запрещено говорить, потому что вы обе женщины? — спросила я.

— Они не обе женщины. — Это был рычащий голос вернувшегося вервольфа. — Они — супружеская пара львов, или хотят ею быть, но их мастера-вампиры считают их своими. С другими вампирами они ими делятся, но запрещают им быть друг с другом.

Женщина-арлекин встала перед ним, преградив путь, и покачала головой.

— Их мастера вырезали им языки серебряным инструментом. Это отрезание не сказывается на их боевых качествах.

— Зачем? — не поняла я.

— Языки в конце концов отрастут обратно, а эти научатся повиноваться своим мастерам. Арлекины, сохранившие лояльность Матери, придерживаются очень старых обычаев, Анита Блейк. Звери зова, как бы ни были искусны, все равно звери — вот они и обращаются с нами, как со зверьми.

Женщина переглянулась с мужчиной — еще раз.

— Если Мать Всех Нас обретет тело, то все оборотни вновь окажутся зверями, — сказал вервольф.

— Тот арлекин, что принес сюда моего друга, тоже лев?

— Нет, она леопард.

Вервольф вытащил нож и склонился к моим ногам. Женщина тронула его за плечо, но когда он стал резать на мне веревки, не стала ему мешать. Я услышала лязг цепей — второй лев отпирал

ножные кандалы Лисандро. Слишком это было хорошо, чтобы происходить на самом деле, но я не мешала вервольфу резать веревки у меня на руках. Слишком или не слишком, а хорошо.

Он подал мне мои пистолеты.

— Больше я взять не решился, а твои священные предметы мы расплавили, так что их нет.

Я машинально проверила браунинг и смит-вессон, убедилась, что они заряжены. Смит-вессон засунула за пояс джинсов сзади.

— Не надо извиняться, и так отлично.

Он и Лисандро отдал его главный пистолет, тот тоже автоматически проверил, что оружие заряжено.

— Спасибо, — сказал он.

— Благодарить будешь, когда окажешься вне опасности, — ответил вервольф, направляясь к двери.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Она считает, что знание имени дает власть над его носителем. Очень древняя магия.

— Прости, я не хотела быть бестактной.

— Тадеуш, — ответил он. — Мое настоящее имя — Тадеуш.

— Так вот, чем бы ни кончилось, спасибо тебе, Тадеуш.

Он кивнул, и мы вслед за ним пошли к двери. Молчаливые львы раздвинулись, пропуская нас. Лисандро тронул меня за руку, чтобы я пропустила его вперед. Бедро у него уже зажило. Будем радоваться, что это было не серебро, и надеяться, что удача нам и дальше не изменит. Хотя удача никому подолгу не хранит верность.

Глава 38

Оказавшись в коридоре, я сразу получила ответ на свой вопрос, не в подземелье ли мы. Да, в подземелье. Я бы сказала, что в цоколе здания, но единственный этот коридор был весь каменный, будто вырубленный под землей, а может, начал, свою жизнь как пещера, вроде подземелий под «Цирком Проклятых». Но это подземелье было куда как менее внушительно. Главный коридор оказался настолько узок, что мы едва могли идти по двое в ряд. По обе стороны коридора располагались двери вроде той, из которой мы вышли, а позади был тупик. Футов через двадцать коридор заканчивался поворотом. Тупиковый коридор с комнатами без выхода. Ох, насколько мне стало легче, когда мы вышли из-за этого поворота, прочь из каменного мешка.

— Где наши парни? — спросила я.

Тадеуш показал рукой дальше по коридору:

— Последняя дверь налево, они там.

Он повел нас к этой двери, но я глянула на четыре другие закрытые комнаты.

— Здесь есть другие узники?

— Нет. Только наши мастера и их стражники-вампиры.

Мы с Лисандро переглянулись.

— Надо уходить из этого коридора, — сказал он.

Я кивнула, поскольку была полностью согласна.

Будь это нормальная охота, можно было бы проткнуть этих вампиров или пустить им серебряные пули в мозг и в сердце, но если убить вампиров, могут погибнуть и звери их зова. Как-то неблагодарно было бы убивать своих спасителей, так что пришлось оставить вампиров за спиной, пока они мертвы для мира. У меня мурашки побежали по спине при мысли о тварях, что за этими дверями ждут ночи, и о нас, у которых этот коридор единственный путь наружу. Приятно, что за нами идут Тадеуш и львы, но до спасения еще далеко.

Тадеуш шел впереди, лев рядом с ним. Лисандро настоял, что он пойдет следом, а меня поставил между собой и львицей. Я не стала тратить времени на пустые споры. Надо было просто забрать своих и мотать из Додж-сити.

Нужная нам дверь была рядом с изгибом коридора, так что лев, которого я мысленно продолжала называть Номер Один, вытащил пистолет и выглянул из-за поворота. Он не вздрогнул, не дал нам отмашку стоять на месте, так что, наверное, впереди не было неприятных сюрпризов. Уже радуется.

Тадеуш отворил засов, почти бесшумно. Потом сказал что-то резкое на языке, которого я не знаю, и добавил по-английски:

— Их тут нет.

Я попыталась выглянуть из-за широких плеч в черном плаще, но Лисандро уже посмотрел поверх его головы.

— Блин, — сказал он.

Я сообразила, что ни разу не спросила, кто они, и поняла: боялась спрашивать, не желая знать, кого они взяли в заложники. Наверняка Бернардо, потому что он пил кофе, как я и Лисандро, но Ники и Олаф не пили. И не спросила, в плену они или убиты. Если бы Олаф погиб в бою, выполняя свой долг, это решило бы кучу моих проблем, но он отличный боец и мой коллега-маршал. Я не могла желать ему смерти. Но больше всего, созналась я себе, меня тревожил Ники. Бернардо мне друг, но более всего — друг по работе. Мне было бы прискорбно, но жизнь бы продолжалась по-прежнему. А смерть Ники серьезно изменила бы мою привычную жизнь. Будь он львом моего зова, его гибель отозвалась бы во мне болезненно, и я бы знала, но невесты вампиров зачастую просто пушечное мясо. Вампиры иногда оставляют их, чтобы задержать охотников и дать мастерам уйти. Если у тебя есть вампирская сила превращать людей в невест, ты себе новых наделаешь. И многие мастера именно поэтому в пушечное мясо не влюбляются.

— Кого взяли вместе с тобой? — спросила я у Лисандро.

— Я очнулся рядом с Бернардо и еще кем-то незнакомым.

— А Ники и Олаф? — спросила я, забыв «маршалское» имя Олафа. И даже не попыталась поправить оговорку. Я по опыту знала: если случайно выдать чей-то псевдоним, то лучше не привлекать внимания к ошибке. Обычно слушатель редактирует услышанное, подгоняя под ожидаемое.

— Я отрубился вместе с тобой, Анита.

— Черт побери. Тадеуш! — позвала я.

Он обратил ко мне взгляд серьезных зеленых глаз из-под маски.

— Пока я ходил за оружием, они перевели твоих друзей в другую камеру. Подвел я тебя.

— Кто этот пленник, которого не знает Лисандро, и что случилось с двумя другими, которые были с нами?

— Тот красный тигр — помесь, которого ты сделала своим любовником.

— Этан?

— Кажется, так его зовут.

— Я же с ним спала только один раз.

— Твоя репутация гласит, что ты умеешь сильно привязать к себе любовника после очень недолгого контакта.

— Как вам удалось выманить его из берлоги красных тигров?

— Наш лазутчик знал способ, как это сделать.

— Старина Джордж, — сказала я.

— Одно из его имен.

Я хотела бы поспорить, но как-то не знала, надо ли, и отложила эту мысль, чтобы подумать потом. Про Ники и Олафа я тоже не стала спрашивать. Если их убили, я ничего не могу с этим поделать, а горевать сейчас не время. Прямо сейчас надо было остаться в живых, не дать Марми Нуар завладеть мною, и пока эти две цели не достигнуты, остальное менее важно.

Вот так я себе сказала и сама почти поверила.

— Ладно, а куда их могли перевести? — спросила я.

Спереди донесся голос:

— Анита, твои любовники у нас. Если ты не положишь оружие и не сдашься, мы начнем их резать на части.

Это был Арлик. Вот как раз этого и не хватало.

Я не стала отвечать — была уверена, что он так поступит, но не сомневалась еще и в том, что он хочет удержать нас в этом коридоре до наступления ночи. Ему только потянуть время до темноты, и

восстанут оставшиеся позади вампиры, а тогда Арлик, Джордж — красный тигр, которого я ранила (если это его настоящее имя) и самка-леопард, которая принесла Лисандро, получают подкрепление.

— Анита, отвечай! Или тебе нужны доказательства?

— Я тебя слышала, Арлик! — крикнула я в ответ.

— Это не мое имя.

— Назови свое, чтобы я обращалась к тебе правильно.

— Его зовут Мариус, — сказал Тадеуш.

— О'кей, Мариус. Ты хочешь, чтобы мы сдались. Мы хотим безопасности для своих ребят. Что дальше?

— Волк, ты выдал им мое имя, мое настоящее имя. Проклинаю тебя, волк!

— Я давным-давно проклят, Мариус. Ты — кот, ты ее любимое животное. Волки же для нее мерзее мерзких дворняг. И я больше не буду ее псом.

— Изменник! — крикнул женский голос — самка леопарда, которую мы раньше видели.

— Да, — согласился Тадеуш.

Мариус нечленораздельно завопил, выругался — и раздался еще чей-то приглушенный вопль. Черт.

— Мариус! — крикнула я.

Но что бы я ни делала, то, что сделал он и что вызвало вопль, назад не вернуть. Что сделано, то сделано. Твою мать.

Послышался тихий возглас без слов, и Номер Один свободной рукой подал знак.

— Они выбросили палец, — сказал Тадеуш.

Он шевельнул рукой, и лев выдвинулся в почти круглое расширение коридора. В конце была лестница. Оба льва быстро пробежали через эту арену, настороженные, с пистолетами наготове, но все было спокойно, только лежал у подножия лестницы какой-то предмет. Один из них держал под прицелом лестницу, другой поднял предмет, и оба они отступили, пятясь, будто опасаясь погони. Но противникам незачем было на нас нападать — им достаточно было ждать. Ждать и отрезать куски...

Лев протянул руку в черной перчатке — на ладони лежал мизинец. От Этана; у Бернардо кожа темнее. Если не серебром, то отрастет. Значит, они не намеревались калечить. Само по себе уже интересно.

— Следующий кусок отрежу не от твоего тигра. Брошу тебе палец твоего человеческого любовника, и он уже не отрастет! — крикнул Мариус.

Я не стала спорить, что мы с Бернардо не любовники. У меня репутация отчаянной любительницы мужчин, и мне не поверили бы, что я пропустила Бернардо. И вообще: знай они, что мы не любовники, могли бы его порезать сильнее и быстрее. Невозможно предсказать.

Я уставилась на палец, лежащий на ладони льва. Такое было ощущение, будто я что-то должна по этому поводу сделать, но что — непонятно.

— Анита, нужен какой-то план, — тихо сказал Лисандро.

Я мотала головой, глядя на палец. Он все еще кровоточил.

Схватив меня за руку, Лисандро развернул меня лицом к себе:

— Анита, я — мышцы. А мозги — ты. Думай. Придумай что-нибудь!

— Не могу.

— Скоро встанут вампиры, и все кончится, — сказал Тадеуш.

И тут мне пришла в голову мысль. Чудесная и жуткая мысль.

— Покажи мне, где лежат мастера Джорджа, Мариуса и этой леопардихи.

Тадеуш не стал даже спорить — просто повернулся и зашагал обратно. У Мариуса, Джорджа и леопардихи в руках Этан и Бернардо, но у них есть мастера-вампиры, свой у каждого, совершенно беспомощные до темноты. У них свои заложники — у нас будут свои.

Глава 39

Две камеры были полны вампиров. В каждой лежали по три мастера в гробах и с полдюжины младших вампиров свернулись вокруг как спящие щенки. Ну, ладно — спящие дохлые щенки, но картина была ясной. В гробах — важные вампиры, а на полу — шелупонь.

Два льва захотели узнать, почему мы просто не убьем чужих мастеров на месте.

— Потому что если все трое не погибнут мгновенно, оставшийся, пока мы добьем его мастера, сможет убить наших ребят.

Поэтому я выбрала трех из младших вампиров на полу и попросила трех арлекинов потренироваться в одновременном отрубании голов. Обезглавить тело — это легче сказать, чем сделать, а выполнить втроем синхронно — почти невозможно, даже если эти трое — грозные и баснословные арлекины.

Пока арлекины прилаживались, выбирая угол, Лисандро стоял в коридоре и пытался вести переговоры с Мариусом и его соратниками там, на лестнице. А я репетировала отсчет. На счет «раз» я выставляла палец, на счет «два» — другой палец, а по счету «три» и взмаху руки арлекины должны были обезглавить вампиров.

Они пристроились над спящими вампирами. Я посчитала, махнула рукой — и блеснули размытыми полосами мечи. Две головы отскочили и покатались по полу, третья потребовала второго удара. Я уставилась на Тадеуша, которому понадобился второй удар.

— Не под тем углом встал, — пояснил он.

Лев своим языком жестов показал, что они-то отлично справились. Я сказала:

— Я с ним согласна. У тебя был вагон времени, чтобы выбрать угол. Давайте еще троих и отработаем.

Я отчасти ожидала, что они возразят против бойни вампиров, но они промолчали. Либо приучены исполнять приказы без возражений, либо не в большом восторге от конкретно этих вампиров. Как бы там ни было, а очередная троица бесчувственных вампиров выложена была на полу практически мгновенно. К тому же после захода солнца во владении Милой Мамочки останется на трех вампиров меньше — в любом случае плюс.

— Анита! — позвал меня Лисандро.

Я рысцой побежала к двери, молясь, чтобы не было больше отрезанных частей тела у подножия лестницы. С Бернардо мы не так уж близки, но мне он нравится, и не хотелось бы, чтобы он прожил жизнь не в полном составе только потому, что я вовремя не сообразила. Да, я знаю, что вина не моя, но ощущалась она, как моя.

— Если мы не сложим оружие, они нам пришлют руку Бернардо, — сказал Лисандро.

— Черт, мы же не готовы!

— Где Анита? — орал Мариус.

— Я здесь, сукин ты сын! — заорала я в ответ. Как ему помешать отрезать у Бернардо куски, которые потом не вырастут? И тут у меня снова возникла одна очень хорошая плохая мысль.

— Быстро тащи сюда одну из отрубленных голов, — велела я.

Лисандро не стал спорить, просто вернулся туда, откуда я прибежала. Я попыталась говорить разумно, или хотя бы оттянуть увечья Бернардо.

— Мариус, откуда такое нетерпение? Ты же перекрыл нам единственный выход.

— Ты всего лишь человек! — крикнула женщина. — За честь почитать должна, что Мать вообще тебя заметила!

— Когда она сможет захватить твое тело и в нем расхаживать, тогда и поговорим, — сказала я.

Вернулся Лисандро с головой в одной руке и с пистолетом в другой. С распущенными волосами до плеч он смотрелся невероятно современным варваром.

Я услышала звуки борьбы. Бернардо?

— У меня для тебя презент! — крикнула я, а Лисандро сказала: — Давай.

Он метнул голову по грациозной дуге, и она приземлилась внизу лестницы. Идеальное приземление, которое, впрочем, с баскетбольным мячом было бы не так зрелищно, как с человеческой головой. Я бы ее никогда так не смогла приземлить.

— Что это? — спросила женщина.

— Один из ваших маленьких вампиров, — ответила я. — Вы нам будете посылать части тела — мы вам будем посылать головы.

— И мы вам тоже можем голову послать! — заорала она.

— У вас только два заложника, а у нас дюжина. Из них трое — ваши мастера. Умрут они — умрете вы.

— Тадеуш! — крикнул Мариус. — Ты не посмеешь!

— На этих переговорах главный не Тадеуш, а я. А я еще как, блин, посмею!

На том конце воцарилось молчание — они совещались. Если бы мы действительно хотели договориться о выходе, то сделать это нужно было бы до того, как встанут к ночи вампиры, а это будет скоро. Я не могла бы объяснить, откуда я знаю, но даже под землей ощущала приближение рассвета или заката. Мы на самом деле собирались перебить почти всех вампиров и выбраться по трупам наших врагов, но чтобы они об этом не догадались, надо было торговаться. Всегда приходится врать снова и снова, если соврешь вначале. Вроде как правило такое или закон природы.

— Чего вы хотите? — спросил Мариус.

Чего я на самом деле хотела — дать трем нашим арлекинам время для обезглавливания, но вслух сказала:

— Свободного выхода для нас для всех.

Секунда молчания и ответ:

— Это понятно.

Я знала, что как только наступит ночь и Мать войдет в одного из своих детей-вампиров, она тут же пустится за нами, но сейчас он будет притворяться, будто может нас отпустить на самом деле. И я могу притвориться, будто мы такие идиоты, что поверим. Мы начали торговаться всерьез, оба врали и оба тянули время.

Сколько нужно отрубить голов, чтобы идеально синхронизировать удары трех мечей? Как оказалось, девять. Сколько нужно обезглавить вампиров, чтобы находящиеся в пятидесяти ярдах оборотни учуяли кровь и смерть? Правильно, столько же. Три арлекина срезали головы идеально, как в каком-то палаческом балете, и трое оборотней наверху заорали:

— Вы же их убиваете!

— Конец твоим любовникам!

Все трое арлекинов шагнули к телам мастеров, выложенным аккуратно в ряд. Сверкнули серебром три меча — быстрее, чем я могла уследить. Вот только что меч был над головой — и вот размытое движение, и покатались головы, отделенные от тел. В белых масках они были похожи на головы кукол, но у кукол не хлещет кровь.

Сверху раздался вопль, шум борьбы — и тишина. Такая абсолютная тишина, что слышно было, как кровь звенит в ушах. Мне хотелось окликнуть Этана и Бернардо, но я заставила себя промолчать. Интересно, они там тоже затаились — или мертвы?

Два наших льва двинулись к лестнице, идя вдоль закругления стены, чтобы до последней секунды их не было видно. Потом один глянул вверх на лестницу — и дернулся назад. Дернулся так быстро, что я подумала: они там еще живы, но он глянул еще раз, дольше, и двинулся к лестнице. Второй лев шел следом.

Мы ждали у входа в коридор. Я слышала собственное дыхание, прислушивалась — но других звуков не было. Один из львов спустился с лестницы и показал жестом — «все чисто». Мы пошли по коридору, и я это ощутила — спускалась ночь. И вот она наступила — будто защелкнулись детали механизма, и шевельнулось что-то иное.

Меня обдало холодным ветром, по коже побежала дрожь и мурашки. А в голове отдался голос:

— Некромантка.

— Бежим! — крикнула я и выполнила собственный совет.

Никто не стал спорить — все бросились к лестнице.

Глава 40

Вампиры преследовали нас, но хуже того — они снова подчинили себе Тадеуша. Он не стал на нас нападать, но остановился, не побежал дальше.

— Спасайтесь, если можете, — сказал он. — Мне уже поздно.

Я протянула к нему руку, но Лисандро схватил меня за другую и потянул за собой, держа мертвой хваткой. Я могла упираться, он бы все равно меня тащил, и я побежала сама.

Бернардо с Этаном стояли у входа с лестницы, держа в руках пистолеты. Поверх наших голов они выстрелили по вампирам — и промахнулись.

— Они слишком быстры! — крикнул Бернардо.

Я споткнулась, чуть не упала, и Лисандро подхватил меня на руки и втащил наверх. Пистолет был у меня в руке, но я не могла прицелиться. Попыталась было высвободиться из хватки Лисандро, чтобы повернуться и драться, но что-то меня так ударило, что у меня воздух вышибло из легких, и на руке остались следы ногтей Лисандро это вампир вбил меня в стену. У меня дыхание отшибло — всего лишь на миг, потом я бы могла вскинуть пистолет, но арлекину как раз миг и был нужен. Только что я смотрела в светло-карие глаза, и вот они стали черные, будто смотришь в такую глубокую и темную ночь, какой вообще не бывает. Это явилась Мать Всей Тьмы.

— Некромантка, — произнес мужской голос.

Но интонация была ее.

Я вскрикнула, попыталась все же навести оружие, не выпущенное из руки, но она только засмеялась.

— Убери щиты, некромантка, или же мои арлекины перебьют их одного за другим.

— Не слушай ее! — крикнул Лисандро и застонал от боли. Тадеуш и другой арлекин — наверное, его мастер — прижали его к полу. Такого умелого бойца, как Лисандро, куда проще убить, чем захватить живым.

Этан и один из львов ходили как на ринге, глядя друг на друга. Одна рука у Этана висела плетью — перелом. У льва в каждой руке был пистолет. Другой лев прижал к стене Бернардо, заломив ему руку за спину, другой рукой схватив за горло. Лицо у Бернардо было окровавлено. Похоже, его ударили лицом об стену, чтобы оглушить и обезоружить.

Держащий меня вампир наклонился ближе:

— Анита, убери щиты.

— Не делай этого, Анита! — сказал Бернардо, и держащая его львица стала медленно сдавливать ему горло. Он хрипел и задыхался.

— Нам убить твоего человеческого любовника, некромантка? — спросил вампир, придвигаясь ближе, и мужское его тело намертво припечатывало меня к стене.

— Почему никто не верит, что он мне не любовник?

— Шутишь даже сейчас, Анита, — сказала она низким голосом. — Между мужеством и глупостью есть различие, некромантка.

Бернардо обмяк. Задушить до смерти — это требует больше времени, чем может показаться, но рисковать я не хотела. Черт!

— Отпусти его.

— Но если он тебе не любовник, тебе это должно быть безразлично?

— Отпусти его, — сказала я сквозь стиснутые зубы.

— Дай ему дышать, — сказала она.

Львица ослабила хватку, и Бернардо вдохнул судорожно, с жутким сипением, будто встал из мертвых. Закашлялся, а потом сказал:

— Анита, не делай этого.

— Он очень храбр, твой человеческий любовник.

На этот раз я не стала ее поправлять.

— Ты уже проникала под мои щиты и не смогла мной овладеть. Почему ты думаешь, что на этот раз получится?

— На этот раз у меня есть тело, которым можно тебя коснуться. Ты же знаешь, что физический контакт затрудняет сопротивление вампирским силам.

Я смотрела в незнакомое лицо — а с него на меня глядели глаза, которые я будто знала всю жизнь.

— Но ты в перчатках. К моей коже не прикасается никто из вас.

Глаза под маской недобро прищурились.

— Убери щиты, некромантка, и посмотрим, надо ли мне будет снимать перчатки.

Я медлила.

— В конце концов ты сделаешь то, что я прошу, некромантка. Вопрос только в том, сколько до этого умрет твоих компаньонов.

Этан лежал на земле — лев хлестнул его по лицу пистолетом. Один из пистолетов он направлял на упавшего.

— Первым мы убьем крысолюда. Он опаснее человека, а я не люблю крыс.

— Потому что ими ты не можешь управлять, — сказала я. — Это же не кошка, которую ты можешь заставить сделать что угодно. Просить приходится, как меня.

— Застрели его.

— Нет! — крикнула я.

В пустоте грохнул выстрел — стоящий над Лисандро Тадеуш стал валиться наземь. Он подставил себя под пулю своего мастера. Тадеуш рухнул возле Лисандро, а его мастер упал на колени — ранивший сам себя, потому что ранил Тадеуша.

— Я не могу тебя послушаться, — сказал Тадеуш, — но могу делать то, что ты не запретил. — Он закашлялся, изо рта потекла кровь. Посмотрел на меня через всю комнату и добавил: — Спасибо, Анита Блейк.

— Тадеуш!

— Я больше не раб.

Он перестал держаться прямо, свалился поперек Лисандро, а потом поднял руку, приставил пистолет под подбородок. И спустил курок прежде, чем его мастер успел ему запретить — они оба свалились грудой, их плащи и тела перепутались. Лисандро лежал под ними, и я не могла сказать, насколько он серьезно ранен.

— Запрещаю вам себе вредить! — рявкнула она, и львица, которая держала Бернардо, переменила позу, будто об этом думала.

Последний арлекин подошел к последнему льву.

— Я это запретил много веков назад, а то бы он давно уже это сделал. Правда, котик?

Лев зарычал, но пистолет от Этана не отвел. Пусть им не нравится, что они делают, но делать они это умели.

— Хороший котик, — сказал вампир и пошел к нам крадущейся походкой.

Прижимавший меня к стене вампир сказал:

— Куда бы ты ни пришла, ты возмущаешь моих вампиров. Революция идет за тобой, как чума за крысой.

Я хотела сказать чего-нибудь остроумное, но от последней моей остроты был ранен Лисандро, а может быть, не только ранен. После падения Тадеуша и его мастера он не шевельнулся. Есть пули, проходящие через тело, как нож сквозь масло, и такая пуля могла через Тадеуша попасть в Лисандро. Я ее уела, напомним, что крысолюдами она не управляет, и вот — он мог погибнуть из-за этого.

— Убери щиты, или следующим умрет человек, — сказала она.

— Ты со мной трахаться не будешь, так хоть этого ради меня не делай, — попросил Бернардо.

Лисандро лежал на полу неподвижно. Я не хотела видеть, как еще кто-нибудь из-за меня погибнет, а в том, чтобы сбросить щиты, был еще один плюс. Домино — один из тигров моего зова, и если я уберу щиты, он сможет меня ощутить. Если я их уберу и вспыхну достаточно ярко, меня ощутят Жан-Клод и все, кто со мной связан, потому что такие связи физическим расстоянием не ослабляются. Она хочет, чтобы я была одна, но разве я одна? Разве на самом деле я одна?

Сердце пыталось выскочить из горла. Так было страшно, что пересохло во рту.

— Анита! — крикнул Этан.

— Не делай этого! — попросил Бернардо.

— Если ты не сможешь мной овладеть, я не хочу, чтобы ты говорила, будто это из-за того, что я недостаточно щиты убрала. Ты сама сказала: вампирские силы лучше действуют, когда кожа касается кожи. Сними хотя бы перчатки, потому что если ты недостаточно вампир, чтобы мне мозги замылить, так тогда и вякать не надо.

— Ты наглеешь, девица.

— Ты уже год пытаешься подчинить мой мозг и завладеть телом, так не надо надувать щеки, раз у тебя не получается.

Слова мои были храбры, но во рту пересохло, и от страха даже кончики пальцев занемели. Иногда одна сильная эмоция может быть принята за другую.

— Ты хочешь, чтобы я вышла из себя? В этом дело? Пытаешься меня разозлить, чтобы я тебя убила, а не завладела?

— Нет, — ответила я.

В конце концов она попросила второго арлекина меня подержать и разоружить, а тем временем сняла перчатки, расстегнула застёжки на шее и стащила маску.

— Госпожа, вы открыли его лицо!

Он был потрясен. Все прочее он как-то пережил, а вот это его потрясло.

Лицо этого вампира было совершенно ординарным — десять раз в толпе увидишь и не запомнишь. Настоящее лицо шпиона: привлекательное — но не слишком, обыкновенное — но не слишком обыкновенное. Нейтральный весь — от темно-каштановых коротких волос и до среднего тона кожи. Джеймс Бонд — миф. Настоящие шпионы не выделяются, если это им не понадобится за чем-либо, а стоящий передо мной мужчина мог слиться с почти любым фоном. Почти.

— Это тело потрясено, что его открыли.

Голос ее звучал добродушной насмешкой, а реплика дала мне понять, что вампир, телом которого она овладела, присутствует здесь же, сохранив ощущения. Вот так это и будет? Я тоже буду присутствовать — пленницей в собственном теле? И буду видеть, как она творит ужасы, и ничем не смогу ей помешать?

Господи Боже мой, пусть она меня не захватит!

— Если ты пустишь в ход свои боевые навыки и нанесешь этому телу вред, поплотятся твои друзья. Ты поняла? — спросила она.

— Если я тебя ударю, буду сопротивляться физически, ты будешь мучить Этана и Бернардо.

— Да.

— Понятно, — кивнула я.

Она взяла мое лицо ладонями с двух сторон и скомандовала:

— Отпусти ее.

Вампир у меня за спиной не стал спорить — просто отпустил меня. Мы стояли так одно мгновение, и она шепнула:

— Убери щиты.

Я так и сделала. Сделала точно то, что она просила. Она же не сказала, какие именно щиты? Я выпустила *ardeur*, он полился по моей коже, и по ее. Заполненные ночной тьмой глаза расширились, она притянула меня к своему заемному телу.

— Секс открывает нас полностью, Анита. Я многих некромантов укротила во время секса.

Она наклонилась, поцеловала меня — и я убрала еще один щит. Он экранировал самую страшную силу, которую мне случалось освоить, силу, которую я приобрела в Нью-Мехико у вампирши, чьи глаза были как ночь и звезды. Она научила меня, как взять жизнь, самую суть личности — и выпить до дна. Это не так уж отличалось от *ardeur*'а: и та, и другая сила питались энергией, только *ardeur* — это был обмен, как в акте секса, когда наслаждение и энергия смешиваются и переплетаются, а эта сила не отдавала, но только брала. Я поела это тело, энергию, что оживляла его, его жизнь.

Она отодвинулась, прервав поцелуй, но руки от моего лица не убрала, а годится любая кожа.

— Ты удивляешь меня, некромантка, — сказала она, но страха в этом удивлении не было. — Какую огромную силу я получу, когда мы с тобой сольемся в одну сущность!

И я мысленными глазами увидела огромную волну тьмы, будто самая темная и глубокая часть ночи вдруг обрела тело и встала надо мной на дыбы, невероятно высокая, невероятно... невероятно все.

Я впивала тело, которое держала в руках, я пила его «жизнь», которая разгоняла эту вязкую кровь, двигала этим телом. По коже побежали тонкие линии, будто вампир высыхал на глазах. Я осушала его энергию, но он еще был голоден в начале ночи, и близко не было в нем той «жизни», что бывала, когда он насыщался от ликантропов, но то, что было, я взяла, и энергия эта наполняла мои глаза, пока я не ощутила, что они пылают карим огнем, и моя собственная вампирская сила ослепила их.

На меня обрушилась Тьма, и на миг мне показалось, что я утону в ней. Я не могла дышать, ничего не видела, ничего не могла... во рту был вкус жасмина и дождя, в ноздрах — аромат давно миновавшей тропической ночи в том углу мира, который я никогда не видела, в городе, от которого остались только песок да облизанные ветром камни.

Я тонула — и вдруг ощутила на своих губах губы Жан-Клода.

— Ma petite! — шепнул он у меня в сознании.

Через все мили, что разделяли нас, он оказался со мной, и предложил мне себя, и его сила помогла мне не рухнуть и вспомнить, что я — тоже вампир. Теплый запах волка — и Ричард через все эти мили оказался рядом со мной. Я чувала запах его кожи и знала, что он лежит, прильнув к телу женщины, ощущала изгиб ее бедра под его рукой. Запах ванили мне навевал ощущение волос Натэниела на моем лице, ощущение тех бесчисленных утр, когда я просыпалась рядом с ним. Зеленые глаза Дамиана надо мной, волосы цвета крови, рыжие волосы, не видевшие солнца почти тысячу лет. Из этих никто не был так силен, как Жан-Клод или Ричард, но они мои, и я прирастала ими, я и моя сила.

— Нельзя утонуть, если выпиваешь море, — прошептал Жан-Клод.

И лишь один захватывающий и страшный миг нужен был мне, чтобы понять, и снова я стала пить того вампира, что был у меня в руках. Не важно, что она вкладывает в него свою энергию; я все это выпью, все, что она предлагает. Она хочет вложить в меня свою энергию? Я не стану ей мешать.

Она лила в меня густейшую тьму из самых глубин, прямо мне в горло, я задыхалась от жасмина и дождя, но глотала и глотала ее. Я знала, что если не впáду в панику, если будут глотать и дышать между глотками, то смогу, справлюсь. Она пыталась утопить меня, я пыталась выпить черноту между звезд. Как недвижимый предмет и неостановимая сила — она желала литься в меня, а я не мешала энергии меня заполнять, но поедала ее, а она хотела съесть меня.

Далеко, как во сне, слышались выстрелы, но это я должна была доверить другим. Моя битва здесь — в темноте, битва за то, чтобы не утонуть в море жасмина. Мир стал тьмой, и я стояла в древней ночи посреди аромата жасмина в воздухе, в далеком запахе дождя.

— Ты моя, некромантка, — шепнула она.

Я упала на колени, и это ее тело, ее первое тело, темнокожая женщина держала меня, когда мы опустились на песок, на краю пальмовой рощи, под гудение насекомых, которых я слышала только в ее памяти.

— Тебе не выпить ночь, ее слишком много.

А потом в ночи возникла рука, и показался Домино, прижался ко мне сзади, не пытаясь оторвать меня от тьмы, но добавляя мне свою силу.

— Белого и черного тигра мало будет, некромантка! — засмеялась она.

И еще одна рука возникла в темноте, еще одна фигура обернулась вокруг нас с Домино. Этан, со сломанной после боя рукой, вошел в этот сон, и это было оно, нужный ключ. В нем были тигры всех цветов, которых в Домино не было. Моя радуга тигров была со мной. Я так и не понимала, почему Мастер Тигров был ее смертельным врагом, но сейчас поняла. Золотой тигр, и все цвета — это была сила дня и земли и всего живого, а она была силой всего мертвого, пусть и начала жизнь как живая львица-оборотень. Сейчас она была холодна и мертва так давно, что забыла и не могла понять, как это — быть живым. А может быть, не понимала никогда.

Я касалась этих тигров, а они меня, теплое тело к теплому телу, и само ощущение их рук плеснуло на меня воспоминанием о любовном акте с ними обоими. Мелькнули образы: Этан, завернутый в простыню, смотрит на меня и лижет, Домино прижимает меня к кровати, я смотрю через плечо на его выгнувшееся в последнем ударе тело. Она попыталась вспомнить секс, и воспоминания пришли, но это было слишком давно, и она его по-настоящему не понимала. Она была как секс-символ: ей рассказали, что значит быть сексуальной и как заниматься сексом, но в свою сексуальную притягательность она не верит, да и не нравится ей на самом деле этот секс. Пустая оболочка, притворство. А во мне притворства не было ни капли. Не в том дело, чтобы быть самой красивой или самой умелой, дело не в том, чтобы радоваться и наслаждаться сексом. А в том, чтобы любить мужчин, которые с тобой, пока они с тобой, и ценить из них даже самого последнего. Дело в любви, в конечном счете. Любовь любовника, друга, партнера, любовь тех, кого не хочешь утратить, с кем хочешь просыпаться каждый, черт возьми, день. Это — дом. Дом не как жилье, не как здание и не как тропическая ночь, полная дождем. Любовь строит дом не из пола, стен и мебели, а из сцепленных рук, из улыбок навстречу друг другу, из теплоты тел, прильнувших друг к другу в темноте. Я плыла в океане тьмы на плоту из рук, из тел, из того, что мне не наплевать на них на всех.

Мы не мешали ей лить ее страшную, одинокую, безумную тьму прямо в нас, и мы ее поглощали любящими руками, телами, из которых состоял наш дом, безумием многолюдья, насыщенностью

событий, но чем мы могли поступиться, кем мы могли поступиться? И конечный ответ был таков: ничем. Ни единым мизинцем. Золотые тигры — это была сила солнца, несущего жизнь земле, дарующей плоть. Они были созданы, чтобы прогонять тьму и напоминать нам, что иногда красота и жизнь торжествуют над самой темной ночью.

Когда до нее дошло, что ей не победить, она попыталась выйти из тела вампира. Попыталась бросить его умирать в одиночку, но не могла отойти — мы ее не пускали. Она хотела наполнить нас своей силой — мы не мешали ей.

И в ее голосе у меня в голове прозвучала первая нотка паники:

— Если ты возьмешь в себя мою силу, ты станешь такой, какова я.

— Я не такая, как ты, — подумала я в ответ.

— Станешь такой.

Сила ощущалась так приятно, и все же я знала, что выпиваю жизнь из двух личностей. Служителей зла, вампиров, но личностей. Я взмолилась не о том, чтобы это сделать, а чтобы эта сила не испортила меня. Чтобы выпитая темнота не направила и меня на путь зла.

Я пользовалась самой темной силой из всех моих сил и молилась при этом, и меня не охватило пламя, и не запылал ни один освященный предмет. Я пила тьму, существовавшую до того, как Бог решил, что свет — удачная выдумка, и Он против этого не возражал: тьму тоже создал Он. Он и то, и другое любит.

Глава 41

Эдуард и другие маршалы пришли на помощь вовремя, чтобы освободить Этана, помочь мне и дать мне Домино в резерв. А что было бы, если бы они не успели? Не важно. Они появились, и это помогло. Иногда бывает так, что надо довольствоваться этим. Победил? Радуйся победе и не переживай всякие «что, если бы».

Арлекины бросили Олафа и Ники как мертвых, добивать не стали, услышав приближение Эдуарда и его спутников. Ники выздоровел и снова при мне. Олаф тоже выздоровел, но он, как и Карлтон, не прошел анализ крови. Лучше бы его убили, потому что в следующее полнолуние Олафу предстоит стать львом. Из больницы он исчез, и никто не знает ни где он, ни что делает. А он слишком опасен, чтобы быть одному в первое полнолуние. Его ищет Эдуард и множество еще народа, связанного с различными ведомствами. Все мы согласны — армия, правительство, маршалы, — что Олаф и так был опасен, и не надо было к его патологии добавлять сверхчеловеческие силу и скорость и жажду крови и мяса.

Он снова оставил мне записку — на этот раз куда более короткую.

«Анита, я не стану твоим домашним котом, так что буду держаться от тебя подальше, пока не найду свое место в жизни как лев. Я не дам тебе сделать со мной того, что ты сделала с Ником. Я по-прежнему хочу тебя, но на своих условиях».

Подписи не было, но ее и не требовалось.

Сестра, с которой он флиртовал, была в хирургии, когда он сбежал, но доктор с короткими каштановыми волосами, доктор Пэйшенс, которой так понравился и он, и Бернардо, пропала. Мы с Эдуардом думаем, что ее похитил Олаф, но доказать не можем. Пока что он еще ничего нелегального внутри страны не сделал. Формально говоря, он все еще маршал на службе. А что касается Карлтон... Недавно тут уволили одного маршала, заразившегося ликантропией при исполнении долга, так этот маршал только что выиграл в суде процесс на несколько миллионов, и потому Карлтон тоже пока еще маршал. Мика свел ее со стаей вервольфов в ее родном городе. Еще он порекомендовал семейного психолога, который специализируется на помощи родственникам жертв.

Этан вернулся с нами домой — еще один тигр в дополнение к остальным. Я спросила своих любимых, не отослать ли нам теперь Синрика домой, раз есть другой синий тигр, но Жан-Клод не понимает, чем меня не устраивает возраст Синрика. Он считает, что мы взяли на себя обязательства перед ним и перед вампирами и белыми тиграми Вегаса. Натэниел же считает, что Синрик слишком связан со мной метафизически, чтобы легко пережить расставание. «Он влюблен в тебя, Анита, не

отсылай его». Мика разделяет некоторый мой дискомфорт по поводу возраста Синрика, но что если Жан-Клод и Натэниел правы? Так что пока наш тинэйджер с нами.

Мать Всей Тьмы мертва. Истинно и надежно мертва, и я никогда еще не ощущала такой мощной силы, как в потоке, которым я осушала ее. Все арлекины либо примкнули к нам, либо решили зажить собственной жизнью. Нам ничего не грозит. А это значит, что два дня в неделю я живу у себя в доме, где окна, воздух и свет, и Мика и Натэниел со мною, и иногда приходит Джейсон, а иногда другие тигры, но мои любовники-вампиры не рискуют попасть под солнечный свет. Но пять дней и ночей в неделю я с Жан-Клодом. Мы все еще ищем, как нам всем ужиться вместе. Хорошо бы, если бы пара тигров была женского пола и помогла разобраться с мужчинами, или чтобы новые мужчины были не так уж несгибаемо гетеросексуальны, потому что не могу же я быть единственным партнером, черт возьми, у каждого. Я на опыте поняла, что трахаться с таким количеством народу можно, но обеспечить эмоциональные потребности каждого — не получится. Трахаться — да, а вот романы со всеми крутить — нет. Есть мужчины, которых вполне устраивает дружба плюс секс, но большинству из них этого мало. Говорят, что женщины ищут в сексе романтику — моя жизнь этого не доказывает. Мои бойфренды куда романтичнее меня, да и любовники мои — тоже.